

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 17 • № 3 • 2025 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокошин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, член Президиума РАН, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокруницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Зягельская И.Д. — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, профессор РАН, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, Москва, Россия; профессор кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, профессор РАН, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов, главный научный сотрудник Отдела международных политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Технический редактор

Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 17 • No. 3 • SUMMER • 2025

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Leading Research Fellow at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Professor at the Chair of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Faculty of World Economy and International Affairs, School of International Affairs, HSE University; Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of the Group on Peace and Conflict Studies, Chief Research Fellow at the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

Technical Editor

Bogdan A. Avdeev

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

**Периодичность —
четыре выпуска в год**

Журнал включен в Единый государственный перечень научных изданий — «Белый список» (1-й уровень), в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и список журналов Russian Science Citation Index (RSCI).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономика международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 04.11.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,5.

Уч.-изд. л. 13,6. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 13110. Заказ № .

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2025

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original research papers, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-летию А.А. Кокошина 9

Мировой порядок в XXI веке

Б о б р о в А.К. «Доктрина Киссинджера»: трансформация стратегического треугольника «Россия — Китай — США» в 1970–2020-е годы 12

С м и р н о в П.Е. Второе президентство Д. Трампа: национальный интерес или «порядок, основанный на правилах»? 38

Теория международных отношений

В е с е л о в Ю.А. Особенности осмысления концепции «порядка, основанного на правилах», в западной академической литературе 80

Г а й д а е в О.С. К новой этике международной безопасности: о социально-политической миссии и нормативных подходах в теории секьюритизации 104

А б р а м о в а Е.А. Связка «безопасность — развитие» во французском научном дискурсе: осмысляя политику Франции в странах зоны Сахеля 139

Космос в мировой политике

К о ш к и н П.Г. Преемственность и изменчивость в подходах США к освоению космоса (2017–2025) 179

«Мягкая сила» в мировой политике

М а р ч у к о в А.Н. Публичная дипломатия России в Латинской Америке в условиях геополитической напряженности: ключевые акторы, возможности и препятствия 213

Научные обзоры и рецензии

У л у н я н А.А. Сохранить империю в неприкосновенности. *Рецензия на монографию С.Г. Малкина «Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума»* 240

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

C O N T E N T S

On the 80th Anniversary of A.A. Kokoshin 9

World Order in the 21st Century

B o b r o v A.K. Kissinger Doctrine: The Transformation of Russia-China-
U.S. Strategic Triangle from the 1970s to the 2020s 12

S m i r n o v P.Ye. Donald Trump's Second Presidency: National Interest
vs. 'Rules-Based Order'? 38

Theory of International Relations

V e s e l o v Yu.A. 'Rules-Based International Order' in Western Academic
Literature 80

G a i d a e v O.S. Towards a New Ethics of International Security: On
Socio-Political Mission and Normative Approaches in Securitization
Theory 104

A b r a m o v a E.A. 'Security — Development' Nexus in French Academic
Discourse: On France's Policy in the Sahel 139

Outer Space in World Politics

K o s h k i n P.G. Continuity and Change in U.S. Space Exploration Ap-
proaches (2017–2025) 179

'Soft Power' in World Politics

M a r c h u k o v A.N. Russia's Public Diplomacy in Latin America Amid
Rising Geopolitical Tensions: Key Actors, Obstacles, and Opportuni-
ties 213

Review Essays and Book Reviews

U l u n y a n A.A. Safeguarding the Empire. *Book Review of 'Policing
Empire: Colonial Control and the British Military Thought during the
Interbellum'* by S.G. Malkin 240

К 80-летию А.А. Кокошина

26 октября 2025 г. исполнилось 80 лет со дня рождения основателя факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (ФМП), заведующего кафедрой международной безопасности, главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика» академика РАН Андрея Афанасьевича Кокошина.

Создание ФМП стало не случайной вехой на жизненном пути Андрея Афанасьевича, а отражением его предшествующего личного опыта и крупных событий в мировой политике на рубеже XX–XXI вв. Междисциплинарный подход к изучению международных отношений, развиваемый на факультете с его основания, тесно связан с кругом интересов А.А. Кокошина. В 1969 г. он окончил факультет приборостроения МВТУ им. Н.Э. Баумана по специальности «Радиоэлектронные устройства», а в 1972 г. — аспирантуру Института США и Канады АН СССР (ИСКАН). Кандидатская диссертация Андрея Афанасьевича была посвящена американским подходам к прогнозированию международных отношений (1973), а докторская — взаимосвязи внутренней и внешней политики США (1982). В декабре 1987 г. А.А. Кокошин был избран членом-корреспондентом АН СССР, в мае 2006 г. — академиком РАН. В 2009–2017 гг. возглавлял Отделение общественных наук РАН, по настоящее время — член Президиума РАН, член президиума Научно-экспертного совета Совета безопасности Российской Федерации.

В течение многих лет Андрей Афанасьевич руководил отделом военно-политических исследований ИСКАН, был заместителем директора Института. В тот период под его руководством сложилась сильная научная школа, одним из ключевых направлений деятельности которой стало изучение стратегической стабильности, подходов к контролю над ядерными и обычными вооружениями. Эта работа имела не только академический, но и прикладной характер: рекомендации по итогам исследований направлялись в ЦК КПСС и органы власти СССР. Одним из важнейших достижений в этой области в 1980-е годы стала выработка под руководством А.А. Кокошина и вице-президента АН СССР Е.П. Велихова «асимметричного ответа» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана.

В этой связи неслучайным было принятое 3 апреля 1992 г. решение первого Президента России о назначении А.А. Кокошина первым заместителем министра обороны (обязанности министра Б.Н. Ельцин тогда оставил за собой). Решения сложнейших проблем, стоявших в 1990-е годы перед Вооруженными силами и оборонно-промышленным комплексом страны, приходилось искать в условиях жестких ресурсных ограничений и многочисленных организационных проблем.

К решению этих задач А.А. Кокошин был подготовлен не только предшествующей научной работой, но и жизненным опытом. Он вырос в семье офицера-фронтовика, участника Парада Победы, а свой трудовой путь начинал токарем на опытном производстве ОКБ-115, которое возглавлял в то время А.С. Яковлев. Помогала и такая закалка, как занятия профессиональным спортом сразу в двух «силовых» видах — академической гребле и регби.

Следует отметить, что и на посту первого замминистра обороны А.А. Кокошин был связан с международной деятельностью, занимаясь вопросами военно-технического сотрудничества, в том числе с такими ключевыми партнерами нашей страны, как Китай и Индия. 28 августа 1997 г. Указом Президента России в целях «усиления государственного управления военным строительством» А.А. Кокошин был назначен Государственным военным инспектором и секретарем Совета обороны Российской Федерации, а 3 марта 1998 г. он стал секретарем Совета безопасности РФ.

В декабре 1999 г. А.А. Кокошин был избран депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ и занимался парламентской деятельностью на протяжении трех созывов, в том числе возглавляя Комитет ГД по делам СНГ и связям с соотечественниками.

22 января 2003 г. под председательством Президента России В.В. Путина состоялось заседание Государственного совета Российской Федерации, посвященное текущим вопросам международной деятельности. Готовившая это заседание рабочая группа (А.А. Кокошин был заместителем ее руководителя) рекомендовала в том числе усилить подготовку кадров, способных заниматься внешнеполитической деятельностью в условиях формирования нового, многополярного, мирового порядка.

Подготовка специалистов-международников не была новым делом для Андрея Афанасьевича: в 1988 г. по его инициативе в ИСКАН было создано специальное отделение аспирантуры для обучения

экспертов по контролю над вооружениями. В новых условиях одним из вариантов решения задачи подготовки кадров виделось восстановление в структуре МГУ факультета международных отношений, образованного в 1943 г., а через год переданного в Наркомат иностранных дел СССР (ныне — МГИМО).

Как считал в начале XXI в. А.А. Кокошин, изменения в мировой политике вызывают потребность в таких кадрах, которые мыслят стратегически и видят системную взаимосвязь явлений, т.е. не только в специалистах узкого профиля, но и в универсально образованных ученых-международниках. Инициативу поддержал ректор МГУ академик В.А. Садовничий, и 17 марта 2003 г. ФМП был создан. По этому случаю Президент Российской Федерации В.В. Путин обратился к факультету с приветствием. А.А. Кокошин был назначен деканом ФМП.

Прошедшие годы подтвердили, что междисциплинарность, сочетание теории и практики, жизненного опыта и энергии молодости являются прочной основой для подготовки специалистов-международников, отвечающих требованиям времени.

Коллектив факультета и редакция журнала сердечно поздравляют Андрея Афанасьевича с юбилеем!

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-12-37

Научная статья / Research paper

А.К. Бобров*

«ДОКТРИНА КИССИНДЖЕРА»: ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА «РОССИЯ — КИТАЙ — США» В 1970–2020-Е ГОДЫ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6*

Предложенная Г. Киссинджером в годы холодной войны концепция «треугольной дипломатии» констатировала особое качество отношений между США, СССР и КНР и была призвана создать такую конфигурацию сил, при которой Вашингтон всегда имел бы стратегическое преимущество, играя на противоречиях между оставшимися вершинами стратегического треугольника. В современных условиях взаимодействие в новом стратегическом треугольнике — «Россия — Китай — США» — приобретает особое значение в процессе трансформации системы международных отношений, формирования полицентричного мирового порядка. Автор выдвигает гипотезу, что с приходом к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа создаются предпосылки для обретения «доктриной Киссинджера» качественно нового содержательного наполнения, при котором именно Москва может выступить балансиrom в конфигурации «Россия — КНР — США». Для того чтобы обосновать эту гипотезу, в данной статье предпринята попытка выявить ключевые этапы и детерминанты эволюции «треугольника Киссинджера» с 1970-х годов до сегодняшнего дня. Показано, что если в годы холодной войны именно США выступали бенефициаром в этом трехстороннем взаимодействии, то уже в постбиполярный период эта роль, хотя и с некоторыми оговорками, стала переходить к Китаю, получавшему дивиденды от сотрудничества с Россией и США при постепенной деградации двусторонних отношений Москвы и Вашингтона. Однако

* Бобров Александр Кириллович — кандидат исторических наук, доцент, руководитель направления дипломатических исследований Института стратегических исследований и прогнозов РУДН (e-mail: a.k.bobrov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7055-3805).

в современных условиях прослеживается тенденция к тому, что уже Россия может стать «балансиром» данной структуры. В пользу этого заключения говорят следующие тенденции: 1) формирование в целом благоприятного фона по итогам российско-американских переговоров на высшем уровне; 2) высокий потенциал российско-китайского сотрудничества, общность позиций двух стран по широкому кругу вопросов международной повестки; 3) активизация политики Д. Трампа по сдерживанию Китая. В совокупности эти тенденции могут открыть перед Москвой новые возможности для укрепления своих международных позиций, включая разрешение «украинского кризиса» и восстановление диалога по вопросам контроля над ядерными вооружениями.

Ключевые слова: Россия, США, Китай, стратегический треугольник, «треугольная дипломатия», баланс сил, российско-китайские отношения, российско-американские отношения, американо-китайские отношения, Г. Киссинджер

Для цитирования: Бобров А.К. «Доктрина Киссинджера»: трансформация стратегического треугольника «Россия — Китай — США» в 1970–2020-е годы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 12–37. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-12-37.

Alexander K. Bobrov

**KISSINGER DOCTRINE:
THE TRANSFORMATION OF RUSSIA-CHINA-U.S.
STRATEGIC TRIANGLE
FROM THE 1970S TO THE 2020S**

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198*

The concept of 'triangular diplomacy', introduced by Henry Kissinger during the Cold War, acknowledged the specific character of relations between the United States, the Soviet Union, and the People's Republic of China. It was designed to establish such a balance of power that the USA would consistently maintain a strategic advantage by exploiting the differences between the other two vertices of the strategic triangle. In contemporary conditions, the interaction within the new Russia–U.S.–China strategic triangle acquired particular significance given the reconfiguration of international relations and the shaping of a polycentric world order. The author posits that the reinstatement of President Trump in 2025

may give a qualitatively new meaning to the 'Kissinger Doctrine', with Moscow potentially acting as the counterweight within the Russia–China–U.S. configuration. To substantiate this hypothesis, this study identifies the key stages and determinants in the evolution of the 'Kissinger's triangle' from the 1970s onward. It demonstrates that while the USA was the primary beneficiary of this trilateral dynamic during the Cold War, this balance gradually shifted to the advantage of China during the post-bipolar period, albeit with some reservations. The latter benefited from its cooperation with both Russia and the United States as their bilateral relations were steadily deteriorating. However, current developments indicate that Russia may now be poised to become the 'counterbalance' within this framework. The following factors support this conclusion: (1) a generally favorable background following the high-level Russian-American negotiations; (2) the significant potential of Russian-Chinese cooperation and convergence of the two countries' positions on a wide range of international issues; and (3) the intensification of D. Trump's efforts to contain China. Together, these factors could create new opportunities for Moscow to strengthen its international standing, including resolving the Ukrainian crisis and restoring the dialogue on nuclear arms control.

Keywords: Russia, USA, China, strategic triangle, 'triangular diplomacy', balance of power, Sino-Russian relations, U.S.-Russia relations, Sino-American relations, Henry Kissinger

About the author: Alexander K. Bobrov — PhD (History), Associate Professor, Head of Diplomatic Branch, Institute for Strategic Studies and Forecast, People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (e-mail: a.k.bobrov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7055-3805).

For citation: Bobrov A.K. 2025. Kissinger doctrine: The transformation of Russia-China-U.S. strategic triangle from the 1970s to the 2020s. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 12–37. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-12-37. (In Russ.)

Одним из концептуальных геополитических «изобретений» Генри Киссинджера является «треугольная дипломатия» (*triangular diplomacy*), подразумевающая использование отношений с одной страной в качестве рычага воздействия на другую. В треугольнике «США — СССР — Китай» она была призвана создать такую конфигурацию сил, при которой Вашингтон всегда имел бы стратегическое преимущество, поддерживая более благоприятные отношения с обеими другими сторонами, чем они сами между собой [Kissinger, 1979].

В 1970-е годы США действительно смогли сформировать выгодный для себя баланс сил внутри упомянутого треугольника. Однако его последующие версии оказались менее успешными для Вашингтона [Панов, 2023]. Начиная с 2010-х годов отношения России и США пошли по нисходящей, в то время как Москва и Пекин, напротив, к 2020 г. достигли лучшего за всю историю уровня двустороннего взаимодействия¹. Одновременно с этим стали проявляться и негативные тенденции в американо-китайских отношениях. В этом контексте и с приходом к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа создаются предпосылки для обретения «доктриной Киссинджера» качественно нового содержательного наполнения, при котором именно Москва может выступить балансиром в конфигурации «Россия — КНР — США».

Для того чтобы обосновать эту гипотезу, представляется необходимым выявить ключевые этапы и детерминанты эволюции «треугольника Киссинджера» с 1970-х годов до сегодняшнего дня. В данной статье предлагается с помощью качественного анализа проследить изменения в соответствующих доктринальных документах сторон, оценить характер торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества и рассмотреть трансформацию инструментов дипломатического сопровождения внешнеполитической деятельности. Анализ отмеченных аспектов позволит сформировать комплексное представление о развитии взаимодействия в треугольнике «Москва — Пекин — Вашингтон» на современном этапе.

Исследование проводилось в рамках системного подхода к изучению международных отношений, который сформировался в Лаборатории прикладного анализа международных проблем (ЛАМП) МГИМО МИД России в 1970-е годы и был впоследствии разработан в трудах М.А. Хрусталёва и А.Д. Богатурова [Богатуров, 2017]. В соответствии с принципами данного подхода анализ эволюции комплексных взаимосвязей в системе межгосударственных взаимодействий, в том числе в рамках двусторонних отношений между странами, предполагает одновременное изучение влияния отдельных держав и факторов внешней среды. Особенно эффек-

¹ Денисов А.И. Нынешние российско-китайские отношения — лучшие за всю их историю // Российский совет по международным делам (РСМД). 03.03.2019. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/nyneshnie-rossii-sko-kitaiskie-otnosheniya-luchshie-za-vsyu-ikh-istoriyu/> (дата обращения: 10.10.2025).

тивным представляется использование указанного подхода для анализа треугольных конструкций в постбиполярной системе международных отношений [Богатуров, 1997].

Осмыслению динамики взаимодействия внутри стратегического треугольника «Россия — Китай — США» посвящен внушительный блок специальной литературы. Теоретические аспекты треугольного взаимодействия рассматривали Д.А. Дегтерёв, М.С. Рамич, Л. Диттмер [Дегтерёв, Рамич, 2021; Dittmer, 1981]. Вместе с тем в их трудах изучаемый нами треугольник выступает не столько в качестве объекта исследования *per se*, сколько как иллюстративный пример для подтверждения предлагаемых авторами теоретических выкладок. В этой связи для целей нашей статьи представляется предпочтительным упомянутый ранее системный подход А.Д. Богатурова и М.А. Хрусталёва: в предлагаемой ими парадигме принимаются во внимание не только общие мир-системные связи, но и региональная специфика, имеющая особую важность для изучения политики стран Востока. Успешность данной стратегии подтверждена в работах Т.А. Шаклеиной, где затрагиваются проблемы структуризации отношений между Россией, Китаем и США, в том числе рост порядкоформирующей активности со стороны Москвы и Пекина, сближение их усилий в строительстве основ мирового порядка, неприятие ими так называемого либерального мирового порядка, основанного на западных ценностях и институтах [Россия и США в XXI веке..., 2020; Шаклеина, 2020].

Основной корпус исследований посвящен влиянию фактора безопасности на взаимодействие Москвы, Вашингтона и Пекина [Воробьёва, Юнгблуд, 2019; The strategic triangle..., 1987]. При этом акцент (в силу открытости политического процесса и принятия решений для СМИ и публики) традиционно делается на американской «вершине» треугольника; например, в работах А.Д. Богатурова подчеркивается позиция американского истеблишмента в отношении нежелания Китая встраиваться в диалог по контролю над вооружениями, несмотря на рост его арсеналов [Богатуров, 1997, 2021]. Число работ, посвященных китайской «вершине», значительно меньше [см., например: Воскресенский, 2019], и обычно они сконцентрированы на проблематике роста мощи КНР и ее влияния на страны Глобального Юга через призму упомянутого треугольника [Треугольник Россия — Китай — США в АТР..., 2009]. В работах китайских исследователей упор делается на возможное сближение России и Китая

в контексте взаимоотношений трех стран и реакцию Вашингтона на создание союза между Москвой и Пекином [Хуашэн, 2019].

В настоящей статье автор стремится актуализировать представленные концепции и рассмотреть их эволюцию в преломлении текущего состояния международных отношений, включая смену американской администрации в 2025 г., а также дать прогноз дальнейшего развития взаимодействия внутри этого стратегического треугольника.

Складывание стратегического треугольника «США — СССР — Китай»

Углублявшийся в 1970-х годах китайско-советский раскол и параллельное возвышение Китая в качестве одной из мировых держав предоставляли администрации Р. Никсона возможность установить такие отношения с КНР, при которых она бы являлась противовесом Советскому Союзу и могла бы обеспечить дополнительные рычаги давления на Москву для получения уступок [см. подробнее: Согрин, 2015].

Важной составляющей китайско-американских отношений в «треугольнике Киссинджера» была поддержка Вашингтоном Китая в его противостоянии с Советским Союзом (например, в рамках вооруженного конфликта 1–2 марта 1969 г., когда около 300 китайских военных по льду р. Уссури тайно пересекли границу СССР и заняли замаскированные позиции на о. Даманский, за чем последовали кровопролитные столкновения, в результате которых противостояние могло перерасти в большую, в том числе и ядерную, войну [см. подробнее: Печатнов, Маныкин, 2016]). Подобный рост напряженности в советско-китайских отношениях играл на руку Вашингтону.

Одновременно с этим тема большой войны между СССР и самими США в начале 1970-х годов была уже снята с повестки дня². И если в китайско-советском сотрудничестве наступил кризис, который сопровождался расколом в международном коммунистическом движении и превращением Пекина в идеологического и геополитического соперника СССР, то отношения Москвы и Вашингтона как раз в на-

² Юргенс И.Ю. О китайском маневре Генри Киссинджера // РСМД. 16.07.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-kitayskom-manevre-genri-kissindzhera/> (дата обращения: 10.10.2025).

чале и в первой половине 1970-х годов вступили в период «разрядки» [см. подробнее: Печатнов, 2020]. В этом контексте Г. Киссинджер подчеркивал, что изначально стратегия администрации Р. Никсона в рамках трехсторонней дипломатии состояла в развитии диалога с Китаем ради самого диалога, который, однако, мог одновременно служить и противовесом в отношениях с СССР [Kissinger, 2011].

Залогом успеха этого курса должно было стать одновременное поддержание такого уровня взаимодействия с Китаем и СССР, которое было бы более стабильным, чем двусторонние связи между Москвой и Пекином. Однако нормализация не исключала и демонстрацию силы: сближение с Советами не удержало США от массированных «рождественских бомбардировок» в 1972 г. порта Хайфон в Северном Вьетнаме, через который СССР поставлял товары и технику в страну, а улучшение отношений с Китаем не мешало углублению сотрудничества Вашингтона с Тайбэем [см. подробнее: Трофименко, 1976].

В рамках подготовки визита Р. Никсона в КНР Г. Киссинджер инициировал «пинг-понговую дипломатию». Она подразумевала организацию серии игр в настольный теннис в 1971–1972 гг., в рамках которых состоялся первый визит американских граждан в материковый Китай с 1949 г.

Подтверждением успеха трехсторонней дипломатии Г. Киссинджера стал Московский саммит в мае 1972 г. Обе стороны выказали интерес к его проведению именно после нормализации отношений между США и КНР, совпавшей с активной фазой китайско-советского кризиса [см. подробнее: Пупышев, Райкова, 2020].

Этому предшествовало активное лоббирование американцами передачи места в ООН от Тайваня (режима Чан Кайши) материковому Китаю в 1971 г. Генеральная Ассамблея организации приняла резолюцию 2758, провозгласившую Китайскую Народную Республику единственным законным членом ООН и одним из пяти постоянных участников Совета Безопасности³. Необходимо отметить, что ранее, начиная с 1950 г., США систематически голосовали против членства КНР в ООН [см. подробнее: Lyon, 2016].

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2758 «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций», 25 октября 1971 г. // Система официальной документации ООН. Доступ: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/330/82/img/nr033082.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.10.2025).

В 1979 г. были установлены официальные дипломатические отношения между Пекином и Вашингтоном, что также ознаменовало новый этап во взаимодействии двух стран. Активизировалось сотрудничество как в культурной (массовая отправка китайских студентов на учебу в вузы США), так и в военно-технической сферах. В частности, Вашингтон предоставлял данные о советской военной инфраструктуре, экспортировал военную технику [см. подробнее: Ross, 1991].

В отношении культурно-гуманитарных обменов показателен ответ американского президента Дж. Картера на запрос китайского руководства отправить на учебу в США примерно 5 тыс. китайцев. Американский лидер с воодушевлением отметил, что Китай может направить «100 тысяч», желая подчеркнуть серьезный настрой на сближение с Пекином⁴.

Со своей стороны китайская дипломатия периодически поддерживала США по отдельным вопросам относительно действий СССР. Так, Пекин вместе с Вашингтоном выступил с осуждением ввода советских войск в Афганистан в 1979 г., а китайская и американская спортивные сборные бойкотировали Олимпийские игры 1980 г. в Москве [см. подробнее: Воробьева, Юнгблуд, 2019].

Г. Киссинджер так описывал баланс сил внутри треугольника «США — СССР — Китай»: «В течение последующих 15 лет мы должны склоняться в сторону китайцев против русских. Мы должны играть в эту игру баланса сил совершенно бесстрашно. Прямо сейчас нам нужно, чтобы китайцы исправили и дисциплинировали русских»⁵. Иными словами, и Р. Никсон, и Г. Киссинджер пришли к выводу о том, что на смену биполярной конфронтации между США и СССР должна прийти трехсторонняя дипломатия.

Таким образом, «доктрина Киссинджера» действительно принесла США свои плоды. Вашингтон улучшил отношения с двумя

⁴ Carter J. What can the U.S. and China do together? // The Carter Center. Available at: https://www.cartercenter.org/news/editorials_speeches/jc-what-us-china-can-do-together.html (accessed: 10.10.2025).

⁵ «For the next 15 years we have to lean toward the Chinese against the Russians. We have to play this balance of power game totally unemotionally. Right now, we need the Chinese to correct the Russians, and to discipline the Russians». Foreign relations of the United States, 1969–1976, Vol. I: Foundations of foreign policy // U.S. Department of State (2001–2009). Available at: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/frus/nixon/i/21100.htm> (accessed: 10.10.2025).

главными идеологическими оппонентами, в результате чего в 1972 г. состоялись судьбоносные встречи на высшем уровне руководства США с лидерами Китая (февраль) и СССР (май). Разрядка международной напряженности предоставила Вашингтону также возможность сконцентрироваться на завершении войны во Вьетнаме [см. подробнее: Согрин, 2015].

«Доктрина Киссинджера 2.0»

В период холодной войны и после нее в стратегическом треугольнике «США — СССР (Россия) — Китай» лидерство принадлежало Соединенным Штатам, так как КНР и Советский Союз стремились к улучшению отношений с Вашингтоном в качестве страховки от действий друг друга [см. подробнее: Jeannesson, 2002]. Как отмечает американский исследователь А. Стент, впоследствии (примерно с 2010-х годов) баланс сил изменился: ключевым бенефициаром сложившейся в треугольнике новой конфигурации стал Китай [Stent, 2016: 15].

Изменение расстановки сил в «треугольнике Киссинджера» 2.0 со смещением преимуществ от США в сторону КНР можно связать с последовательной деградацией отношений между Москвой и Вашингтоном⁶.

После окончания холодной войны американский истеблишмент, включая республиканцев, отошел от принципов реализма во внешней политике в сторону установок идеализма. Вашингтон проповедовал жесткий вариант мирового мессианства и лидерства с упором на силовые методы осуществления, как пишет В.В. Согрин, «мировой демократической революции» [Согрин, 2015: 478–479]. Такая смена внешнеполитической идеологии привела к закреплению триумфалистских настроений в американской дипломатии и появлению уверенности в том, что упадок России (и противников США в целом) необратим, поскольку выбранная Вашингтоном модель социально-экономического развития, подкрепленная силовым инструментарием, сама по себе выигрышна [Печатнов, 2022: 540–541]. Как следствие, происходила регулярная недооценка «российского»

⁶ Иванов И.С. «Перезагрузка» в российско-американских отношениях: тактический шаг или стратегический выбор? // РСМД. 08.10.2012. Доступ: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/comments/perezagruzka-v-rossiysko-amerikanskikh-otnosheniyakh-taktich/?ysclid=m7dccnlqn9555270829> (дата обращения: 10.10.2025).

полюса стратегического треугольника, акцент делался на постепенном сдерживании роста Китая вкупе с недостаточным вниманием к последствиям российско-китайского сближения для национальных интересов США.

Печально известная опечатка «перегрузка» (вместо «перезагрузка»), нанесенная на изготовленную в 2009 г., при президентах Д. Медведеве и Б. Обаме, кнопку, символизировавшую российско-американские отношения, оказалась пророческой. И хотя в тот период активизировался диалог по вопросам стратегической стабильности, включая выработку в сжатые сроки нового Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3)⁷, и правам человека, в целом «перезагрузка» не получила развития.

Поворотным моментом в дальнейшем отдалении России и США друг от друга в «треугольнике Киссинджера», вероятно, стали события весны 2014 г. и воссоединение Крыма с Российской Федерацией. Администрация Б. Обамы начала вводить антироссийские санкции, что подразумевало наложение на Москву многоуровневой системы рестрикций. Первые блокирующие меры со стороны Управления США по контролю над иностранными активами были введены 17 марта 2014 г. в рамках указов президента США № 13660 и № 13617⁸ [подробнее см.: Политика санкций..., 2023]. Торговые ограничения затронули экспорт и реэкспорт, а также передачу материалов и технологий компаниями, вошедшими в санкционный список [подробнее см.: Тимофеев, 2024].

⁷ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.04.2010. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45179/ (дата обращения: 10.10.2025).

⁸ Executive Order 13617 — Blocking Property of the Government of the Russian Federation Relating to the Disposition of Highly Enriched Uranium Extracted from Nuclear Weapons // Federal Register. 25.06.2012. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2012/06/27/2012-15954/blocking-property-of-the-government-of-the-russian-federation-relating-to-the-disposition-of-highly> (accessed: 10.10.2025); Executive Order 13660 — Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. 06.03.2014. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2014/03/10/2014-05323/blocking-property-of-certain-persons-contributing-to-the-situation-in-ukraine> (accessed: 10.10.2025).

Помимо экономического давления на Россию США перешли к «дипломатической войне» против Москвы [подробнее см.: Лебедева, 2024]. В 2016 г., при Б. Обаме, начались высылки российских дипломатов и конфискация российской дипломатической собственности. Тогда же был наложен арест на два российских объекта дипломатической недвижимости: загородные дома отдыха в штатах Нью-Йорк и Мэриленд. В 2017 г. администрация Д. Трампа не стала пересматривать вопрос возвращения доступа к двум упомянутым загородным дипломатическим резиденциям России (так называемые посольские дачи); напротив, Госдепартамент потребовал от Москвы закрыть генеральное консульство в Сан-Франциско, торгпредство в Вашингтоне и его отделение в Нью-Йорке, генеральное консульство в Сиэттле, а также наложил арест на резиденции генеральных консулов в Сан-Франциско и Сиэттле⁹.

В 2018 г. продолжилось выдворение российских дипломатов (46 сотрудников посольства в Вашингтоне, 2 — генконсульства в Нью-Йорке, 12 — постоянного представительства РФ при ООН). В декабре 2020 г. США закрыли свое консульство во Владивостоке. В 2021 г. Дж. Байден продолжил курс на недружественные действия США по отношению к российским диппредставительствам¹⁰. 15 апреля 2021 г. Вашингтон выслал 10 российских дипломатов. Государственный департамент объяснил принятие этих мер реакцией на «вмешательство» России в президентские и парламентские выборы 2020 г. и «кибератаки на ряд американских министерств»¹¹.

Помимо прямых высылки в рамках так называемых дипломатических санкций Вашингтон использовал и косвенные методы сокращения дипломатического состава российских миссий, не затрагивавшие коллег из иных стран, включая Китай. В частности, в конце 2021 г. посол РФ в США А.И. Антонов обратил внимание на весьма изощренный способ постепенного сведения к минимуму

⁹ Nauert N. Achieving parity in diplomatic missions // U.S. Department of State (2017–2021). 31.08.2017. Available at: <https://2017-2021.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/08/273738.htm> (accessed: 10.10.2025).

¹⁰ Котляр М. Путин и Байден обсуждали в Женеве вопрос выдачи виз для дипломатов // РБК. 28.06.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2021/60da26209a794736915c2661> (дата обращения: 10.10.2025).

¹¹ U.S. imposes wide array of sanctions on Russia for 'malign' actions // Citizen Digital. 16.04.2021. Available at: <https://www.citizen.digital/article/u-s-imposes-wide-array-of-sanctions-on-russia-for-malign-actions-10159035> (accessed: 10.10.2025).

российского дипломатического присутствия в США¹². Оно осуществлялось путем отказа от продления дипломатических виз для действующих сотрудников российских дипломатических миссий (посольства в Вашингтоне, генеральных консульств в Нью-Йорке и Хьюстоне) и затягивания процесса оформления замен в рамках дипломатической ротации.

Российско-китайские отношения, напротив, в период раскола между РФ и США при администрациях Дж. Буша-мл., Б. Обамы, Д. Трампа (2017–2021) и Дж. Байдена (2021–2025) поступательно улучшались. Стороны регулярно заявляли об обновлении рекордов экономического сотрудничества и достижении новых исторических вершин двустороннего партнерства [см. подробнее: Салицкий, Семёнова, 2019]. В 1996 г. российско-китайские отношения приобрели статус стратегических, после чего их уровень регулярно повышался. Результатом долгого процесса сближения Москвы и Пекина стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (16 июля 2001 г.)¹³. Другим важным шагом было последующее подписание Дополнительного соглашения между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части (14 октября 2004 г.), которое формально закрепило отсутствие территориальных претензий друг к другу¹⁴. По сути, страны воплотили завет Дэн Сяопина времен советско-китайского саммита в Пекине 1989 г. о необходимости «закрыть прошлое» ради будущего сотрудничества [Зуенко, 2023].

Сегодня российско-китайские отношения носят характер всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, всту-

¹² Посол России в США заявил об искажении Госдепом фактов о выдворении российских дипломатов // Международная жизнь. 30.11.2021. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/32649?ysclid=mecs9ad91i698653617> (дата обращения: 10.10.2025).

¹³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Официальный интернет-портал правовой информации. Доступ: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=15&nd=203000544&collection=1&ysclid=mecsbb86qn450206376 (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁴ Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14.10.2004. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46132/ (дата обращения: 10.10.2025).

пающего в новую эпоху¹⁵. Россия и Китай продолжают укреплять связи в многосторонних форматах, включая ШОС, РИК и БРИКС [см. подробнее: Donaldson, Nadkarni, 2018]. Об уважении стратегического выбора и национальных интересов друг друга свидетельствует тот факт, что Китай воздержался во время голосования как по резолюции относительно Крыма в Совете Безопасности ООН (и регулярно воздерживается при обсуждении ежегодной профильной анти-российской резолюции Генеральной Ассамблеи), так и по проекту резолюции, не признающей референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях в 2022 г. [см. подробнее: Денисов, 2022].

Власти России и Китая оценивают состояние двусторонних отношений как находящееся на беспрецедентно высоком уровне. В 2023 г. двусторонняя торговля превысила отметку в 200 млрд долл. США и продолжает демонстрировать рост. Так, в 2024 г. товарооборот побил очередной рекорд и составил 245 млрд долл. США¹⁶. При этом двусторонние расчеты, особенно вследствие отключения российских экономических операторов от системы межбанковского обмена данными SWIFT, практически полностью были переведены в национальные валюты, доля которых достигла 95%¹⁷.

Важным успехом российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере стало заключенное в 2019 г. на 30 лет соглашение между ПАО «Газпром» и CNPC о купле-продаже газа по газопроводу «Сила Сибири» в объеме 38 млрд куб. м газа в год¹⁸. В феврале 2022 г. между Россией и Китаем был подписан контракт, предусматривавший поставку по дальневосточному маршруту в КНР до

¹⁵ О российско-китайских отношениях стратегического партнерства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem/?ysclid=mecsg3q510130853917 (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁶ Ткачёв И., Гальчева А. Что происходило в торговле России и Китая в 2024 году // РБК. 23.01.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790fa3e9a7947ca6e9d4c1c> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁷ Лавров С.В. Россия и Китай: партнерство и дружба, закаленные временем // РСМД. 03.10.2024. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-kitay-partnerstvo-i-druzhiba-zakalennye-vremenem/> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁸ Правосудов С. «Сила Сибири» выходит на максимум // Независимая газета. 07.10.2024. Доступ: https://www.ng.ru/ng_energiya/2024-10-07/14_9109_gas.html (дата обращения: 10.10.2025).

10 млрд куб. м газа в год в течение как минимум 25 лет. В августе 2024 г. «Газпром» начал строительство «дальневосточного маршрута», и ожидается, что поставки газа в Китай по новому газопроводу будут запущены в январе 2027 г.¹⁹ Продолжаются также переговоры о строительстве системы газопроводов «Сила Сибири 2» мощностью 50 млрд куб. м газа в год [см. подробнее: Гулиев и др., 2023].

После серьезной деградации российско-американских отношений в 2014 г. и в последующие годы, как замечает А. Стент, фактически отношения между Китаем, Россией и Соединенными Штатами стали напоминать разносторонний треугольник, в котором наибольшее расстояние наблюдается между Москвой и Вашингтоном, тогда как китайско-российские отношения являются наиболее близкими и стабильными. Благодаря этому Китай занял место США в качестве главного выгодоприобретателя баланса сил внутри «треугольника Киссинджера» [Stent, 2019]. Не в последнюю очередь это связано и с углублением экономической взаимозависимости Пекина и Вашингтона, способствовавшей росту обеих экономик после глобального финансового кризиса 2007–2008 гг., для обозначения которой часто используется концепция «Чимерика» (*Chimerica*).

Однако политика США при Б. Обаме ужесточилась в отношении не только России, но и Китая, хотя это и произошло гораздо позднее. Так, стратегия США, которую изначально администрация Б. Обамы определила как «возвращение в Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР) (*return to the Asia-Pacific*)²⁰, позднее была преобразована в «стратегический поворот к Азии» (*strategic pivot*)²¹ и, наконец, «ребалансировку» (*rebalancing*)²². Смещение акцентов отражало более долгосрочные планы США по сдерживанию роста КНР. Причиной

¹⁹ «Газпром» начнет поставки газа в КНР по дальневосточному маршруту в январе 2027 года // Интерфакс. 29.08.2024. Доступ: <https://www.interfax.ru/business/978732> (дата обращения: 10.10.2025).

²⁰ The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration // Center for a New American Security. February 2009. Available at: https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/hero/documents/CossaPatel_US_Asia-Pacific_February2009.pdf (accessed: 10.10.2025).

²¹ National Security Strategy // The White House (archives). May 2010. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 10.10.2025).

²² National Security Strategy // The White House (archives). February 2015. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 10.10.2025).

появления новой глобальной стратегии США для этого региона стал подъем Китая²³.

Одновременно с этим в 2008 г. Пекин провел Олимпийские игры, в 2009 г. — масштабный военный парад и в 2010 г. — Всемирную выставку. Последние два события были направлены на демонстрацию военных, технологических и экономических достижений КНР. В этих условиях, по мнению Т.А. Шаклеиной, постепенно внешнеполитическое руководство в Вашингтоне пришло к пониманию того, что вслед за производственным и экономическим лидерством следует военное превосходство, которое в свою очередь приводит к конкуренции за мировое господство [Шаклеина, 2020].

Полномасштабную торговую войну с КНР развязал уже Д. Трамп, который в 2018 г. начал последовательное введение пошлин на широкий спектр китайских товаров²⁴. Одновременно США стали использовать систему разного вида ограничений и для китайских ИТ-компаний (ZTE, Huawei, Sugon и др.) [Травкина, 2018].

Д. Трамп также продолжил намеченную Б. Обамой стратегию США по усилению своего присутствия в Азии. Академик А.В. Торкунов отмечает, что администрация Д. Трампа при формулировании своей стратегии в АТР в качестве главных задач поставила закрепление неоспоримого лидерства Соединенных Штатов, «сдерживание» быстро растущего Китая, сумевшего потеснить США, а также сплочение американских союзников²⁵.

В свою очередь этому сопутствовало ухудшение дипломатических отношений между странами. Д. Трамп регулярно обвинял Китай в краже американской интеллектуальной собственности, шпионаже и «создании» COVID-19²⁶. Итогом стало закрытие генконсульства Китая в Хьюстоне, США. В ответ китайские власти

²³ Canrong J. How America's relationship with China changed under Obama // World Economic Forum. 14.12.2016. Available at: <https://www.weforum.org/stories/2016/12/america-china-relationship/> (accessed: 10.10.2025).

²⁴ Fact sheet: President Donald J. Trump imposes tariffs on imports from Canada, Mexico and China // The White House. 01.02.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/02/fact-sheet-president-donald-j-trump-imposes-tariffs-on-imports-from-canada-mexico-and-china/> (accessed: 10.10.2025).

²⁵ Мэннинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США // Россия в глобальной политике. 21.09.2018. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/indo-tihookeanskaya-strategiya-ssha/> (дата обращения: 10.10.2025).

²⁶ Lab-leak: The true origins of COVID-19 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/lab-leak-true-origins-of-covid-19/> (accessed: 10.10.2025).

объявили о закрытии генконсульства США в Чэнду, которое начало работу еще в 1985 г., в период наибольшего расцвета отношений между странами²⁷.

Дж. Байден продолжил курс предыдущих администраций на противостояние росту Китая, который в 2021 г. официально сменил Россию в числе главных угроз США²⁸. В мае 2024 г. глава Белого дома повысил пошлины на китайские электромобили вчетверо — до 102,5%, а также ввел тарифы в размере 25% на китайские батареи для электромобилей и сырье для их производства, полупроводники, некоторые виды стали, алюминий и пр.²⁹

Таким образом, к 2025 г. «треугольник Киссинджера» изменился настолько, что бенефициары от баланса сил внутри него стали неочевидны. Если до 2016 г. Пекин выигрывал от ухудшения отношений США и России, то торговая война, начатая Д. Трампом, и политика сдерживания Китая, ставшая лейтмотивом всех последних администраций президентов США (Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена), фактически свели на нет осторожные попытки китайской дипломатии лавировать во избежание конфронтации с Западом. Ответной реакцией стал переход Пекина к гораздо более настойчивой, напористой политике [см. подробнее: Rozman, 2022]. Примерно с 2020 г. с подачи китайского таблоида «Global Times» для ее обозначения стал широко использоваться образ «дипломатии волков-воинов»³⁰.

«Доктрина Киссинджера 3.0»: новации и перспективы

С возвращением администрации Д. Трампа в Белый дом и первыми предпринятыми его администрацией шагами, особенно в отношении традиционных союзников, прежде всего ЕС, как по экономическим, так и по внешнеполитическим вопросам в журна-

²⁷ Китайские власти закрыли генконсульство США в Чэнду // РИА Новости. 27.07.2020. Доступ: <https://ria.ru/20200727/1574957079.html> (дата обращения: 10.10.2025).

²⁸ Строкань С. Америка переизбрала врага номер один: новый президент США продолжит глобальный поход против Китая // Коммерсантъ. 20.01.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4654278> (дата обращения: 10.10.2025).

²⁹ Fact sheet: President Donald J. Trump continues the suspension of the heightened tariffs on China // The White House. 11.08.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/08/fact-sheet-president-donald-j-trump-continues-the-suspension-of-the-heightened-tariffs-on-china/> (accessed: 10.10.2025).

³⁰ Жирухина Е., Бочарова А. Бейтс Гилл: дипломатия «волков-воинов» в Китае — работает ли она? // Россия в глобальной политике. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov/> (дата обращения: 10.10.2025).

листной и экспертной среде всё чаще говорят о расколе в трансатлантическом единстве³¹. Особенно ярко на дискурсивном уровне это проявилось во время выступления вице-президента США Джей Ди Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности 2025 г.³² На этом фоне свежие инициативы новой администрации по нормализации американо-российских отношений, по оценкам «Financial Times», «ужаснули европейские страны»³³.

Администрация Д. Трампа даже задумалась о частичном смягчении санкционного режима против России в случае достижения мирного урегулирования российско-украинского конфликта³⁴. Однако переоценивать перспективы скорого улучшения отношений Москвы и Вашингтона, которые, как отмечал еще в 2021 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров, «достигли дна»³⁵, преждевременно. Как подчеркивает Ф.А. Лукьянов, комментируя первый раунд переговоров РФ и США в Эр-Рияде, «после конфетно-букетного периода наступают будни <...> неизбежны серьезные разочарования и с той стороны, и с этой»³⁶.

Тем не менее одним из основных вопросов, стоявших на повестке дня на переговорах в Эр-Рияде, было восстановление имевшегося ранее уровня дипломатических отношений, в том числе возвращение российской дипломатической собственности, конфискованной властями США. Российская сторона, по словам С.В. Лаврова, акценти-

³¹ Foy H., Miller Ch., Schwartz F. Europe left reeling by Trump over Ukraine peace talks with Russia // Financial Times. 12.02.2025. Available at: <https://www.ft.com/content/f7271853-48a0-4865-ac23-0cc4d87c9fb3> (accessed: 10.10.2025).

³² Лукьянов Ф.А. Последнее сражение холодной войны? // Россия в глобальной политике. 16.02.2025. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/srazhenie-lukyanov/> (дата обращения: 10.10.2025).

³³ Seddon M., Schwartz F. Trump's rush to strike a deal on Ukraine hands Putin the advantage // Financial Times. 19.02.2025. Available at: <https://www.ft.com/content/892fa330-f2f0-498b-a81b-4a956f059d38> (accessed: 10.10.2025).

³⁴ Drozdak N., Nardilli A., Flatley D. Rubio says sanctions stay for now as Trump eyes Putin summit // Bloomberg. 19.02.2025. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-02-18/rubio-says-us-won-t-lift-russia-sanctions-before-ukraine-deal> (accessed: 10.10.2025).

³⁵ Лавров заявил, что конфронтация России и США «достигла дна» // ТАСС. 01.04.2021. Доступ: <https://tass.ru/politika/11050021> (дата обращения: 10.10.2025).

³⁶ Лукьянов Ф.А. Первое свидание, опасная игра и два плохих пути: как пройдут переговоры России и США // Россия в глобальной политике. 15.02.2025. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/pervoe-svidanie-rossii-i-ssha/> (дата обращения: 10.10.2025).

ровала, что для возобновления всеобъемлющего диалога необходимо наладить нормальную работу дипломатических представительств. Министр уточнил, что стороны «говорили не о нормализации дипотношений — они существуют. Мы говорили о снятии искусственных препятствий, которые серьезнейшим образом осложняют повседневное функционирование наших посольств, генеральных консульств»³⁷. В свою очередь госсекретарь США Марко Рубио по итогам переговоров в Эр-Рияде заявил, что РФ и США договорились восстановить прежнюю численность дипломатического состава посольств в Москве и Вашингтоне³⁸.

Во многом этот позитивный импульс стал заложником украинского конфликта. Подтверждает этот тезис и российско-американский саммит в Анкоридже 15 августа 2025 г. С одной стороны, сам факт организации подобной встречи в условиях катастрофической деградации двусторонних отношений свидетельствует о повышенном внимании американской стороны к России и попытках решить «украинский кризис», чтобы впоследствии сосредоточиться на противостоянии Китаю, о чем неоднократно заявляли представители администрации Д. Трампа. С другой стороны, отсутствие прорывных итогов и дальнейшее ухудшение российско-американских отношений (в частности, появившиеся в публичном поле дискуссии о предоставлении Киеву ракет большой дальности «Tomahawk» и активизация обмена разведывательной информацией) свидетельствуют о меньшем приоритете «китайской угрозы» для Вашингтона по сравнению с рисками затягивания конфликта на Украине или «победы» в нем Москвы.

Однако, как отмечают некоторые исследователи, в отношении Китая Д. Трамп не сильно отходит от жесткой риторики, характерной для его первого президентского срока [Труш, 2023]. Во время предвыборной кампании он угрожал введением 60% пошлин на весь импорт в КНР³⁹. Китайские эксперты придерживаются песси-

³⁷ Лавров: Россия подняла вопрос о своей дипсобственности в США // ТАСС. 19.02.2025. Доступ: <https://tass.ru/politika/23186841> (дата обращения: 10.10.2025).

³⁸ Secretary Rubio's meeting with Russian foreign minister Lavrov // U.S. Embassy & Consulates in Russia. 18.02.2025. Available at: <https://ru.usembassy.gov/secretary-rubios-meeting-with-russian-foreign-minister-lavrov/> (accessed: 10.10.2025).

³⁹ Donald Trump's 60% tariff on Chinese imports // Committee for a Responsible Budget. 10.04.2024. Available at: <https://www.crfb.org/blogs/donald-trumps-60-tariff-chinese-imports> (accessed: 10.10.2025).

мистического взгляда на китайско-американские отношения при новом сроке Д. Трампа, особенно если учитывать, что ключевые члены его команды, в частности госсекретарь США М. Рубио и советник по национальной безопасности М. Уолц, зарекомендовали себя в качестве ярых противников Китая. Ожидается, что Д. Трамп займет более агрессивную позицию по продвижению интересов США в рамках их индо-тихоокеанской стратегии и сдерживанию Пекина, в том числе во взаимодействии с ключевыми партнерами в регионе в формате Четырёхстороннего диалога по безопасности (Quad — Индия, США, Австралия и Япония), который был возрожден после многих лет бездействия еще во время первого срока Д. Трампа в 2017 г. [см. подробнее: Мартынова, 2022].

Помимо этого именно в период президентства Д. Трампа американцы предприняли первые реальные, а не декларативные шаги по сдерживанию Китая, включая введение новых пошлин. Пекин, несмотря даже на российско-украинский кризис, официально остается самой большой угрозой безопасности⁴⁰ для Соединенных Штатов, оказывающей прямое влияние на военное планирование в Вашингтоне [см. подробнее: Бубнова, 2021]. В то же время в том, что касается российско-американских отношений, С.В. Лавров, выступая в Государственной Думе в феврале 2025 г., отметил: «...хотя национальные интересы России и США <...> никогда не совпадут полностью, при их совпадении стороны должны извлекать выгоду»⁴¹.

Как следствие, принимая во внимание достигнутый высокий уровень российско-китайских связей, в соответствии с официальной позицией российской дипломатии Москву можно рассматривать в качестве возможного балансира в рамках нового «треугольника Киссинджера». В пользу этого заключения говорят следующие тенденции:

– формирование в целом благоприятного фона по итогам российско-американских переговоров в Эр-Рияде, а также обозначившееся стремление обеих сторон к улучшению дипломатических отноше-

⁴⁰ National Security Strategy // Naval Postgraduate School. October 2022. Available at: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (accessed: 10.10.2025).

⁴¹ Романов Р., Кулагин В. О чем Сергей Лавров говорил в Думе после переговоров с США в Эр-Рияде // Ведомости. 19.02.2025. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/02/19/1093131-o-chem-sergei-lavrov> (дата обращения: 10.10.2025).

ний, которые могут стать прологом к наращиванию взаимодействия и в других сферах;

– высокий потенциал российско-китайского сотрудничества: общность позиций по вопросам международной повестки и активное взаимодействие как в двустороннем, так и в многостороннем форматах, включая БРИКС, ШОС, сопряжение китайской инициативы «Один пояс — один путь» и интеграционного потенциала Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и др.;

– возобновление политики Д. Трампа по сдерживанию Китая, «увеличение дистанции» между странами.

* * *

Идея «доктрины Киссинджера» предполагает, что одна из «вершин» в треугольнике выигрывает от противостояния двух других. Изначально речь шла о Вашингтоне, развивавшем отношения и с Москвой, и с Пекином в условиях балансирования двух последних на грани вооруженного конфликта. Однако анализ эволюции взаимоотношений внутри треугольника «Москва — Вашингтон — Пекин» с 1970-х годов до сегодняшнего дня демонстрирует структурную перестройку архитектоники мирового порядка, отличающегося повышением сложности межстрановых взаимодействий. В отличие от 1970-х годов, США уже более не могут претендовать на роль бенефициара в треугольнике «Россия — Китай — США». В «доктрине Киссинджера 2.0» эта роль, хотя и с некоторыми оговорками, перешла к Китаю, получавшему дивиденды от сотрудничества с Россией и США при постепенной деградации двусторонних отношений Москвы и Вашингтона.

Нового издания «треугольной дипломатии» Г. Киссинджера, выгодного для США, скорее всего, как отмечают исследователи, больше уже не будет, так как и Россия, и Китай настолько высоко ценят свои партнерские отношения, что вряд ли встанут на сторону Вашингтона [Trenin, 2020]. С учетом того, что Пекин определен в качестве главной стратегической угрозы США в долгосрочной перспективе, он также не может претендовать на роль главного выгодоприобретателя от любой конфигурации сил внутри триангулярной системы упомянутого взаимодействия.

В то же время прослеживается тенденция к тому, что Россия может стать «балансиром» данной структуры, получив от этого статуса дополнительные выгоды. Складывающаяся в результате

специальной военной операции России на Украине и пересмотра Д. Трампом стратегии глобального присутствия США международная обстановка, а также изученный и проанализированный российской дипломатией опыт взаимодействия как с Вашингтоном, так и с Пекином позволяют Москве рассчитывать на получение политических и экономических дивидендов во взаимодействии с обеими сторонами, выигрывая от накопившегося в американо-китайских отношениях конфликтного потенциала, а в дальнейшем могут открыть возможности для разрешения «украинского кризиса» и восстановления великодержавного диалога по вопросам глобальной стратегической стабильности, в том числе в сфере контроля над ядерными стратегическими вооружениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт — МОНФ, 1997.
2. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017.
3. Богатуров А.Д. Попытка перестроить мир «по-американски» // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 5. С. 49–64. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-49-64.
4. Бубнова Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2021.
5. Воробьёва Т.А., Юнгблуд В.Т. Взаимоотношения в треугольнике США — СССР — КНР в конце периода разрядки международной напряженности (1977–1980 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1 (64). С. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82.
6. Воскресенский А.Д. Реализация «китайской мечты» в период «эпохи Си Цзиньпина»: что ожидать России? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-5-16.
7. Гулиев И.А., Лобов Д.С., Афанасьева К.Д. и др. Стратегические приоритеты инновационного развития нефтегазовой отрасли России с учетом международного опыта // Управление риском. 2023. № 4 (108). С. 44–50.
8. Дегтерёв Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2.

9. Денисов А.И. Россия и Китай: добрые соседи и близкие партнеры (заметки дипломата) // Российское китаеведение. 2022. № 1. С. 190–194.

10. Зуенко И.Ю. Российско-китайское сближение в контексте соперничества КНР и США: поиск отправной точки и оценка перспектив // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 11. С. 24–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34.

11. Лебедева О.В. Дипломатическая служба России. История и современность. М.: Аспект Пресс, 2024.

12. Мартынова Е.С. Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 3. С. 148–165. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.09.

13. Панов А.Н. Новые тенденции в развитии международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 8. С. 80–98. DOI: 10.31857/S2686673023080084.

14. Печатнов В.О. История и политика. М.: Аспект Пресс, 2022.

15. Печатнов В.О. О некоторых константах взаимного восприятия России/СССР и США // Американский ежегодник. 2020. № 2020. С. 13–20.

16. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2016.

17. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / Сост. И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая. М.: НП РСМД, 2023.

18. Пупышев С.В., Райкова В.А. Московский саммит 1972 г. и его значение для политики разрядки // Метаморфозы истории. 2020. № 17. С. 108–124.

19. Россия и США в XXI веке: особенности отношений / Под ред. Т.А. Шаكلةиной. М.: Аспект Пресс, 2020.

20. Салицкий А.И., Семёнова Н.К. Подъем Китая и российско-китайское сближение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 117–132. DOI: 10.23932/ 2542-0240-2019-12-1-117-132.

21. Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015.

22. Тимофеев И.Н. Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. № 1. С. 95–114. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114.

23. Травкина Н.М. США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь мир, 2018.

24. Треугольник Россия — Китай — США в АТР: факторы неопределенности / Отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. М.: ИМЭМО РАН, 2009.

25. Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976.

26. Труш С.М. Политика Д. Трампа в отношении Китая: мотивация, эволюция, итоги // Российское китаеведение. 2023. № 3 (4). С. 69–92. DOI: 10.48647/ICCA.2023.60.79.005.

27. Хуашэн Ч. «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 69–85. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017.

28. Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка: результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. 2020. Т. 17. № 4. С. 36–48. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.3.

29. Dittmer L. The strategic triangle: An elementary game-theoretical analysis // World Politics. 1981. Vol. 33. No. 4. P. 485–515. DOI: 10.2307/2010133.

30. Donaldson R.H., Nadkarni V. The foreign policy of Russia: Changing systems, enduring interests. New York: Routledge, 2018.

31. Jeannesson S. La guerre froide. Paris: La Découverte, 2002.

32. Kissinger H. On China. New York: Penguin Press, 2011.

33. Kissinger H. The White House years. Boston: Little, Brown and Company, 1979.

34. Lyon A. US politics and the United Nations: A tale of dysfunctional dynamics. London: Lynne Reiner Publisher, 2016.

35. Ross R.S. China learns to compromise: Change in U.S.–China relations, 1982–1984 // The China Quarterly. 1991. No. 128. P. 742–773.

36. Rozman G. Strategic triangles reshaping international relations in East Asia. Abingdon: Routledge, 2022.

37. Stent A. Putin's world: Russia against the West and with the rest. New York: Twelve, 2019.

38. Stent A. Russia, China, and the West after Crimea. Washington, D.C.: Transatlantic Academy, 2016. Available at: https://www.gmfus.org/sites/default/files/Stent_RussiaChina_May16_complete.pdf (accessed: 10.10.2025).

39. The strategic triangle: China, the United States, and the Soviet Union / Ed. by I. Kim. New York: Paragon House, 1987.

40. Trenin D.V. U.S. elections and Russia–U.S. relations // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. No. 1 (69). P. 146–156. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-146-156.

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. 1997. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi mirovoi voiny (1945–1995)* [Great powers in the Pacific. History and theory of international relations in Eastern Asia after World War II (1945–1995)]. Moscow, Konvert — MONF Publ. (In Russ.)

2. Bogaturov A.D. 2017. *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Rossii* [International relations and Russia's foreign policy]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

3. Bogaturov A.D. 2021. Popytka perestroit' mir 'po-amerikanski' [An attempt to rebuild the world 'in the American way']. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 14, no. 5, pp. 49–64. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-49-64. (In Russ.)

4. Bubnova N.I. 2021. *Voenno-politicheskii kurs SShA vo vtorom desyati-letii XXI veka* [The U.S. military and political course in the 2020s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)

5. Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. 2019. Vzaimootnosheniya v treugol'nike SShA — SSSR — KNR v kontse perioda razryadki mezhdunarodnoi napryazhenosti (1977–1980 gg.) [Relations within 'triangle' USA — USSR — China at the end of détente (1977–1980)]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 1 (64), pp. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82. (In Russ.)

6. Voskresenskii A.D. 2019. Realizatsiya 'kitaiskoi mechty' v period 'epokhi Si Tszin'pina': chto ozhidat' Rossii? [Realization of the 'Chinese dream' in Xi Jinping's era: What should Russia expect?]. *World Economics and International Relations*, vol. 63, no. 10, pp. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-5-16. (In Russ.)

7. Guliev I.A., Lobov D.S., Afanas'eva K.D. et al. 2023. Strategicheskie prioritety innovatsionnogo razvitiya neftegazovoi otrasli Rossii s ucheto mezh-dunarodnogo opyta [Strategic priorities for the innovative development of the oil and gas industry in Russia, taking into account international experience]. *Upravlenie riskom*, no. 4 (108), pp. 44–50. (In Russ.)

8. Degterev D.A., Ramich M.S. 2021. Strategicheskie treugol'niki kak instru-ment balansirovaniya v mirovoi politike [Strategic triangles and balancing in world politics]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 3, pp. 23–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2. (In Russ.)

9. Denisov A.I. 2022. Rossiya i Kitai: dobrye sosed i blizkie partnery (zametki diplomata) [Russia and China: Good neighbors and close partners (diplomat's notes)]. *Rossiiskoe kitaevedenie*, no. 1, pp. 190–194. (In Russ.)

10. Zuenko I.Yu. 2023. Rossiisko-kitaiskoe sblizhenie v kontekste soperniche-stva KNR i SShA: poisk otpravnoi točki i otsenka perspektiv [Russia-China partnership in the context of US-China rivalry: Search of starting point and assessment of prospects]. *World Economy and International Relations*, vol. 67, no. 11, pp. 24–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34. (In Russ.)

11. Lebedeva O.V. 2024. *Diplomaticheskaya sluzhba Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Russia's diplomatic service. History and modernity]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

12. Martynova E.S. 2022. Al'yansy QUAD i AUKUS i balans sil v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione: perspektivy dlya Rossii, Kitaya i ASEAN [QUAD and

AUKUS and the balance of power in the Asia-Pacific region: Prospects for Russia, China and ASEAN]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 3, pp. 148–165. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.09. (In Russ.)

13. Panov A.N. 2023. Novye tendentsii v razvitii mezhdunarodnykh otnoshenii v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione [The new tendencies in the development of international relations in the Asia-Pacific region]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 8, pp. 80–98. DOI: 10.31857/S2686673023080084. (In Russ.)

14. Pechatnov V.O. 2022. *Istoriya i politika* [History and politics]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

15. Pechatnov V.O. 2020. O nekotorykh konstantakh vzaimnogo vospriyatiya Rossii/SSSR i SShA [On some constants of mutual perception of Russia/the USSR and the USA]. *Amerikanskii ezhegodnik*, no. 2020, pp. 13–20. (In Russ.)

16. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2016. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of U.S. foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

17. Timofeev I.N., Chupriyanova P.I., Trotskaya K.V. (eds.). 2023. *Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty* [Sanctions policy: Goals, strategies, tools]. Moscow, NP RSMD Publ. (In Russ.)

18. Pupyshchev S.V., Raikova V.A. 2020. Moskovskii sammit 1972 g. i ego znachenie dlya politiki razryadki [The Moscow summit of 1972 and its significance for détente]. *Metamorfozy istorii*, no. 17, pp. 108–124. (In Russ.)

19. Shakleina T.A. (ed.). 2020. *Rossiia i SShA v XXI veke: osobennosti otnoshenii* [Russia and the USA in the 21st century: Specific features of relations]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

20. Salitskii A.I., Semenova N.K. 2019. Pod”em Kitaya i rossiisko-kitaiskoe sblizhenie [Rise of China and Russian-Chinese rapprochement]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no. 1, pp. 117–132. DOI: 1023932/ 2542-0240-2019-12-1-117-132. (In Russ.)

21. Sogrin V.V. 2015. *SShA v XX–XXI vekakh. Liberalizm. Demokratiya. Imperiya* [The USA in the 20th–21st centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moscow, Ves’ mir Publ. (In Russ.)

22. Timofeev I.N. 2024. Vtorichnye sanktsii SShA na rossiiskom napravlenii: opyt empiricheskogo analiza [The U.S. secondary sanctions related to Russia: Empirical analysis]. *Comparative Politics Russia*, vol. 15, no. 1, pp. 95–114. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114. (In Russ.)

23. Travkina N.M. 2018. *SShA: menyayushchiisya algoritm razvitiya* [USA: A changing development algorithm]. Moscow, Ves’ mir Publ. (In Russ.)

24. Amirov V.B., Mikheev V.V. (eds.). 2009. *Treugol’nik Rossiya–Kitai–SShA v ATR: faktory neopredelennosti* [Uncertainties of the Russia–China–USA triangle in the Asia-Pacific]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

25. Trofimenko G.A. 1976. *SShA: politika, voyna, ideologiya* [USA: Politics, war, ideology]. Moscow, Mysl’ Publ. (In Russ.)

26. Trush S.M. 2023. Politika D. Trampa v otnoshenii Kitaya: motivatsiya, evolyutsiya, itogi [Trump's China policy: Motivation, evolution, outcomes]. *Rossiiskoe kitaevvedenie*, no. 3 (4), pp. 69–92. DOI: 10.48647/ICCA.2023.60.79.005. (In Russ.)
27. Khuashen Ch. 2019. 'Novyi treugol'nik' v otnosheniyakh mezhdu Kitaem, Rossiei i SSHa ['New triangle' in relations between China, Russia and the USA]. *Comparative Politics Russia*, vol. 10, no. 2, pp. 69–85. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017. (In Russ.)
28. Shakleina T.A. 2020. 'Dilemma Ameriki' v formirovanii sovremennogo mirovogo poryadka: rezul'taty deistvii SSHa i formirovanie 'evraziiskogo tsentra' ['American dilemma' in the forging of a new world order: Results of the US policies and the rise of the 'Eurasian center']. *International Trends*, vol. 17, no. 4, pp. 36–48. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.3. (In Russ.)
29. Dittmer L. 1981. The strategic triangle: An elementary game-theoretical analysis. *World Politics*, vol. 33, no. 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133.
30. Donaldson R.H., Nadkarni V. 2018. *The foreign policy of Russia: Changing systems, enduring interests*. New York, Routledge.
31. Jeannesson S. 2002. *La guerre froide*. Paris, La Découverte.
32. Kissinger H. 2011. *On China*. New York, Penguin Press.
33. Kissinger H. 1979. *The White House years*. Boston, Little, Brown and Company.
34. Lyon A. 2016. *US politics and the United Nations: A tale of dysfunctional dynamics*. London, Lynne Reiner Publisher.
35. Ross R.S. 1991. China learns to compromise: Change in U.S.–China relations, 1982–1984. *The China Quarterly*, no. 128, pp. 742–773.
36. Rozman G. 2022. *Strategic triangles reshaping international relations in East Asia*. Abingdon, Routledge.
37. Stent A. 2019. *Putin's world: Russia against the West and with the rest*. New York, Twelve.
38. Stent A. 2016. *Russia, China, and the West after Crimea*. Washington, D.C., Transatlantic Academy. Available at: https://www.gmfus.org/sites/default/files/Stent_RussiaChina_May16_complete.pdf (accessed: 10.10.2025).
39. Kim I. (ed.). 1987. *The strategic triangle: China, the United States, and the Soviet Union*. New York, Paragon House.
40. Trenin D.V. 2020. U.S. elections and Russia–U.S. relations. *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no. 1 (69), pp. 146–156. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-146-156.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025;
одобрена после рецензирования 04.10.2025;
принята к публикации 01.11.2025

The paper was submitted 10.04.2025;
approved after reviewing 04.10.2025;
accepted for publication 01.11.2025

П.Е. Смирнов*

**ВТОРОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО Д. ТРАМПА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС
ИЛИ «ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ»?**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Соединенных Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук»
121069, Москва, Хлебный пер., 2/3*

Буквально с первых дней своей второй президентской каденции Д. Трамп демонстративно взял курс на решительный пересмотр внешнеполитических приоритетов Вашингтона, открыто провозгласив примат национальных интересов США над глобалистскими задачами по поддержанию американской гегемонии. Этот курс столкнулся с ожесточенной критикой со стороны приверженцев так называемого либерального мирового порядка, традиционно группирующихся вокруг Демократической партии, которые обвиняют Д. Трампа в неоизоляционизме, подмене принципиальных политических позиций транзакционизмом, подрыве основ американского лидерства в мире. Особое место в развернувшейся полемике занимает концепт «порядка, основанного на правилах», к которому апеллируют сторонники либерально-интернационалистских подходов и от которого публично отмежевываются представители новой администрации. Для того чтобы приблизиться к пониманию подлинного содержания современных внешнеполитических установок Вашингтона, представляется целесообразным последовательно рассмотреть процесс становления концепта «порядка, основанного на правилах», выявить ключевые элементы нарратива «Америка в первую очередь», продвигаемого администрацией Д. Трампа, и на этой основе дать оценку аргументам ее сторонников и противников. Проведенное исследование показывает, что вопрос о необходимости пересмотра позиционирования США в суще-

* Смирнов Павел Евгеньевич — старший научный сотрудник отдела военно-политических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН) (e-mail: smi-pavel@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4757-8099).

ствующем мировом порядке, переоценки баланса выгод и издержек для Вашингтона от поддержания этого порядка возник отнюдь не по причине возвращения Д. Трампа на пост президента, а был обусловлен объективным исчерпанием «однополярного момента», всё более очевидной несостоятельностью либерально-глобалистских представлений о глобальном управлении и торжестве в мире западных ценностей, ярким воплощением которых и был концепт «порядка, основанного на правилах». В этом отношении ставка Д. Трампа на приоритет национальных интересов над интересами поддержания либерального мирового порядка выглядит вполне объяснимой. Вместе с тем непредсказуемость, склонность к театральности и крайняя противоречивость многих внутри- и внешнеполитических решений, чем уже успел отметить Д. Трамп, создают дополнительные вызовы и неопределенности как для союзников Вашингтона, так и, особенно, для тех стран, которых сами США называют «ревизионистами». В этом контексте важно подчеркнуть, что курс Д. Трампа на «национализацию» и «деглобализацию» внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Вашингтона означает не изоляционизм и не безразличие к вопросам мирового порядка, а стремление утвердить вместо либерально-интернационалистской парадигмы мирового устройства такой порядок, где США могли бы действовать на сугубо унилатералистских началах.

Ключевые слова: США, Д. Трамп, трампизм, мировой порядок, «порядок, основанный на правилах», «Америка в первую очередь», либеральный глобализм, унилатерализм, гегемония

Для цитирования: Смирнов П.Е. Второе президентство Д. Трампа: национальный интерес или «порядок, основанный на правилах»? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 38–79. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-38-79.

Pavel Ye. Smirnov

DONALD TRUMP'S SECOND PRESIDENCY: NATIONAL INTEREST VS. 'RULES-BASED ORDER'?

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
2/3 Khlebny per., Moscow, Russia, 121069*

From the outset of his second presidential term, Donald Trump proclaimed a fundamental reassessment of Washington's foreign policy priorities, explicitly

asserting the primacy of the U.S. national interests over the globalist objectives of maintaining the world order. This discourse has drawn strong criticism from advocates of the so-called liberal international order, traditionally associated with the Democratic Party, who accuse D. Trump of neo-isolationism, of sacrificing principled policy positions for transactionalism, and of undermining the foundations of America's global leadership. Central to this debate is the concept of the 'rules-based international order', championed by liberal internationalists yet explicitly rejected by the Trump's administration. To better understand the true nature of Washington's contemporary foreign policy, this article examines the evolution of the 'rules-based order' concept, identifies the core elements of the 'America First' narrative advocated by the Trump administration, and, on this basis, assesses the arguments of its supporters and opponents. The study reveals that calls for re-evaluating the U.S. role in the international system, including cost-benefit analysis of maintaining the existing order, predate Trump's presidency. These concerns rather stem from the exhaustion of the unipolar moment and the deepening crisis of liberal global governance models and the Western ideological universalism that effectively underpinned the 'rules-based order' concept. In this regard, Trump's prioritization of national interests over liberal internationalism is quite explicable. However, the unpredictability, penchant for theatricality, and policy inconsistencies that have already marked D. Trump's tenure generate additional challenges and uncertainties both for Washington's allies and, especially, for those countries that the U.S. leaders label 'revisionists'. In this context, the author emphasizes that Trump's 'nationalization' and 'de-globalization' of U.S. foreign and economic strategy imply not isolationism or renunciation of global ambitions, but rather a deliberate attempt to replace liberal internationalism with a framework where the United States could operate on a strictly unilateralist basis.

Keywords: USA, Donald Trump, trumpism, world order, 'rules-based order', 'America First', liberal globalism, unilateralism, hegemony

About the author: *Pavel Ye. Smirnov* — Senior Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN) (e-mail: smi-pavel@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4757-8099).

For citation: Smirnov P.Ye. 2025. Donald Trump's second presidency: National interest vs. 'rules-based order'? *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 38–79. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-38-79. (In Russ.)

Уже в первый президентский срок Д. Трампа многие политики, обозреватели и эксперты в мире начали увязывать перемены, которые он привнес во внутреннюю и внешнюю политику своей страны,

с более широкой постановкой вопроса о том, как эти перемены скажутся на судьбе мирового порядка в целом. Такая увязка стала неизбежной, ведь попытки, пусть и крайне непоследовательные, воплотить в жизнь ключевые элементы его философии «Америка в первую очередь», учитывая во многом исключительную роль США в мировом устройстве, способны были нанести непоправимый удар по тому миропорядку, который на Западе после окончания холодной войны обозначается в политическом обиходе рядом близких по смыслу и взаимозаменяемых терминов («либеральный мировой порядок», «порядок, основанный на правилах», и т.п.). Его суть заключается в одностороннем проецировании на остальной мир «сообществом демократических стран» — при бесспорном лидерстве США — и руководимыми ими институтами определенных правил и норм международного поведения.

Не менее важный компонент такой либерально-интернационалистской парадигмы мирового порядка — признание (пусть и вынужденное) большей частью незападного мира того, что такая система на обозримый исторический период безальтернативна. Однако быстрый рост незападных центров силы (прежде всего Китая), сумевших воспользоваться выгодами тех правил и процедур, которые устанавливались при решающем участии Запада и его институтов; решимость России, также долгое время пытавшейся вписаться в эти правила, восстановить важнейшие для нее геополитические позиции; стойкость таких именуемых на Западе «изгоями» стран, как Иран или КНДР, перед лицом внешнего давления — всё это продемонстрировало, что окончательное завершение «однополярного момента» стало необратимым.

Четырехлетний перерыв между первым и вторым президентскими сроками Д. Трампа, который пришелся на президентство Дж. Байдена, пусть и являвшегося его политическим антагонистом, но во многом продолжившего (в первую очередь в торгово-экономических отношениях с внешним миром) линию предшественника на отказ от иллюзорных представлений о выгодности либерального миропорядка для всего мирового сообщества, только помог дальнейшему укреплению в США и других странах представлений о Д. Трампе как о политике, способном и готовом разрушить этот мировой порядок, создававшийся, казалось бы, для укрепления американско-западного доминирования. Первые же шаги Д. Трампа в начале его второго президентства — выход (или угроза выхода)

США из ряда международных институтов под предлогом их неэффективности или политической предвзятости, тарифные войны против большей части стран мира (включая союзников по НАТО и другим военно-политическим альянсам), продолжение и интенсификация наметившейся в первый срок линии на политическое обесценивание Североатлантического альянса и перекладывание на Европу основного бремени заботы о своей безопасности, нарастающая двусмысленность в подходе к таким еще вчера объединявшим Запад вопросам, как конфликт на Украине и необходимость отпора так называемой российской агрессии, — стали частью более широкого контекста — открытого пересмотра подходов Вашингтона к соотношению национальных интересов США и глобалистских задач по поддержанию мирового порядка в сторону безусловного приоритета первых.

В свете сказанного в рамках данной статьи представляется целесообразным осветить комплекс взаимосвязанных проблем:

- проследить, как сформировалась и вошла в официальный обиход концепция «порядка, основанного на правилах», как использовали ее американские лидеры в целях противодействия тем государствам и другим субъектам мировой политики, которые способны бросить вызов глобальному доминированию США;

- рассмотреть утверждение в официальном дискурсе Белого дома концепции «Америка в первую очередь» вместо ставки на либеральный интернационализм и культивирования «сообщества демократических стран»;

- оценить особенности восприятия концепции «Америка в первую очередь» различными группами нынешних политических элит США.

Гипотеза данной статьи заключается в том, что курс Д. Трампа на «национализацию» и «деглобализацию» внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии США означает не изоляционизм и не безразличие к проблемам мирового порядка вообще, а стремление заменить «либеральную гегемонию» более традиционным порядком с признанием сосуществования и соперничества ведущих держав, где действия Вашингтона (в том числе применение силы) будут определяться политическим расчетом и прагматизмом.

Поскольку либеральные критики Д. Трампа, обвиняя его в разрушении установившегося после холодной войны западноцентричного мирового порядка, обычно апеллируют к концепции «порядка,

основанного на правилах», автор считает необходимым выстраивать свой анализ именно вокруг этого термина, который отсылает к нормативно-правовой стороне вопроса о мировом порядке (а не к идейно-политической, как в случае с термином «либеральный мировой порядок») и постулирует, хотя бы на словах, приоритет нормы над силой. Концепцию «порядка, основанного на правилах», использовали предыдущие демократические администрации США и продолжают использовать противники действующего американского президента для того, чтобы обосновать необходимость сохранения либерально-глобалистской парадигмы мирового порядка и недопустимость возврата к традиционной геополитике, основанной на силовом переделе сфер влияния между ведущими мировыми игроками.

В задачу данной работы не входит исследование соответствия концепции «порядка, основанного на правилах», — а она так и не получила четкой и однозначной трактовки и остается во многом спекулятивной — международному праву, хотя автор и считает необходимым упомянуть тех отечественных и зарубежных экспертов, которые обращают внимание на политический аспект соответствующего вопроса. В частности, для многих из них (в том числе в западных странах) характерны указания на нарочито избирательное, привязанное к политической целесообразности толкование данного термина его западными сторонниками, отождествление ими понятий «порядок, основанный на правилах» и «международное право», на апелляцию к произвольно установленным в обход Устава ООН и других международно признанных документов «правилам» для легализации так называемых гуманитарных интервенций и нападок на незападные страны (прежде всего Китай и Россию), пытающиеся оспорить претензии Запада на мировое доминирование, — под предлогом нарушения ими правил международного поведения или прав человека [Vylegzhanin et al., 2021; Сазонова, 2024; Dugard, 2023].

Трактовка администрацией Д. Трампа проблематики мирового порядка является частью более широкой постановки вопроса о ее внешнеполитическом позиционировании в целом, соотношении новизны и преемственности в ее внешней политике, присутствии тех или иных аспектов трампизма в деятельности его политических оппонентов. Среди работ российских исследователей, которые затрагивают — не в последнюю очередь с точки зрения интересов России — данный круг вопросов, можно отметить коллективную

монографию ИНИОН РАН¹ [Феномен Трампа, 2020], монографию С.М. Самуйлова [Самуйлов, 2024], коллективный доклад, выполненный в РИСИ² [Косарев и др., 2025]. Общим для большинства российских экспертов, исследующих проблематику трампизма, является стремление доказать закономерность возникновения этого феномена в США, выявить, в чем претензии Д. Трампа на пересмотр американского позиционирования в мире (и вместе с ним характера мирового устройства) могут быть созвучны интересам России и в чем, наоборот, представляют для нее еще больший вызов и еще большую неопределенность, чем при доминировании в США либерально-интернационалистской парадигмы.

Рассуждения о стремлении Д. Трампа и ведущих членов его команды пойти на демонтаж того мирового порядка, который создавался на протяжении всего периода после Второй мировой войны и который после распада биполярного мироустройства коллективный Запад пытался использовать для закрепления своего однополярного доминирования, стали предметом многочисленных публикаций экспертного сообщества в США и на Западе в целом. Далее мы более подробно остановимся на взглядах исследователей, чьи концепции объективно внесли вклад в формирование «трампизма» как антитезы либерально-глобалистской парадигме внешней политики США (в частности, это концепции «нелиберальной гегемонии» и «офшорного балансирования», сторонниками которой являются Дж. Миршаймер и С. Уолт), и его либеральных критиков (Дж. Айкенберри, Дж. Голдгейер, Р. Кохейн, Дж. Най), считающих, что лозунг «Америка в первую очередь», пренебрежительное отношение к задаче поддержания либерального миропорядка и закрепляющих его правил, абсолютизация издержек, которые этот порядок несет для США, будут только подрывать американские позиции в мире.

Как в США формировалась концепция «порядка, основанного на правилах»

Ответ на вопрос о том, каким США видят мировой порядок, по-разному формулировался на официальном уровне на протяжении периода после окончания холодной войны. Выражение «порядок,

¹ Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. — *Прим. ред.*

² Российский институт стратегических исследований. — *Прим. ред.*

основанный на правилах», далеко не сразу вошло в обиход американских лидеров, равно как и лидеров стран — союзников Вашингтона в других регионах. При этом сама проблема миропорядка, судя по таким основополагающим документам стратегического планирования, как «Стратегия национальной безопасности США», в заметной большей степени была предметом заботы демократических, нежели республиканских администраций.

В первое десятилетие после распада биполярного мироустройства, когда практически никто в мире не отрицал безоговорочного лидерства США, а возврат к соперничеству сопоставимых по мощи великих держав представлялся маловероятным, сам официальный Вашингтон предпочитал — во всяком случае, на словах — не выдавать устанавливаемые им «правила» международного поведения за всеобщие. Он скорее претендовал на роль главного защитника и выразителя признанных всем миром принципов международного права, которые могут быть реализованы только при всеобщем уважении американского лидерства и в то же время должны быть основаны на позициях мультилатерализма (многосторонности) и взаимодействии международных институтов.

Утвердившееся в мире после холодной войны американское доминирование и создававшийся вокруг него мировой порядок базировались, как считает один из российских исследователей, на «возможности США препятствовать изменению границ, возникновению региональных конфликтов и т.п.; на определенном балансе сил и некотором ограничении соперничества в области гонки вооружений, тренде на демократизацию и соблюдение прав человека <...> на системе международных организаций, в целом поддерживающих господство США» [Гринин, 2024: 114]. Как представляется, это несколько идеализированный взгляд на позицию американской правящей элиты в отношении мирового порядка, который она хотела бы видеть, и попытка преувеличить альтруистические начала в мышлении государственных лидеров (не только американских) и их готовность поставить нормативный подход к мировым проблемам выше силового. Однако лидерам США в условиях «однополярного момента» действительно некоторое время всё же удавалось поддерживать у большей части мирового сообщества иллюзию того, что Вашингтон теперь руководствуется принципом «норма выше силы». Эти иллюзии особенно старалась эксплуатировать администрация

У. Клинтона. Так, в ее первой «Стратегии национальной безопасности» (1993) говорилось о необходимости большей, чем когда-либо, опоры США на друзей и союзников, помогающих им нести бремя мирового лидерства, более широкого задействования многосторонних организаций и форумов (ООН, ОБСЕ, НАТО, ОАГ, АТЭС³ и др.) для реагирования на возникающие новые вызовы, формирования разнообразных коалиций для боевых и гуманитарных операций, утверждения в мире принципов свободной торговли⁴.

Период республиканской администрации Дж. Буша-мл. ознаменовал заметную смену акцентов в официальной американской позиции, поскольку его президентство пришлось во многом на чрезвычайные обстоятельства, связанные с последствиями террористических атак 11 сентября 2001 г. Тогда на первый план вышли такие задачи, как «война с террором», «продвижение демократии в мире» (в том числе силовым путем) и «борьба против тиранических режимов», трактовка которых администрацией в значительной мере обуславливалась влиянием группировки неоконсерваторов в окружении президента. Приоритетность национальных интересов США, определявшихся в первую очередь этими задачами, и отчетливо унилатералистские подходы к их воплощению в жизнь, равно как и весьма избирательный учет интересов других субъектов международных отношений (включая даже ближайших союзников по военно-политическим альянсам), естественным образом отодвинули на второй план соображения строительства либерального миропорядка. В этом Дж. Буш-мл., несмотря на существенные различия между ними, фактически стал предтечей Д. Трампа.

Вторжение США и ряда наиболее лояльных им союзников в Ирак в 2003 г. продемонстрировало, что Вашингтон даже не всегда считал нужным выступать в качестве защитника универсальных правил и принципов международного поведения, ибо сам фактически стал инициатором приспособления этих правил к собственным интересам с помощью военной силы. Как представляется, админи-

³ Организация Объединенных Наций, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организация Североатлантического договора, Организация американских государств, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. — *Прим. ред.*

⁴ National Security Strategy of the United States. The White House, January 1993. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1993. P. 2. Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1993.pdf> (accessed: 01.10.2025).

страция Дж. Буша-мл., хотя она официально еще не употребляла термин «порядок, основанный на правилах», первой проявила открытое стремление отождествить выгодные Вашингтону «правила» с международным правом и адаптировать трактовки последнего под собственные нужды.

Демократическая администрация Б. Обамы, придя в Белый дом в 2009 г., старалась продемонстрировать свое отличие от республиканских предшественников, во многом выступая под знаменем преодоления тех эксцессов и произвола, которые были допущены, пусть и во имя якобы справедливых целей, администрацией Дж. Буша-мл., и восстановления многосторонности и правовых подходов в международном позиционировании США. Более того, если рассматривать саму формулировку «порядок, основанный на правилах», то ее употребление на официальном уровне берет начало именно с администрации Б. Обамы. Так, в ее первой «Стратегии национальной безопасности», утвержденной в мае 2010 г., говорилось: «Наше участие [в международных делах] будет служить основой справедливого и устойчивого международного порядка — справедливого, поскольку он отвечает общим интересам, защищает права всех и требует ответственности от тех, кто отказывается выполнять свои обязательства; устойчивого, поскольку он основан на широко распространенных нормах и способствует коллективным действиям для решения общих проблем <...>. Как и после Второй мировой войны, мы должны стремиться к созданию международной системы, основанной на правилах, которая будет способствовать нашим собственным интересам, служа общим интересам. Международные институты должны быть более эффективными и отражать распределение мирового влияния в XXI в. Государства должны иметь стимулы к ответственному поведению, иначе они будут изолированы...»⁵.

Если же судить по выступлениям ведущих деятелей правительства США, то можно согласиться с теми авторами, которые считают, что первопроходцем использования термина «порядок, основанный на правилах» как синонима понятия «либеральный (или западно-центричный) мировой порядок» стала Х. Клинтон в период пребывания на посту государственного секретаря США. В частности,

⁵ National Security Strategy // The White House (archives). May 2010. P. 12. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 01.10.2025).

одно из первых документально зафиксированных упоминаний этого термина содержится в ее выступлении «Тихоокеанский век Америки» в Гонолулу в ноябре 2011 г. Оно было приурочено к провозглашенной президентом Б. Обамой «перебалансировке» стратегических приоритетов США на регион Тихого океана и посвящено взаимоотношениям с этими странами как в двустороннем формате, так и в рамках многосторонних форумов. Термин «порядок, основанный на правилах» прозвучал в упомянутом выступлении в контексте призывов к активизации торгово-инвестиционного сотрудничества в регионе, укреплению там военно-политических альянсов, утверждению общих ценностей и далеко не в последнюю очередь в связи с необходимостью выстраивания Вашингтоном эффективного курса в отношении набиравшего силу Китая, от которого, как следовало из данного выступления Х. Клинтон, трудно ожидать готовности признать американское лидерство⁶.

Приход в Белый дом в 2017 г. администрации Д. Трампа стал первым серьезным потрясением для той модели международного позиционирования США, которая — усилиями прежде всего предыдущих демократических администраций — строилась на претензиях, что Вашингтон заботится о создании мирового порядка, основанного на всеобщей выгоде и принципах многосторонности. Сменивший в 2021 г. Д. Трампа Дж. Байден и его команда постарались вернуться к традиционной для демократов трактовке мирового устройства, апеллируя к концепции «порядка, основанного на правилах», и утверждая, что она не противостоит международному праву, а направлена на защиту «открытого» либерального международного порядка от его оппонентов. В частности, государственный секретарь США Э. Блинкен говорил в 2022 г.: «Мы должны защищать и реформировать международный порядок, основанный на правилах, — систему законов, соглашений, принципов и институтов, которые мир выстроил после двух мировых войн для регулирования отношений между государствами, предотвращения конфликтов, защиты прав всех людей. Среди его основополагающих документов — Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека, в которых освящены такие концепции, как самоопределение, суверенитет, мирное урегулиро-

⁶ America's Pacific Century // U.S. Department of State. 10.11.2011. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm> (accessed: 01.10.2025).

вание споров. Это не западные изобретения. Они отражают чаяния, разделяемые всем миром»⁷.

Однако реальное значение в политике имеют не сами подобные заявления с изложением абстрактных принципов, а их контекст и направленность на конкретного адресата, которая, как правило, просматривается ясно. Так, процитированное заявление Э. Блинкена содержалось в выступлении, посвященном отношениям с КНР. Госсекретарь, очевидно, апеллировал к «порядку, основанному на правилах», с целью показать, что Пекин (противоречия с которым у Вашингтона при первой администрации Д. Трампа, а затем и при Дж. Байдене вышли на качественно новый уровень в сравнении даже с периодом президентства Б. Обамы) является одной из главных угроз для такого порядка.

При этом если применительно к Китаю концепция «порядка, основанного на правилах», задействовалась для того, чтобы воспрепятствовать укреплению им своих торгово-экономических позиций в мире, повышению международного авторитета своей «авторитарной модели» развития и созданию собственной сферы влияния в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), то по отношению к России использование Вашингтоном и его союзниками этой концепции имело прежде всего военно-политическую окраску и было направлено на отпор ее «империалистической внешней политике», якобы преследующей цель «обрушить ключевые элементы международного порядка». Это следует, в частности, из «Стратегии национальной безопасности США», утвержденной президентом Дж. Байденом в 2022 г.⁸

Отстаивая концепцию «порядка, основанного на правилах», и пытаясь утверждать, что она не противоречит международному праву, администрация Дж. Байдена не изменила основ американского подхода, который, по словам норвежского эксперта, бывшего директора Норвежского института международных отношений С. Лодгорда, заключается в том, что «порядок, основанный на пра-

⁷ Secretary Blinken Speech: The Administration's Approach to the People's Republic of China // U.S. Embassy & Consulates in Australia. 27.05.2022. Available at: <https://au.usembassy.gov/secretary-blinken-speech-the-administrations-approach-to-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 01.10.2025).

⁸ National Security Strategy // National Security Archive. October 2022. P. 23–27. Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 01.10.2025).

вилах», — это «порядок, включающий международное право в том виде, в каком их применяют США, т.е. так, как это соотносится с их национальными интересами». Можно также согласиться с доводом этого ученого о том, что США постарались внедрить данный «порядок» среди прочего потому, что они не могут критиковать другие страны с позиций международного права (в частности, Китай из-за его действий в Южно-Китайском море), поскольку сами не присоединились ко многим важным конвенциям, институтам и соглашениям, заключенным или учрежденным в рамках ООН (Конвенция ООН по морскому праву, Международный уголовный суд, Конвенция по противопехотным минам и т.д.) [Lodgaard, 2025: 5].

При этом апелляция к «правилам» в целях регулирования торгово-экономических противоречий неизбежно превращается в инструмент геополитического давления на соперников Вашингтона⁹. Эти правила, как справедливо утверждают авторы исследования, проведенного в Британском институте международного и сравнительного правоведения (BIICL), не являются нейтральными, а отражают интересы и ценности государств, которые их поддерживают, а сама концепция исторически восходит к правилам, нормам и институтам, сложившимся в систему глобального управления в эпоху после Второй мировой войны и ставшим по-настоящему глобальными уже по завершении биполярного противостояния [Beqiraj et al., 2024: 7–8]. Стремление либерально-глобалистской части элиты США и других западных стран синонимизировать в политическом дискурсе понятия «международное право» и «международный порядок, основанный на правилах» [Сазонова, 2024: 56–57], которое четко проявилось в приведенном заявлении Э. Блинкена, свидетельствует о желании этих кругов внедрить в правовой массив, признаваемый остальным миром, выгодные Западу концепции, служащие его геополитическим интересам. Речь идет, в частности, о фактической легитимизации такого ключевого элемента западного подхода к строительству мирового порядка, как практика «гуманитарных

⁹ См.: Скотт Б. Порядок, основанный на правилах: что скрывает название // Россия в глобальной политике. 24.08.2021. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/poryadok-na-pravilah-chto-eto/?ysclid=mcawrwks5d130917168> (дата обращения: 01.10.2025); Roos J. Why the West should stop talking about the 'rules-based order' // The New Statesman. 12.06.2024. Available at: www.newstatesman.com/international-politics/geopolitics/2024/06/why-the-west-should-stop-talking-about-the-rules-based-order (accessed: 01.10.2025).

интервенций», чему способствовало принятие концепции «Ответственности по защите» на Всемирном саммите ООН в 2005 г.»¹⁰

Концепцию «порядка, основанного на правилах», как фактического синонима «либерального мирового порядка», базирующегося на экономическом, политическом и военном доминировании США в мире, обосновывают те американские эксперты, которые после прихода Д. Трампа — особенно с началом его второго президентского срока — стали критиковать его за подрыв американских позиций на мировой арене (более подробно об их аргументах в этом аспекте см. далее). Так, Х. Брэндс, характеризуя господствующий ныне мировой порядок, использует понятия *Rex Americana*, «либеральный порядок», «порядок, основанный на правилах» как синонимы [Brands, 2025: 22]. Такую концепцию либерального миропорядка, который базируется на гегемонии США на протяжении всего послевоенного периода и который после окончания холодной войны превратился (хотя и ненадолго) из «внутреннего» порядка для «сообщества демократических стран» в «порядок для всего мира», отстаивает, в частности, Дж. Айкенберри [Ikenberry, 2018: 9–10].

Обобщая те усилия, которые либерально-глобалистская часть американской элиты, олицетворявшаяся главным образом демократическими администрациями, предпринимала на протяжении периода после холодной войны для утверждения мирового порядка, выгодного США, можно прийти к некоторым выводам. Во-первых, принятие на вооружение внешне правового прикрытия в виде концепции «порядка, основанного на правилах», способствовало широкому распространению в мире иллюзий о том, что мотивы действий США и инструменты достижения их целей коренным образом изменились в сравнении с эпохой биполярного противостояния с СССР. Во-вторых, использование этой концепции в течение определенного периода служило весьма эффективным инструментом сплочения вокруг Вашингтона государств, разделявших его подходы к международным делам и готовых

¹⁰ Левченко А. «Rules-based international order»: правила «либерального» тона // Российский совет по международным делам (РСМД). 21.06.2023. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rules-based-international-order-pravila-liberalnogo-tona/> (дата обращения: 01.10.2025). Следует, правда, отметить, что позиция РФ по отношению к концепции «ответственности по защите» складывалась весьма неоднозначно. В частности, Москва неоднократно использовала эту концепцию в целях защиты ориентирующихся на Россию жителей постсоветских государств [см. подробнее: Барановский, 2018].

солидаризироваться с ним в отпоре тем странам, которые не приемлют монополии Запада в формировании мирового порядка.

Однако всё более заметные издержки, которые приходится нести США из-за того, что установленными при их решающем участии «правилами» успешно пользуются их соперники, а также из-за растущей опасности втягивания в ненужные им военные конфликты и необходимости для Вашингтона терпеть «эгоизм» своих союзников по военно-политическим альянсам, способствовали росту влияния в стране тех сил, которые не готовы рисковать национальными интересами ради всё менее перспективных усилий по глобальному регулированию.

Трампизм и приоритет национальных интересов над глобалистскими амбициями

Те шаги по ревизии американского позиционирования в мире, которые Д. Трамп пытался предпринимать еще во время своего первого президентского срока и которые он значительно активизировал с началом второй каденции, неизбежно ставят вопрос о будущем либерального мирового порядка, в XXI в. навязываемого миру западными странами (прежде всего США) под вывеской «порядка, основанного на правилах».

Тот факт, что весьма влиятельную часть американской элиты, которую можно назвать сторонниками «национал-капитализма» (или «национально ориентированного империализма»), чьи интересы пытается артикулировать Д. Трамп, перестал устраивать этот порядок, созданный, казалось бы, для поддержания американской гегемонии в мире, конечно, невозможно объяснить каким-то всплеском уважения к всемирно признанным нормам международного права или, тем более, тягой к изоляционизму.

С одной стороны, появление трампизма как совокупности идей, концепций и политических практик, основанных на неприятии либерально-глобалистской парадигмы и возвращении к идее «интересы Америки превыше всего», обусловлено тем, что эта глобалистская парадигма, подкрепляемая в первую очередь американской политической, экономической и военной мощью, стимулирует появление новых центров силы и только подпитывает антиамериканизм в мире.

С другой стороны, причиной, по которой сторонники Д. Трампа считают этот либеральный миропорядок не только устаревшим, но

и направленным против американских интересов (как это следует, например, из приведенных далее выступлений государственного секретаря М. Рубио), является то, что, будучи по замыслу западно-центричным, он не может игнорировать мультилатералистские начала, и плюрализм интересов внутри него неизбежен. Пусть даже это только мультилатерализм внутри «коллективного Запада», но он всё равно хотя бы в какой-то мере благодаря системе норм, институтов, альянсов и соглашений ограничивает произвол Вашингтона в проецировании на окружающий мир своих эгоистически понимаемых национальных интересов.

Правда, в первый президентский срок «ревизионистские» амбиции Д. Трампа по отношению к доминирующим правилам мирового порядка еще во многом сдерживались, во-первых, новизной постановки вопроса (которую противники всегда могут объявить проявлением изоляционизма), во-вторых, отсутствием сплоченной команды, готовой поддержать его намерения (особенно это касалось претензий 45-го президента на пересмотр отношений с союзниками в рамках НАТО), в-третьих, сохранявшимся среди политического класса господством старых представлений о том, какие вызовы и угрозы стоят перед США и на кого они должны опираться в реализации своей стратегии глобального лидерства.

Однако и тогда сторонники «Америки в первую очередь» в первой администрации Д. Трампа стремились внедрять свое понимание того, как должен меняться мировой порядок. Так, государственный секретарь М. Помпео, выступая в декабре 2018 г. в Фонде Маршалла «Германия — США»¹¹, хотя и утверждал, что Д. Трамп строит «новый либеральный порядок», недвусмысленно высказался против мультилатерализма, ведущего якобы к эрозии существующего либерального порядка и становящегося самоцелью, в то время как именно национальный суверенитет должен иметь безусловный приоритет над многосторонними институтами (ООН, ЕС, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и т.д.), переставшими выполнять те задачи, ради которых они были созданы¹².

¹¹ Организация, признанная нежелательной в РФ.

¹² Pompeo M.R. Restoring the Role of the Nation-State in the Liberal International Order // U.S. Department of State (2017–2021). 04.12.2018. Available at: <https://state.gov/restoring-the-role-of-the-nation-state-in-the-liberal-international-order-2/> (accessed: 01.10.2025).

Начало второго президентского срока Д. Трампа характеризовалось существенно иным раскладом сил, нежели во время его первого президентства, и не только во внутриамериканском, но и в глобальном измерении, прежде всего — ростом влияния антилиберальных и националистических кругов в различных странах. В частности, один из экспертов по США в лондонском Королевском институте международных отношений (Чатем-хаус)¹³ отмечает, что ныне, в отличие от 2017 г., появилось множество государственных и негосударственных субъектов, стремящихся воспользоваться отходом Вашингтона от глобальных норм и институтов, и что всплеск нелиберального популизма привел к власти еще больше лидеров в мире, которые стремятся уйти от обременительных финансовых обязательств и политических ограничений (по-видимому, подразумеваются такие государственные деятели, как премьер-министр Венгрии В. Орбан); на руку этим силам сыграли и меры администрации Д. Трампа по сдерживанию миграции¹⁴.

Кроме того, в подобной эволюции мировой обстановки сыграл большую роль сознательный выход России из «порядка, основанного на правилах» (как охарактеризовал ее действия канадский политолог П. Дуткевич), а начатая ею украинская кампания «ускорила процессы формирования альянсов, основанных на сомнении в легитимности и функциональности существующего мирового порядка» [Дуткевич, 2022: 30]. На наш взгляд, проявившаяся в действиях России, начиная с февраля 2022 г., готовность оказывать реальное, а не только декларативное противодействие этому миропорядку заметно повлияла и на политику второй администрации Д. Трампа, заставила ее искать какие-то точки соприкосновения с Москвой, особенно в усилиях по урегулированию украинского конфликта.

Ведущие деятели администрации США в своих выступлениях стали гораздо чаще делать акцент на национальных интересах, нежели на интересах «сообщества демократических стран», защите правил, диктуемых этим «сообществом», и институтов, в которых оно доминирует. Можно привести в качестве примера первые же заявления М. Рубио: одно — в ходе слушаний в сенатском Комитете

¹³ Организация, признанная нежелательной в РФ.

¹⁴ Can the international order survive Trump 2.0? // Chatham House. 30.01.2025. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2025/01/can-international-order-survive-trump-20> (accessed: 01.10.2025).

по иностранным делам по утверждению его кандидатуры на пост государственного секретаря, другое — чуть более чем через неделю после вступления в должность в интервью телеведущей М. Келли.

В первом из этих выступлений М. Рубио заявил, что, хотя мировой порядок, возникший в послевоенный период, хорошо служил Америке, а военно-политические альянсы в ИТР и Европе способствовали стабильности, демократии и процветанию этих регионов, предотвращению разрушительных войн и в конечном счете падению «империи зла», западный триумфализм и ощущение «конца истории» после завершения холодной войны оказались иллюзией. Не оправдались расчеты на то, что внешняя политика, основанная на приоритетности национальных государств и национальном суверенитете, уступит место политике, обслуживающей либеральный миропорядок, а все страны мира могут теперь стать участниками сообщества демократических государств во главе с Западом. В США и во многих других передовых странах возобладали почти религиозная вера в свободную торговлю (которую продвигали в ущерб интересам национальной экономики, собственным рабочим и среднему классу, ценой коллапса национальной промышленности, фактически передавая основные цепочки поставок в руки противников и соперников), а также иррациональное стремление к максимальной свободе передвижения людей, приведшей к невиданному миграционному кризису и угрожающей общественной и политической стабильности. По всему Западу правительства подвергают цензуре и судебному преследованию своих оппонентов¹⁵. В то же время «радикальные джихадисты маршируют по улицам» и «направляют машины в толпы людей»¹⁶.

По утверждению М. Рубио, в то время как Вашингтон слишком часто отдавал приоритет глобальному порядку над национальными интересами, другие страны (прежде всего Китай) продолжали

¹⁵ Впоследствии подобные обвинения в адрес правительств европейских союзников США повторил вице-президент Дж.Д. Вэнс в выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности. См.: Munich Security Conference 2025. Speech by JD Vance and selected reactions // Selected speeches held at the Munich Security Conference: Vol. II / Ed. by B. Franke. Hamburg: Mittler, 2025. P. 15–24.

¹⁶ Opening Remarks by Secretary of State-Designate Marco Rubio before the Senate Foreign Relations Committee // U.S. Department of State. 15.01.2025. Available at: <https://www.state.gov/opening-remarks-by-secretary-of-state-designate-marco-rubio-before-the-senate-foreign-relations-committee/> (accessed: 01.10.2025).

действовать в соответствии со своим пониманием этих интересов и зачастую в ущерб Соединенным Штатам. «Глобальный порядок не должен иметь приоритетности над национальными интересами США <...>. Послевоенный мировой порядок не просто устарел, он стал оружием, которое используется против нас». Вместе с тем этот американский национальный интерес ни в коей мере не заключается в изоляционизме. Это, по словам М. Рубио, проявление здравого смысла, осознание того, что национальный интерес государств не является каким-то реликтом, отжившим свой век¹⁷.

Во втором из упомянутых заявлений глава Государственного департамента признал, что любая страна мира делает то, что соответствует ее интересам. Там, где интересы государств совпадают, возникают альянсы и партнерства; там, где они не совпадают, задача дипломатии — предотвращать конфликты, продолжая продвигать американские национальные интересы, понимая, что другие страны будут продвигать свои. И такой взгляд, по мнению М. Рубио, был в США утрачен в конце холодной войны, потому что Вашингтон во многих случаях принял на себя роль глобального правительства, пытающегося решить любую проблему. Теперь же нужно вновь определить, какие интересы для страны являются приоритетными. Почти революционно прозвучали слова о ненормальности ситуации, когда в мире просто есть держава, обладающая однополярным доминированием: «...это была аномалия. Это было результатом окончания холодной войны, но в конечном счете вы должны были вернуться к точке, где у вас был многополярный мир, мир с несколькими великими державами в разных частях планеты. Мы сталкиваемся с этим сейчас в ситуации с Китаем и в некоторой степени с Россией, и, кроме того, перед вами есть государства-изгои, такие как Иран и Северная Корея, с которыми вам приходится иметь дело»¹⁸.

Не только на словах, но и на практике Д. Трамп сразу после возвращения в Белый дом в 2025 г. начал порывать со многими международными институтами, на которых строился мировой порядок после Второй мировой войны. Это делалось под предлогом аудита участия США в соответствующих организациях, выявления того,

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Secretary Marco Rubio with Megyn Kelly of The Megyn Kelly Show // U.S. Department of State. 30.01.2025. Available at: <https://www.state.gov/secretary-marco-rubio-with-megyn-kelly-of-the-megyn-kelly-show/> (accessed: 01.10.2025).

насколько такое участие соответствует американским национальным интересам. Следует упомянуть исполнительный указ о выходе США из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) из-за ее «неправильных действий в связи с пандемией COVID-19 <...> и другими глобальными кризисами в области здравоохранения» (соответствующий процесс Д. Трамп пытался начать еще во время первого срока)¹⁹, указ о выходе США из Парижского соглашения по климату (такой выход был уже осуществлен его первой администрацией, но отменен Дж. Байденом)²⁰ и указ о выходе США из Совета по правам человека (СПЧ) ООН (что также делала уже первая администрация Д. Трампа и также отменил Дж. Байден); прекращение финансирования Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) и пересмотр членства США в ЮНЕСКО (и здесь Д. Трамп в свой первый президентский срок объявлял о выходе из данной организации, в которую США вернулись при Дж. Байдене, хотя и продолжали не платить в ЮНЕСКО членские взносы в знак протеста против принятия в нее Палестины)²¹. «Виновность» СПЧ, БАПОР и ЮНЕСКО, с точки зрения администрации Д. Трампа, состояла в потворстве антиизраильским настроениям, а против БАПОР были даже выдвинуты обвинения в том, что оно стало прикрытием для террористов, осуществивших нападение ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г.²²

¹⁹ *Withdrawing the United States from the World Health Organization* // The White House. 20.01.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/withdrawing-the-united-states-from-the-worldhealth-organization/> (accessed: 01.10.2025).

²⁰ *Putting America First in International Environmental Agreements* // The White House. 20.01.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/putting-america-first-in-international-environmental-agreements/> (accessed: 01.10.2025).

²¹ В конце июля 2025 г. по итогам Обзора политики США в отношении ЮНЕСКО было принято решение вновь выйти из этой организации, поскольку, по заявлению Государственного департамента, дальнейшее членство в ней «не соответствует национальным интересам Соединенных Штатов». См.: Bruce T. *The United States withdraws from the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO)* // U.S. Department of State. 22.07.2025. Available at: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/07/the-united-states-withdraws-from-the-united-nations-educational-scientific-and-cultural-organization-unesco> (accessed: 01.10.2025).

²² *Withdrawing the United States from and Ending Funding to Certain United Nations Organizations and Reviewing United States Support to All International Organizations* // The White House. 04.02.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/withdrawing-the-united-states-from-and-ending-funding-to-certain->

Правда, и при Дж. Байдене США после этого нападения приостанавливали финансирование БАПОР.

Эти решения были приняты в рамках обобщающей 180-дневной проверки всех международных организаций, в которых США состоят, о чем президент Д. Трамп подписал указ в начале февраля 2025 г.²³

С первых дней своей второй администрации Д. Трамп начал торгово-тарифные войны против большинства стран мира, продолжив с еще большим размахом ту линию, которую он проводил в свое первое президентство. Обосновывая эти шаги (и в целом критикуя приписываемые глобалистам концепции о том, что индустриальные государства должны причинять боль самим себе и разрушать собственные общества), американский президент в выступлении на 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 2025 г. заявил: «В тех странах, которые следовали установленным правилам, все заводы и фабрики подверглись разграблению, и делали это те страны, которые эти правила нарушали»²⁴. Главным объектом этих тарифных войн стала КНР, но они весьма сильно затронули и государства — союзников США по военно-политическим альянсам, и партнеров по соглашению «США — Мексика — Канада». Меры по введению повышенных таможенных пошлин, не исключаящие, правда, отдельных компромиссов (в частности, достигнутая в мае 2025 г. договоренность между США и КНР о снижении Вашингтонском тарифов и рамочное торговое соглашение между США и ЕС, заключенное в июле того же года), свидетельствуют о том, что представляемое Д. Трампом крыло американской элиты, ориентирующееся на «национал-капитализм», готово обрушить такой базовый компонент «основанного на правилах» порядка, как декларируемая его адептами свобода мировой торговли, опирающаяся на правила Всемирной торговой организации (ВТО).

Все эти шаги по духу во многом перекликаются с рекомендациями «Проекта 2025 — Мандата на лидерство», разработанного Фондом «Наследие» и первоначально опубликованного в 2023 г. В докладе объемом почти 1000 страниц сформулирована правоконсервативная

united-nations-organizations-and-reviewing-united-states-support-to-all-international-organizations/ (accessed: 01.10.2025).

²³ Ibidem.

²⁴ At UN, President Trump champions sovereignty, rejects globalism // The White House. 23.09.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/09/at-un-president-trump-champions-sovereignty-rejects-globalism/> (accessed: 01.10.2025).

повестка для работы основных государственных ведомств США в самых различных сферах общественной жизни — от внутренней политики до позиционирования страны на международной арене, хотя формально безотносительно к конкретным персоналиям, которые могли бы взять ее на вооружение в предстоящей избирательной кампании²⁵. Либеральные круги в США считают, что Д. Трамп в своей программе и в своих действиях многое взял из этого труда (по некоторым оценкам, до 2/3 принятых им в первые дни второго срока исполнительных указов были основаны на его рекомендациях²⁶), хотя, как утверждает один из российских исследователей, «авторы доклада действительно выражают более радикальную консервативную идею, чем сам Д. Трамп, который, опасаясь потери голосов умеренных избирателей, не спешит отождествлять себя с этим проектом» [Шарилов, 2024: 85–86]. В ходе своей избирательной кампании в июле 2024 г. он даже назвал некоторые идеи, высказанные в этом докладе, «нелепыми и ужасными», хотя многие из авторов данного документа работали в его первой администрации²⁷.

Это показное и чисто тактическое отмежевание от «Проекта 2025» не помешало Д. Трампу взять некоторых его ключевых авторов на работу и в свою вторую администрацию. Так, Р. Воут стал директором Административно-бюджетного управления США, Б. Карр — председателем Федеральной комиссии по коммуникациям, Дж. Рэтклифф — директором ЦРУ, Т. Хоман (указанный, правда, в числе не главных авторов, а рядовых участников проекта) — «царем границы» (на него возложена задача депортации нелегальных иммигрантов). Наиболее красноречивым свидетельством того, что повестка, продвигаемая Д. Трампом, отнюдь не чужда высказанным в докладе рекомендациям, стало назначение П. Наварро, автора раздела, посвященного торговым вопросам, и ярого сторонника борьбы

²⁵ Mandate for leadership: The conservative promise / Ed. by P. Dans, S. Groves. Washington, D.C.: The Heritage Foundation, 2023. Available at: https://static.project2025.org/2025_MandateForLeadership_FULL.pdf (accessed: 01.10.2025).

²⁶ Tamari J., Lee B. Trump's early actions mirror Project 2025, the blueprint he once dismissed // Time. 24.01.2025. Available at: <https://time.com/7209901/donald-trump-executive-actions-project-2025/> (accessed: 01.10.2025).

²⁷ Gleeson C. Trump disavows Project 2025: Calls some of conservative group's ideas 'absolutely ridiculous and abysmal' // Forbes. 05.07.2024. Available at: <https://www.forbes.com/sites/caileygleeson/2024/07/05/trump-disavows-project-2025-calls-some-of-conservative-groups-ideas-absolutely-ridiculous-and-abysmal/> (accessed: 01.10.2025).

с «торгово-экономической угрозой Китая», старшим советником президента по торговле (он занимался этими вопросами и в первой администрации). Именно П. Наварро стал после возвращения Д. Трампа в Белый дом самым энергичным адептом и «архитектором» начатых им тарифных войн.

Вряд ли, правда, Д. Трамп последует таким радикальным советам о пересмотре основ финансово-экономической гегемонии США в мире, как содержащийся в «Проекте 2025» призыв выйти из Всемирного банка и МВФ. Эти институты, а также ОЭСР обвиняются авторами доклада в навязывании «экономических теорий и политических практик, которые враждебны американским принципам свободного рынка и ограниченного правительства». Деятельность же МВФ по содействию развитию и кредитованию в странах «третьего мира», по их утверждению, чаще ведет к замедлению экономического роста, чем к его ускорению²⁸.

Прогрессирующий по сравнению даже с первым президентским сроком унилатералистский подход Д. Трампа к позиционированию США в мире, его стремление сбросить с себя заботу о либеральном миропорядке проявились и в таких шагах, как реорганизация и резкое сокращение финансирования Агентства США по международному развитию (USAID)²⁹ и фактическое уничтожение (под предлогом неэффективности и предвзятости вещания) другого важнейшего механизма американской «мягкой силы» — медиакомпании «Голос Америки». По-видимому, лозунг «Америка в первую очередь» касается не только непосредственно поведения на международной арене, но и функционирования тех внутриамериканских механизмов, в которых влияние либерально-интернационалистского лобби всегда было преобладающим.

Правда, деятельность Д. Трампа по пересмотру базовых принципов миропорядка, основанного, по утверждению его адептов, на обязательных для всех правилах, не является чем-то уникальным.

²⁸ Mandate for leadership... P. 701.

²⁹ 1 июля 2025 г. государственный секретарь США М. Рубио официально объявил о закрытии USAID и о том, что его программы перейдут в ведение Государственного департамента. См.: Rubio M. Making foreign aid great again // U.S. Department of State. 01.07.2025. Available at: https://state.dept.substack.com/p/making-foreign-aid-great-again?utm_source=post-email-title&publication_id=4785194&post_id=167262315&utm_campaign=email-post-title&isFreemail=true&r=1cskad&triedRedirect=true&utm_medium=email (accessed: 01.10.2025).

Более того, она порой обнаруживает преемственность с тем, что делали администрации демократов. Эта преемственность особенно касается торгово-тарифной политики по отношению к Китаю и другим странам (где администрации Д. Трампа и Дж. Байдена фактически соревновались друг с другом в нарушении правил ВТО [Hopewell, 2025: 1106]), но также проявилась и в других аспектах, относящихся уже к сфере политики. Британский журналист Г. Рахман³⁰, в частности, указывает на введение администрацией Дж. Байдена в мае 2024 г. 100% пошлины на китайские электромобили, которая, по его мнению, «практически несовместима с правилами международной торговли», а также на угрозу государственного секретаря Э. Блинкена отказаться от отмены санкций в отношении Международного уголовного суда (МУС), которые были введены первой администрацией Д. Трампа из-за решения этого органа выдать ордера на арест премьера Израиля Б. Нетаньяху и министра обороны Й. Галанта³¹.

По-новому Д. Трамп начал определять роль США в НАТО и других военно-политических альянсах, поставив под вопрос американские гарантии безопасности Европе, а также Японии. Беспрецедентные для отношений между странами — союзниками по военно-политическому альянсу заявления главы Белого дома, ставящие под сомнение государственность Канады, или претензии на остров Гренландия, принадлежащий Дании (пусть они и не были рассчитаны на практическое осуществление и продиктованы в первую очередь стремлением упредить проникновение КНР в Западное полушарие), свидетельствуют о том, что союзники нужны Вашингтону лишь в той мере, в какой они способны работать на его сугубо эгоистические интересы, а не ради сохранения некой «общности демократических государств».

Судьба военно-политических альянсов, которыми связаны США, — один из центральных вопросов в том, что касается отношения Д. Трампа к международным обязательствам страны. Для

³⁰ См., в частности, его интервью с профессором Принстонского университета Дж. Айкенберри, защищающим концепцию «порядка, основанного на правилах»: Rachman G. Is there such a thing as a rules-based international order? // Financial Times. 20.04.2023. Available at: <https://www.ft.com/content/664d7fa5-d575-45da-8129-095647c8abe7> (accessed: 01.10.2025).

³¹ Rachman G. America breaks global rules as it defends the free world // Financial Times. 27.05.2024. Available at: <https://www.ft.com/content/8249cd96-bda3-48c9-bf91-005df4125f9d> (accessed: 01.10.2025).

государств Запада НАТО — один из центральных инструментов поддержания «порядка, основанного на правилах», но для Д. Трампа с его транзакционным подходом к международным делам альянс изначально был «гирей на ногах». Это стало очевидным уже во время его первого президентского срока. В этом смысле, на наш взгляд, можно доверять словам бывшего помощника президента США по национальной безопасности Дж. Болтона (при всех оговорках, связанных с его стремлением дискредитировать своего бывшего шефа), который в своих мемуарах свидетельствует: «Трамп явно считал, что союзников можно заставить тратить только угрозой ухода США. Судьба НАТО его не беспокоила, потому что он не считал его полезным для Америки. Возражения Столтенберга [генерального секретаря НАТО в 2014–2024 гг.] он прерывал <...> доводами о том, что слишком много членов НАТО не платят, и повторил свои опасения по поводу вступления Соединенных Штатов в Третью мировую войну из-за одного из них» [Болтон, 2023: 160].

Гипертрофированное значение, которое Д. Трамп стал придавать вопросу о военных расходах стран-союзников и доле этих расходов в их ВВП, отражает, как представляется, не столько требование более справедливого распределения бремени внутри блока, сколько стремление оптимизировать военно-политические обязательства США перед Европой из-за необходимости переключения основных усилий на отражение «китайского вызова», покончить с ситуацией, когда НАТО из чисто оборонного альянса стран-участников превращается в военно-политическое обрамление для либерального миропорядка без четко очерченной миссии. Об этом открыто свидетельствует, в частности, заявление главы Пентагона П. Хегсета на встрече министров обороны стран НАТО в феврале 2025 г., что США в силу жестких стратегических реалий больше не могут в первоочередном порядке сосредотачиваться на безопасности Европы³². При этом, руководствуясь коммерциализированным подходом и односторонне понимаемыми американскими интересами, Д. Трамп, как и в свой первый срок, способен легко менять свою риторику по отношению к союзникам, забывая о том, что еще недавно называл НАТО «уста-

³² Sabbagh D. US no longer 'primarily focused' on Europe's security, says Pete Hegseth // The Guardian. 12.02.2025. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/feb/12/us-no-longer-primarily-focused-on-europes-security-says-pete-hegseth> (accessed: 01.10.2025).

ревшим» альянсом, если он убеждается в том, что союзники готовы интенсифицировать свои усилия в деле разделения бремени.

Итоги саммита НАТО в Гааге в июне 2025 г. и его рекордная по краткости заключительная декларация³³ говорят о том, что альянс приходится на ходу перестраивать по принципу «наименьшего общего знаменателя», сворачивая его претензии на роль инструмента либерального миропорядка и в то же время сосредоточиваясь на выполнении того, чего требует от союзников Вашингтон. Это в первую очередь устранение дисбаланса в военных расходах и военных усилиях между США и большинством их союзников — не только с согласием на долю военных расходов в 5% ВВП, но и с упорядочением этих расходов, с более четким распределением их по различным статьям. Вкупе с неудачей первых попыток Д. Трампа добиться выгодных для себя условий прекращения конфликта на Украине это позволило европейским союзникам хотя бы на ближайшее время оживить пошатнувшийся в первые месяцы после его возвращения в Белый дом американо-европейский альянс по поддержке Киева³⁴. Однако в долгосрочном плане вопрос о свертывании американского участия в обеспечении безопасности Европы всё равно не будет снят с повестки дня. Как представляется, сделанное в апреле 2025 г. председателем Европейской комиссии У. фон дер Ляйен заявление, что «Запада в том виде, в каком мы его знали, больше нет» и что «стратегическая автономия [для Европы] — это больше не роскошь, а необходимость»³⁵, остается актуальным.

Аналогичное давление в плане увеличения собственных военных расходов с началом второго президентства Д. Трампа приходится испытывать и союзникам Вашингтона в ИТР. Такие ключевые для Соединенных Штатов страны региона, как Австралия (входящая вместе с США и Великобританией в трехсторонний альянс AUKUS),

³³ The Hague Summit Declaration issued by the NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in The Hague // North Atlantic Treaty Organization (NATO). 25.06.2025. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_236705.htm (accessed: 01.10.2025).

³⁴ Perry D. Trump and NATO just changed the Ukraine war — now Putin must be forced to choose // The Hill. 16.07.2025. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/5402539-trump-and-nato-just-changed-the-ukraine-war-now-putin-must-be-forced-to-choose/> (accessed: 01.10.2025).

³⁵ Von der Leyen: 'The West as we knew it no longer exists' — Europe must stand on its own // EU Today. 16.04.2025. Available at: <https://eutoday.net/von-der-leyen-the-west-as-we-knew-it-no-longer-exists/> (accessed: 01.10.2025).

Япония, Южная Корея, Филиппины, рассчитывали на то, что исключительная сосредоточенность Д. Трампа на проблеме сдерживания Китая будет означать его готовность взять на себя основное бремя этой задачи и избавит их от таких же «чрезмерных» требований по увеличению своих военных расходов, которые США предъявили своим союзникам в Европе. Однако администрация Д. Трампа за прошедший после начала ее работы период уже дважды выдвигала такие требования к восточноазиатским союзникам — сначала до 3,5, а потом до 5% ВВП³⁶.

Это лишний раз подтверждает, что для Д. Трампа коммерциализированный подход к альянсам, которые должны служить продвижению сугубо американских интересов, а не глобального либерального миропорядка, характерен так же, как и подход к другим аспектам американского позиционирования в мире.

Вместе с тем, объявив установившийся после окончания холодной войны либерально-глобалистский порядок «оружием, используемым против интересов Америки», признав (пусть и вынужденно) многополярность формирующегося «постлиберального» мира, Д. Трамп, отдельные члены его администрации и сторонники отнюдь не отказываются от угроз прибегать к сдерживанию «ревизионистских» амбиций укрепляющихся конкурентов США (в первую очередь Китая) и к силовым операциям против стран, якобы угрожающих безопасности Соединенных Штатов. К таким странам, в частности, отнесены Иран (в июне 2025 г. он подвергся американскому удару на фоне военной операции Израиля, направленной против иранской ядерной программы) и Венесуэла, которую администрация Д. Трампа обвиняет в попустительстве деятельности наркокартелей, доставляющих наркотики в США.

Исключив из своего обихода понятие «порядка, основанного на правилах», администрация Д. Трампа, по справедливому (хотя и излишне категоричному) утверждению упоминавшегося норвежского эксперта С. Лодгорда, решила отказаться от последнего политико-семантического инструмента, позволявшего спасти внешний имидж либерального интернационализма, который оказался на грани ис-

³⁶ Kanodia K. US Indo-Pacific allies are unhappy about Trump's defence demands. But they have to comply // Chatham House. 14.07.2025. Available at: <http://www.chathamhouse.org/2025/07/us-indo-pacific-allies-are-unhappy-about-trumps-defence-demands-they-have-comply> (accessed: 01.10.2025).

чезновения. Она сочла излишним культивирование образа США как морального образца для всего мира, а ее «основной нарратив сводится к сугубо реалистическому взгляду на международную политику, где государства продвигают свои интересы в анархическом мире всеми возможными способами, где альянсы подвергаются постоянным изменениям, а побеждает сильнейший» [Lodgaard, 2025: 8].

С такой точкой зрения созвучна и озабоченность, которую после второго прихода Д. Трампа в Белый дом стали выражать официальные лица России. Примечательно в этой связи мнение министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова (а он неоднократно критиковал концепцию «порядка, основанного на правилах», как прикрытие для навязывания Западом остальному миру своих произвольно установленных норм³⁷). Комментируя приведенное ранее заявление М. Рубио в январе 2025 г. на слушаниях в Сенате о мировом порядке, который превратился в орудие против США, глава российской дипломатии пришел к выводу, что Вашингтону «неудобен теперь не только Ялтинско-Потсдамский мир с центральной ролью ООН, но уже и “порядок, основанный на правилах”, который, казалось бы, воплощал в себе эгоизм и арrogантность ведомого Вашингтоном Запада в эпоху после холодной войны». По словам российского министра, концепция «Америка прежде всего», ставка на установление «мира посредством силы» могут окончательно похоронить дипломатию, не говоря уже о том, что «в таких высказываниях и идеологических построениях не просматривается и тени уважения к международно-правовым обязательствам Вашингтона по Уставу ООН»³⁸.

Однако, как представляется, администрация Д. Трампа и потенциальные продолжатели ее дела не станут полностью отбрасывать нормативный подход к мировому порядку, а будут пытаться «национализировать» дискредитированную, по их мнению, концепцию «порядка, основанного на правилах», демонстрировать, что они стремятся не просто к торжеству силового подхода, а к замене

³⁷ См., в частности: Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова «О праве, правах и правилах», Москва, 28 июня 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 28.06.2021. Доступ: <https://www.mid.ru/ru/nota-bene/1766768/> (дата обращения: 01.10.2025).

³⁸ Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, журнал «Россия в глобальной политике», 4 февраля 2025 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.02.2025. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1994357/ (дата обращения: 01.10.2025).

устаревших норм и правил международного поведения новыми нормами, отвечающими интересам американского лидерства в «пост-глобалистском» мире.

Трампизм и мировой порядок: оценки экспертов

Уже первый приход Д. Трампа в Белый дом в 2017 г. выявил, что в американском (и более широко — в западном) экспертном сообществе существуют самые разные взгляды на то, каким должен быть мировой порядок и какую роль в нем должны играть США.

С одной стороны, демонстративное неприятие Д. Трампом и его сторонниками той либерально-глобалистской модели, которая отстаивалась при демократических администрациях и которую демократы (да и многие республиканцы) продолжают защищать и ныне, возникло не на пустом месте. Декларируемые трампистами приоритетность национальных интересов над глобальным управлением, необходимость отказа от безоглядного вмешательства США в других регионах мира ради поддержания «порядка, основанного на правилах» (и нередко ради чуждых интересов), уже длительное время обосновывались сторонниками оптимизации американского участия в мировых делах. Британский историк и политолог Р. Саква указывал, что этот «бунт» Д. Трампа против глубоко укоренившейся в США традиции либерального интервенционизма «поставил под сомнение приверженность Америки своей самопровозглашенной роли хранительницы либерального международного порядка и, по сути, был направлен на возвращение к офшорной балансировке, подходу, уже давно пропагандируемому в США сторонниками политического реализма» [Саква, 2020: 275].

Понимаемый таким образом трампизм во внешнеполитическом позиционировании США еще до первого прихода Д. Трампа в Белый дом получил определенное теоретическое обоснование со стороны ряда экспертов, формально не связанных с Д. Трампом, но признававших пределы либерального мирового порядка. Это в первую очередь сторонники теорий «нелиберальной гегемонии» и «офшорного балансирования» [Layne, 1997; Posen, 2014; Mearsheimer, Walt, 2016]. В частности, Дж. Миршаймер и С. Уолт открыто высказывались за то, чтобы Вашингтон следовал стратегии «офшорного балансирования», отказался от амбициозных усилий по переделке общества в других странах и сосредоточился на том, что действительно важно: на со-

хранении американского доминирования в Западном полушарии и противодействии потенциальным гегемонам в Европе, Северо-Восточной Азии и Персидском заливе [Mearsheimer, Walt, 2016: 71].

С другой стороны, значительно более многочисленные и влиятельные на Западе сторонники сохранения либерально-интернационалистских и глобалистских основ мирового порядка практически сразу после первого прихода Д. Трампа в Белый дом стали бить тревогу, хотя в первый президентский срок Д. Трампу пришлось во многом отступить от своих первоначальных установок. Дж. Айкенберри писал, что «впервые с 1930-х годов США избрали президента, активно демонстрирующего враждебность к либеральному интернационализму. Торговля, альянсы, международное право, мультилатерализм, окружающая среда, проблема пыток и прав человека — по всем этим вопросам президент Трамп отметил себя заявлениями, которые в случае их воплощения в жизнь фактически покончат с ролью Америки как лидера либерального мирового порядка». «Это сочетается с выходом Великобритании из Европейского союза, на растанием авторитарных тенденций, множеством других проблем, из-за которых Европа перестает быть одним из оплотов глобального либерального порядка» [Ikenberry, 2018: 7]. Дж. Голдгейер считал, что внешняя политика Д. Трампа несет угрозу международному порядку как раз потому, что поощряет и берет на вооружение те вызовы (гипернационализм и торговый протекционизм), противодействие которым первоначально и мотивировало формирование этого порядка [Goldgeier, 2018: 8]. Д. Трамп, по мнению этих сторонников либерального интернационализма, ополчился не только против того, что было достигнуто Западом после окончания эпохи биполярности, но против всего мирового порядка, который складывался после Второй мировой войны. Тем самым он якобы подрывает то, на чем до сих пор строилось мировое лидерство США.

В то же время защитники концепции «порядка, основанного на правилах», обычно не возражают против заключающегося в такой модели мироустройства «естественного» преимущества отдельных участников мирового сообщества, определяемого степенью их «цивилизованности» и «демократичности». Упомянувшийся Дж. Айкенберри, например, признаёт, что этот порядок представляет собой «гибридную систему» и является сочетанием иерархии и мультилатерализма, ведь есть привилегии, которыми обладают наиболее

могущественные участники мирового сообщества, в первую очередь в Совете Безопасности (СБ) ООН³⁹. При этом замалчивается принципиальная разница между «привилегиями по статусу» в СБ ООН, признаваемыми всеми странами, и де-факто сложившейся монополией ряда стран и их институтов на установление правил поведения в мире⁴⁰.

Вполне логично, что среди экспертов, которые стремятся взять под защиту либеральный мировой порядок и его мультилатералистские (на словах) основы, преобладают те, кто трактует претензии Д. Трампа как возврат к изоляционизму, как уход от ответственности за судьбу мироустройства и за установившиеся в нем правила, как безосновательный отказ от основополагающих инструментов американского влияния или постепенное сворачивание своего вклада в них — военно-политических альянсов, международных финансовых институтов, механизмов «мягкой силы»⁴¹ [Ikenberry, 2018; Cooley, Nexon, 2020; Keohane, Nye, 2025; Woods, 2025]. При этом представители данного крыла экспертного сообщества зачастую сводят указанные тенденции в идеологии и политике трампизма к его субъективизму и личным амбициям, якобы преувеличивающим негативное воздействие либерального миропорядка на США. Они утверждают, что реальная ситуация в стране и в ее мировом позиционировании до прихода Д. Трампа была гораздо позитивнее, чем он и его сторонники пытаются изображать, но восприятие действительности многими избирателями было иным, и на этом сыграл избранный президент⁴².

Но даже среди защитников либерального мирового порядка, придерживающихся мнения, что Д. Трамп является неподходящей фигурой для его поддержания, встречаются исследователи (в частности, Х. Брэндс [Brands, 2025: 29–33]), которые считают, что трампизм может быть эффективно использован для сдерживания

³⁹ См.: Rachman G. Is there such a thing as a rules-based international order?...

⁴⁰ См.: Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова «О праве, правах и правилах»...

⁴¹ Cooley A., Nexon D. Trump's antiliberal order // Foreign Affairs. 07.01.2025. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/trumps-antiliberal-order-cooley-nexon> (accessed: 01.10.2025).

⁴² MacMillan M. Stress test. Can a troubled order survive a disruptive leader? // Foreign Affairs. 07.01.2025. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/stress-test-trump-margaret-macmillan> (accessed: 01.10.2025).

тех, кто бросает вызов американскому лидерству. Н. Фергюсон усматривает преемственность между Р. Рейганом и Д. Трампом (несмотря на противоположность их взглядов на многие вопросы, например на тарифную политику и отношение к авторитарным режимам) и считает, что 47-й президент США, опираясь на наследие 40-го президента и благодаря особенностям своего взгляда на мир (пусть иногда и весьма уязвимым), способен одержать верх в конкурентной борьбе с соперниками Вашингтона, прежде всего Пекином [Ferguson, 2025: 26–32].

Р. Лисснер и М. Рэпп-Хупер предупреждают об иллюзорности расчетов на то, что после ухода Д. Трампа из Белого дома в 2029 г. всё вернется на круги своя и новые лидеры США как ни в чем не бывало реанимируют прежний курс на строительство либерального миропорядка⁴³.

Большинство либеральных критиков действий Д. Трампа на Западе, однако, стремятся строить свои доводы именно на обвинениях в подмене нормативного принципа внешней политики чисто силовым. Характерны в этом смысле попытки некоторых из них дать весьма мифологизированную трактовку всей «дотрамповской» традиции внешней политики США последнего столетия — начиная с Пакта Бриана–Келлога 1928 г., а впоследствии их роли как одного из основоположников системы международного права, закрепленной в Уставе ООН, — как воплощения именно такого нормативного принципа (признаются, правда, такие «досадные» исключения, как война во Вьетнаме или вторжение в Ирак в 2003 г.). Подходы же Д. Трампа (в качестве примера приводятся пусть и не обязательно предназначенные к воплощению претензии на Канаду, Гренландию или Панамский канал) изображаются как попытка ревизии вообще всего послевоенного международного права и стремление отменить запрет на развязывание агрессивных войн⁴⁴.

Среди доводов, используемых либерально-интернационалистскими оппонентами Д. Трампа, наиболее активно отстаивающими «порядок, основанный на правилах», чаще всего фигурируют обви-

⁴³ Lissner R., Rapp-Hooper M. Absent at the creation? American strategy and the delusion of a post-Trump restoration // *Foreign Affairs*. 24.06.2025. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/absent-creation-rebecca-lissner> (accessed: 01.10.2025).

⁴⁴ Hathaway O.A., Shapiro S.J. Might unmakes right. The catastrophic collapse of norms against the use of force // *Foreign Affairs*. 24.06.2025. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/might-unmakes-right-hathaway-shapiro> (accessed: 01.10.2025).

нения в стремлении возродить мир, базирующийся на разделе сфер влияния между крупнейшими державами. Во всяком случае, до сих пор после окончания холодной войны страны Запада решительно отвергали возврат к идее сфер влияния, говорили об «открытом мире», хотя на деле за этой позицией скрывалось непризнание чьих-либо еще, кроме Запада, прав.

Если во время первого президентства Д. Трамп, по мнению этих критиков, в соответствии со своей «Стратегией национальной безопасности США» (2017), констатирующей возвращение к соперничеству великих держав⁴⁵, проводил курс на жесткое сдерживание Китая и России экономическими и военно-политическими способами и в целом не отступал от парадигмы «либеральной гегемонии» (этот курс, хоть и другими методами, был продолжен и при Дж. Байдене), то с началом второго президентства ситуация стала принципиально меняться. При сохранении в основном прежней жесткой риторики и ставки на военное давление и тарифные войны (особенно по отношению к Китаю) Д. Трамп якобы не столько поощряет противоборство с другими великими державами, сколько стремится — в духе «концерта великих держав» XIX в. — достичь какой-то договоренности с Пекином и Москвой (в частности, путем содействия урегулированию конфликта на Украине ценой «унижения» последней), а геополитические интересы США сосредоточить главным образом в Западном полушарии [Goddard, 2025: 10–11; Nelson, 2025: 2–17]. Такую точку зрения отчасти разделяют и некоторые российские эксперты, утверждающие, что «Белый дом пытается достичь оптимального для себя *modus vivendi* с Россией и Китаем, который перераспределит бы сферы влияния и позволил обозначить новый баланс сил» [Косарев и др., 2025: 18].

В марте 2025 г. известный американский внешнеполитический эксперт Дж. Най-мл., приписывая Д. Трампу стремление пойти на сговор с главными противниками и соперниками США — Россией

⁴⁵ В документе говорилось, в частности, что США вместе с их союзниками и партнерами сталкиваются с тремя основными типами вызовов: «ревизионистскими державами Китая и Россией, государствами-изгоями Ираном и Северной Кореей и транснациональными организациями, несущими угрозу, особенно джихадистскими террористическими группами». National Security Strategy of the United States of America // The White House (archives). December 2017. P. 25. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 01.10.2025).

и Китае, чтобы уступить им какие-то сферы влияния в Европе и Азии, писал, что его администрация в выступлениях своих главных фигур и при голосованиях в ООН «блокировалась с Россией — агрессором, развязавшим завоевательную войну против своего мирного соседа Украины»⁴⁶, а угрозы тарифных войн поставили вопрос о судьбе долгосрочных военно-политических альянсов и о будущем системы мировой торговли. Выход США из ВОЗ и Парижского соглашения по климату подрывает сотрудничество в борьбе с транснациональными угрозами⁴⁷. Вместе со своим постоянным соавтором Р. Кеохейном Дж. Най-мл. в другой статье, опубликованной после его смерти, настаивал на том, что, несмотря на кратковременные преимущества от мер принуждения, на которые вторая администрация Д. Трампа сделала такую большую ставку во взаимодействии с международными партнерами (торговля, иммиграция, отношение к союзникам, атака на глобализацию и ее основные институты и механизмы), его пренебрежение инструментами «мягкой силы» и подрыв у партнеров доверия к США неизбежно превратят лозунг «Сделаем Америку снова великой» в его противоположность [Keohane, Nye, 2025: 79].

Нельзя не признать при этом, что либеральные критики Д. Трампа, приписывая ему — пусть в чем-то и упрощая суть вопроса — идею возродить мир, основанный на разделе сфер влияния между ведущими мировыми игроками, небезосновательно указывают на необходимость учитывать уроки истории. Во многом трагический опыт, в частности, Европы на протяжении последних двух веков говорит о том, что «сферы влияния редко бывают статичными, они постоянно оспариваются»⁴⁸.

⁴⁶ Следует также отметить отказ — из-за сопротивления США — от принятия на саммите «Группы семи» в Кананаскисе (Канада) в июне 2025 г. жесткого заявления с осуждением действий РФ на Украине и в пользу дальнейшей поддержки Киева, идею которого выдвигал премьер-министр Канады М. Карни. См.: Canada says it scrapped a G7 statement on Ukraine after US resistance // Reuters. 17.06.2025. Available at: <https://www.reuters.com/world/americas/canada-says-it-scrapped-g7-statement-ukraine-after-us-resistance-2025-06-17/> (accessed: 01.10.2025).

⁴⁷ Nye-Jr. J.S. Trump's challenge to international order // Australian Strategic Policy Institute (ASPI). 05.03.2025. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/trumps-challenge-to-international-order/> (accessed: 01.10.2025).

⁴⁸ Toft M.D. The return of spheres of influence. Will negotiations over Ukraine be a new Yalta Conference that carves up the world? // Foreign Affairs. 13.03.2025. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/return-spheres-influence?s=EDZZZ005ZX&utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=How%20to%20Tough-

Очевидно и то, что в современном глобализированном мире с его неизмеримо более высоким уровнем развития технологий, ростом числа игроков, имеющих самостоятельные интересы, невозможно вести речь о простом возврате к концепции исключительных сфер влияния отдельных крупных государств. Вместе с тем, как подчеркивает отставной американский дипломат и эксперт по международным отношениям Ч. Фриман, невозможно больше поддерживать и всеобъемлющую (хоть и негласную) сферу влияния США по всему миру, на которую они стали претендовать после холодной войны. Эта сфера влияния «в разных регионах мира и в мировом масштабе <...> оспаривается в связи с появлением других инновационных экономик и информационных систем. Соперничество между крупнейшими мировыми державами, направленное на защиту или расширение сфер, в которых они занимают главенствующее положение, пока ещё может определять их стратегические решения. Но у региональных держав есть свои представления, и их взгляды находят всё больше сторонников» [Фриман, 2023: 35].

При этом поиски альтернатив дискредитировавшему себя однополярному либеральному миропорядку, прикрываемому вывеской «порядка, основанного на правилах», конечно, не ограничиваются идеями возврата к анахроничным сферам влияния в духе прошедших веков, строящимся по сугубо геополитическому принципу. Те политики и эксперты, которые считают необходимым сохранить миропорядок, основанный одновременно на «либеральной гегемонии» и на мультилатерализме, призывают не просто пассивно констатировать развал этого порядка из-за политики Д. Трампа, но и искать возможные альтернативы, если при максимально неблагоприятных сценариях эволюции этой политики США будут сворачивать свое участие в ведущих многосторонних институтах или урезать свой финансовый вклад в них (МВФ, Всемирный банк, «Группа семи», «Большая двадцатка» и т.д.). Разработка таких альтернатив и выстраивание новой архитектуры мира по принципу «мультилатерализм без гегемона», по мнению этих авторов, вполне по силам основным странам — партнерам Вашингтона (в частности, по «Группе семи», а также Китаю, Бразилии, Южной Корее, ЮАР, Турции, Саудовской Аравии); кроме того, возрастет политический

и экономический вес таких межгосударственных форумов, как ОПЕК и ОПЕК+ или БРИКС [Woods, 2025: 90–93]. В таких предложениях ощущается стремление сторонников «реформированного» либерального глобализма обойти «страны-реваншисты» типа России (несмотря на упоминание институтов и объединений, в которых РФ активно участвует) и переучредить Рах Америгана на какой-то новой основе, с новым кругом «стран-единомышленников», который не ограничивался бы развитыми странами Запада.

Из приведенного краткого обзора экспертных мнений о первых шагах второй администрации Д. Трампа, связанных с позиционированием Вашингтона в формирующемся мировом порядке, можно сделать вывод, что курс 47-го президента продолжает сталкиваться с сильной, хотя и несколько однобокой критикой, которая, как представляется, чрезмерно концентрируется на рассуждениях о его мнимых или реальных отличиях от «порядка, основанного на правилах», вместо попыток разобрать реальные достоинства и недостатки. Ситуация только усугубляется непредсказуемостью, склонностью к театральности и крайней противоречивостью многих внутри- и внешнеполитических решений, которыми уже успел отметиться Д. Трамп.

* * *

Вопрос о необходимости пересмотра позиционирования США в существующем мировом порядке, переоценки баланса выгод и издержек для Вашингтона от поддержания этого порядка возник отнюдь не по причине возвращения Д. Трампа на пост президента. После окончания холодной войны Соединенные Штаты, поддержанные своими ведущими союзниками («коллективным Западом»), сыграли ключевую роль в формулировании основных постулатов этого порядка в экономической, торговой, политической и военной сферах. Концепция «порядка, основанного на правилах», вошедшая в официальный дискурс американских лидеров начиная с администрации Б. Обамы, претендовала на то, чтобы легитимизировать доминирующую роль США и Запада в формировавшемся после распада биполярности миропорядке. Эта концепция, с одной стороны, апеллировала к общепризнанным инструментам международного права (прежде всего, к Уставу ООН), с другой стороны, была направлена на внедрение в общий массив этого права тех концепций и практик, которые способствовали бы закреплению американо-за-

падного лидерства в мире под флагами либерального интернационализма и глобализации и препятствовали бы появлению в мире новых центров силы и влияния.

Вместе с тем исчерпание «однополярного момента», становившаяся всё более очевидной утопичность многих либерально-глобалистских представлений о глобальном управлении и торжестве в мире западных ценностей, успешное использование формирующимися новыми полюсами влияния (прежде всего Китаем) тех инструментов, правил и процедур, которые замышлялись США и другими ведущими индустриальными странами для закрепления собственного доминирования в мировом порядке, не могли не породить на определенном этапе на Западе — в том числе в самой Америке — сомнения в эффективности такого порядка и целесообразности его поддержания. Феномен Д. Трампа, взятый им в первый президентский срок и в еще более радикальной форме продолженный после возвращения в Белый дом курс на приоритетность национальных интересов над интересами поддержания либерального мирового порядка отражают устремления тех кругов американской элиты, которые давно были недовольны тем, что выгодами этого порядка всё больше пользовались противники и соперники США.

При этом практические шаги Д. Трампа в данном направлении — и уже первые месяцы его второго президентского срока это наглядно продемонстрировали — отличаются крайней противоречивостью и, как показывает приведенный в данной работе обзор мнений ряда американских экспертов, дают противникам 47-го президента из либерально-глобалистского лагеря множество предлогов для обвинений его в неоизоляционизме, подмене принципиальных политических позиций транзакционизмом (подход к политике как к разновидности торговых сделок), в подрыве испытанных инструментов американского лидерства в мире, разрушении военно-политических альянсов (особенно НАТО), где США являются многолетним естественным лидером, в поощрении хаотизации мирового порядка, в демонтаже его нормативной базы, самоустранении от участия в решении глобальных проблем.

Нежелание Д. Трампа и его сторонников поддерживать любой ценой порядок, который обрекает американскую мощь на растворение в многосторонних институтах и союзах, стремление нынешних лидеров Вашингтона утвердить вместо либерально-интернационалистской парадигмы мирового устройства такой порядок, где США

могли бы действовать на сугубо унилатералистских началах, бросают еще большие вызовы и создают еще больше неопределенностей и для тех субъектов мировой политики, которых США объявили «ревизионистами» и «изгоями». Россия, как демонстрируют хотя бы противоречивые действия и резкие колебания администрации Д. Трампа по отношению к украинскому конфликту, не является исключением.

Как представляется, желание Д. Трампа эксплуатировать действительно очевидную дискредитацию либерально-глобалистских начал мироустройства и концепции «порядка, основанного на правилах», не избавляет его от необходимости пройти весьма сложную развилку. С одной стороны, задача Белого дома — не соскользнуть в стихийный изоляционизм, не допустить разрушения американского лидерства в мире, которое в постбиполярный период строилось на либерально-глобалистской основе, заставить как союзников, так и соперников признавать это лидерство даже в условиях, когда Вашингтон пытается перестраивать его при явном усилении унилатералистских начал и национального эгоизма в своей политике. С другой стороны, признание (пусть и вынужденное) Вашингтоном неизбежности переустройства мира на принципах многополярности должно толкать США в направлении утверждения ценностного многообразия в современном мире и необходимости договариваться по ключевым вопросам мирового развития и различным проблемным и кризисным ситуациям даже с теми, с кем у США существуют труднопреодолимые противоречия.

Подводя итог, можно сделать вывод, что само желание Вашингтона (к тому же пока разделяемое далеко не всей американской элитой) радикально пересмотреть основы позиционирования страны в мире приобретет какой-то четкий смысл лишь тогда, когда станут более ясными контуры мироустройства, идущего на смену нынешнему, до тех же пор особенно важно избегать упрощенных и априорных оценок внешнеполитических шагов администрации Д. Трампа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барановский В.Г. Россия: эволюция взглядов на «ответственность по защите» // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). С. 115–128. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-115-128.
2. Болтон Дж. Центр принятия решений. Мемуары из Белого дома. М.: Родина, 2023.

3. Гринин А.Л. Мировой порядок и его современное состояние // Историческая психология и социология истории. 2024. Т. 18. № 1. С. 105–130. DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.04.

4. Дуткевич П. Грандиозный раскол: Краткий путеводитель по формированию нового мирового порядка // Россия в глобальной политике. 2022. № 6. С. 22–34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34.

5. Косарев В.А., Глазова А.В., Ермаков С.М. и др. Будущее мироустройство: основные факторы и перспективы формирования // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 2 (89). С. 12–47. DOI: 10.52311/2079-3359_2025_2_12.

6. Сазонова К. Кровные братья или кровные враги: юридические параметры отличий понятий «международного права» и «международного порядка, основанного на правилах» // Международная жизнь. 2024. № 3. С. 50–59. Доступ: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2965> (дата обращения: 01.10.2025).

7. Саква Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны. М.: Весь мир, 2020.

8. Самуйлов С.М. Трамп друг или враг? Внешняя политика США от Трампа до Байдена и далее. М.: Книжный мир, 2024.

9. Феномен Трампа / Под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН, 2020.

10. Фриман Ч. О сферах влияния. Почему их надо уважать, но не надо создавать // Россия в глобальной политике. 2023. № 6. С. 8–36. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-8-36.

11. Шариков П.А. «Трампизм» как доминирующее движение в Республиканской партии США в 2020-е годы // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 70–94. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-94.

12. Beqiraj J., Anastasiadou I., Darnopykh A. The rules-based international order: Catalyst or hurdle for international law? Discussion paper // British Institute of International and Comparative Law, March 2024.

13. Brands H. The renegade order. How Trump wields American power // Foreign Affairs. 2025. Vol. 104. No. 2. P. 22–35.

14. Cooley A., Nexon D. Exit from hegemony: The unraveling of the American global order. New York: Oxford University Press, 2020.

15. Dugard J. The choice before us: International law or a 'rules-based international order'? // Leiden Journal of International Law. 2023. Vol. 36. No. 2. P. 223–232. DOI: 10.1017/S0922156523000043.

16. Ferguson N. How to win the new Cold War. To compete with China, Trump should learn from Reagan // Foreign Affairs. 2025. Vol. 104. No. 1. P. 24–32.

17. Goddard S. The rise and fall of great-power competition. Trump's new spheres of influence // Foreign Affairs. 2025. Vol. 104. No. 3. P. 8–23.

18. Goldgeier J. The misunderstood roots of international order — and why they matter again // *The Washington Quarterly*. 2018. Vol. 41. No. 3. P. 7–20. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1519339.

19. Hopewell K. Unravelling of the trade legal order: Enforcement, defection and the crisis of the WTO dispute settlement system // *International Affairs*. 2025. Vol. 101. No. 3. P. 1103–1117. DOI: 10.1093/ia/iiaf055.

20. Ikenberry J.G. The end of liberal international order? // *International Affairs*. 2018. Vol. 94. No. 1. P. 7–23. DOI: 10.1093/ia/iix241.

21. Keohane R., Nye J. Jr. The end of the long American century. Trump and the sources of U.S. power // *Foreign Affairs*. 2025. Vol. 104. No. 4. P. 68–79.

22. Layne C. From preponderance to offshore balancing: America's future grand strategy unavailable // *International Security*. 1997. Vol. 22. No. 1. P. 86–124. DOI: 10.1162/isec.22.1.86.

23. Lodgaard S. Exceptionalism and rules-based order: From Biden to Trump: Report No. 213. Tokyo: Toda Peace Institute, 2025. Available at: https://toda.org/assets/files/resources/policy-briefs/tr-213_exceptionalism-and-rules-based-order_lodgaard.pdf (accessed: 01.10.2025).

24. Mearsheimer J.J., Walt S.M. The case for offshore balancing. A superior U.S. grand strategy // *Foreign Affairs*. 2016. Vol. 95. No. 4. P. 70–83.

25. Nelson B. Donald Trump's spheres of influence strategic doctrine: What is it? And what are the global consequences of it? // *Journal of Global Strategic Studies*. 2025. Vol. 5. No. 1. P. 1–26. DOI: 10.36859/jgss.v5.1.2842.

26. Posen B. *Restraint: A new foundation for U.S. grand strategy*. Ithaca: Cornell University Press, 2014.

27. Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R. et al. The term «rules-based international order» in international legal discourses // *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 2. P. 35–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-2-35-60.

28. Woods N. Order without America. How the international system can survive a hostile Washington // *Foreign Affairs*. 2025. Vol. 104. No. 4. P. 82–93.

REFERENCES

1. Baranovskiy V.G. 2018. Rossiya: evolyutsiya vzglyadov na 'otvetstvennost' po zashchite' [Evolution of Russia's approaches to the 'responsibility to protect']. *Pathways to Peace and Security*, no. 1 (54), pp. 115–128. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-115-128. (In Russ.)

2. Bolton J. 2020. *The room where it happened: A White House memoir*. New York, Simon & Schuster [Russ. ed.: Bolton Dzh. 2023. *Tsentr prinyatiya reshenii. Memuary iz Belogo doma*. Moscow, Rodina Publ.].

3. Grinin A.L. 2024. Mirovoi poryadok i ego sovremennoe sostoyanie [World order and its current state]. *Historical Psychology & Sociology*, vol. 18, no. 1, pp. 105–130. DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.04. (In Russ.)

4. Dutkevich P. 2022. Grandiozni raskol: Kratkii putevoditel' po formirovaniyu novogo mirovogo poryadka [The grand split]. *Russia in Global Affairs*, no. 6, pp. 22–34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34. (In Russ.)

5. Kosarev V.A., Glazova A.V., Ermakov S.M. et al. 2025. Budushchee mirovogo poriadka: osnovnye faktory i perspektivy formirovaniya [The future world order: Key factors and prospects for its emergence]. *National Strategy Issues*, no. 2 (89), pp. 12–47. DOI: 10.52311/2079-3359_2025_2_12. (In Russ.)

6. Sazonova K. 2024. Krovnye brat'ya ili krovnye vragi: yuridicheskie parametry otlichii ponyatii 'mezhdunarodnogo prava' i 'mezhdunarodnogo poryadka, osnovannogo na pravilakh' [Blood brothers or blood enemies: Legal parameters of the differences between the concepts of 'international law' and 'rules-based international order']. *The International Affairs*, no. 3, pp. 50–59. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2965> (accessed: 01.10.2025). (In Russ.)

7. Sakwa R. 2017. *Russia against the rest: The post-Cold War crisis of world order* [Russ. ed.: Sakva R. 2020. Rossiya protiv ostal'nykh. Krizis mirovogo poriadka posle okonchaniya kholodnoi voyny. Moscow, Ves' mir Publ.].

8. Samuilov S.M. 2024. *Trump drug ili vrag? Vneshnyaya politika SShA ot Trumpa do Baidena i dalee* [Is Trump a friend or foe? U.S. foreign policy from Trump to Biden and beyond]. Moscow, Knizhnyi mir Publ. (In Russ.)

9. Kuznetsov A.V. (ed.). 2020. *Fenomen Trampa* [The Trump phenomenon]. Moscow, INION Publ. (In Russ.)

10. Friman Ch. 2023. O sferakh vliyaniya. Pochemu ikh nado uvazhat', no ne nado sozdavat' [About spheres of influence. Why they should be respected, but not created]. *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no. 6, pp. 8–36. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-8-36. (In Russ.)

11. Sharikov P.A. 2024. 'Trumpizm' kak dominiruyushchee dvizhenie v Respublikanskoi partii SShA v 2020-e gody ['Trumpism' as a dominant movement in the U.S. Republican Party in the 2020s.]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 70–94. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-94. (In Russ.)

12. Beqiraj J., Anastasiadou I., Darnopykh A. 2024. *The rules-based international order: Catalyst or hurdle for international law? Discussion paper*. British Institute of International and Comparative Law. March.

13. Brands H. 2025. The renegade order. How Trump wields American power. *Foreign Affairs*, vol. 104, no. 2, pp. 22–35.

14. Cooley A., Nexon D. 2020. *Exit from hegemony: The unraveling of the American global order*. New York, Oxford University Press.

15. Dugard J. 2023. The choice before us: International law or a 'rules-based international order'? *Leiden Journal of International Law*, vol. 36, no. 2, pp. 223–232. DOI: 10.1017/S0922156523000043.

16. Ferguson N. 2025. How to win the new Cold War. To compete with China, Trump should learn from Reagan. *Foreign Affairs*, vol. 104, no. 1, pp. 24–32.

17. Goddard S. 2025. The rise and fall of great-power competition. Trump's new spheres of influence. *Foreign Affairs*, vol. 104, no. 3, pp. 8–23.

18. Goldgeier J. 2018. The misunderstood roots of international order — and why they matter again. *The Washington Quarterly*, vol. 41, no. 3, pp. 7–20. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1519339.

19. Hopewell K. 2025. Unravelling of the trade legal order: Enforcement, defection and the crisis of the WTO dispute settlement system. *International Affairs*, vol. 101, no. 3, pp. 1103–1117. DOI: 10.1093/ia/iiaf055.

20. Ikenberry J.G. 2018. The end of liberal international order? *International Affairs*, vol. 94, no. 1, pp. 7–23. DOI: 10.1093/ia/iix241.

21. Keohane R., Nye J. Jr. 2025. The end of the long American Century. Trump and the sources of U.S. power. *Foreign Affairs*, vol. 104, no. 4, pp. 68–79.

22. Layne C. 1997. From preponderance to offshore balancing: America's future grand strategy unavailable. *International Security*, vol. 22, no. 1, pp. 86–124. DOI: 10.1162/isec.22.1.86.

23. Lodgaard S. 2025. *Exceptionalism and rules-based order: From Biden to Trump: Report No. 213*. Tokyo, Toda Peace Institute. Available at: https://toda.org/assets/files/resources/policy-briefs/tr-213_exceptionalism-and-rules-based-order_lodgaard.pdf (accessed: 01.10.2025).

24. Mearsheimer J.J., Walt S.M. 2016. The case for offshore balancing. A superior U.S. grand strategy. *Foreign Affairs*, vol. 95, no. 4, pp. 70–83.

25. Nelson B. 2025. Donald Trump's spheres of influence strategic doctrine: What is it? And what are the global consequences of it? *Journal of Global Strategic Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 1–26. DOI: 10.36859/jgss.v5.1.2842.

26. Posen B. 2014. *Restraint: A new foundation for U.S. grand strategy*. Ithaca, Cornell University Press.

27. Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R. et al. 2021. The term 'rules-based international order' in international legal discourses. *Moscow Journal of International Law*, no. 2, pp. 35–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-2-35-60.

28. Woods N. 2025. Order without America. How the International system can survive a hostile Washington. *Foreign Affairs*, vol. 104, no. 4, pp. 82–93.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025;
принята к публикации 27.10.2025

The paper was submitted 23.06.2025;
approved after reviewing 25.09.2025;
accepted for publication 27.10.2025

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-80-103

Научная статья / Research paper

Ю.А. Веселов*

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА ПРАВИЛАХ», В ЗАПАДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Концепция «порядка, основанного на правилах», активно продвигалась на протяжении последних нескольких лет в официальном и экспертном дискурсе США и их союзников и фактически позиционировалась как полноценная альтернатива традиционным принципам организации международных отношений, где государственный суверенитет и невмешательство имеют первостепенное значение. Вполне предсказуемо, что этот нарратив столкнулся с жесткой критикой со стороны государств — лидеров западного мира — Российской Федерации и КНР, которые последовательно выступают в защиту общепризнанных норм международного права, опирающихся на Устав ООН. В то же время и в западной академической литературе отнюдь не наблюдается консенсуса в оценках «порядка, основанного на правилах», не говоря уже о его полном принятии. В этой связи в рамках данной статьи предпринимается попытка систематизировать основные направления осмысления концепции «порядка, основанного на правилах», в современных зарубежных международно-политических исследованиях. Показано, что если ее апологеты прибегают к достаточно идеалистическим аргументам, утверждая, что она предполагает коллективное принятие решений и формирование открытой и надежной универсальной системы, с помощью которой все государства и народы могли бы мирно и взаимовыгодно урегулировать возникающие спорные вопросы, то доводы ее критиков представляются более эмпирически обоснованными. Прежде всего, они справедливо указывают на отсутствие универсального

* *Веселов Юрий Александрович* — преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: veseloff30@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2043-2778).

консенсуса по поводу содержания «правил» и процедур их соблюдения, что открывает бесконечные возможности для их селективного и политически ангажированного применения. В этой связи автор заключает, что критический анализ концепции «порядка, основанного на правилах», не может ограничиваться рассмотрением одних лишь теоретических и юридических ее аспектов, а должен непременно включать также анализ ее конкретных политических коннотаций и особенностей практического применения в международных отношениях.

Ключевые слова: «мировой порядок, основанный на правилах», коллективный Запад, международное право, международное сообщество, суверенитет, неолиберализм, глобализм

Для цитирования: Веселов Ю.А. Особенности осмысления концепции «порядка, основанного на правилах», в западной академической литературе // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 80–103. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-80-103.

Yuriy A. Veselov

'RULES-BASED INTERNATIONAL ORDER' IN WESTERN ACADEMIC LITERATURE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The concept of the 'rules-based international order' has been actively promoted in recent years within the official and expert discourse of the United States and its allies as a full-fledged alternative to the traditional principles of international relations, i.e. state sovereignty and non-interference. Predictably, this narrative has encountered severe criticism from the leading states of the non-Western world, namely, the Russian Federation and the People's Republic of China, which consistently advocate the universally recognized norms of international law guided by principles enshrined in the UN Charter. At the same time, there is by no means a consensus in Western academic literature regarding the 'rules-based order,' let alone its full acceptance. In this context, this article identifies the main approaches toward the 'rules-based order' conceptualization in contemporary international studies abroad. The author shows that while it advocates resort to rather utopian arguments, claiming that it implies collective decision-making and the establishment of an open and sound universal system through which all states and peoples could peacefully and mutually resolve emerging disputes, the arguments of its critics appear more empirically

grounded. Primarily, these critics rightly point to the absence of a universal consensus regarding the content of the 'rules' and their compliance procedures, which creates unlimited opportunities for their selective and politically biased application. In this context, the author concludes that a critical analysis of the 'rules-based order' concept cannot be reduced to examining its theoretical and legal aspects but should also necessarily include an analysis of its specific political connotations and features of application in international relations.

Keywords: 'rules-based international order', collective West, international law, international community, sovereignty, neoliberalism, globalism

About the author: Yuriy A. Veselov — Lecturer at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: veseloff30@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2043-2778).

For citation: Veselov Yu.A. 2025. 'Rules-based international order' in Western academic literature. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 80–103. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-80-103. (In Russ.)

Концепция «порядка, основанного на правилах», активно продвигается евро-атлантическими (преимущественно) странами как одно из несущих оснований западноцентричного мироустройства¹. В основе данной концепции лежит вера в то, что международная безопасность и экономическое процветание наилучшим образом достигаются с помощью предсказуемой и общепризнанной нормативной базы, а не путем применения силы.

В Российской Федерации и на официальном уровне, и в академической среде данная концепция оценивается весьма критически как крайне идеологизированная и политизированная. Так, с последовательной ее критикой выступает министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров. В 2020 г. он заявил: «Мы наблюдали попытки “поднять под себя” многосторонние институты, размыть их межгосударственный характер, а универсальные нормы международного права — заменить неким “порядком, основанным на правилах”. Это новый термин, который появился совсем недавно и который скрывает стремление изобретать правила, исходя из поли-

¹ Dembowski H. The vision of a rules-based order // D+C/E+Z. 11.06.2023. Available at: <https://www.dandc.eu/en/article/people-disadvantaged-country-world-order-often-looks-quite-arbitrary> (accessed: 05.08.2025).

тической конъюнктуры, в интересах использования их как инструмента для давления на неугодные государства и, очень часто, даже на своих союзников»². В другом своем интервью министр отметил: «Если вы заметили, наши западные друзья все меньше и меньше используют язык международного права. Вместо этого они изобрели новый термин, который они называют “порядок, основанный на правилах” <...> придуманные в “узком кругу” правила, которые они продвигают, а затем представляют в качестве окончательного решения для любой мировой проблемы <...> наши западные друзья в итоговых декларациях, в коммюнике любой конференции настаивают, что ключевым словом должен быть именно “порядок, основанный на правилах”, а не международное право»³.

Эти оценки разделяют и представители российского академического сообщества. Так, Чрезвычайный и Полномочный Посол, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России профессор Е.Р. Воронин прямо заявляет, что отказ стран «Запада» от международно-правовых обязательств и подмена их «порядком, основанным на правилах», «отражает квазиценность трансатлантического либерализма» [Воронин, 2020: 89].

Как отмечает главный научный сотрудник лаборатории международно-правовых исследований ИМИ МГИМО МИД России Б.И. Нефёдов, рассматриваемая концепция является попыткой подменить общеобязательные международно-правовые нормы (в частности, *jus cogens*, императивные нормы), сформированные в результате межгосударственных договоренностей и с соблюдением общепринятых процедур, аморфными «правилами» [Нефёдов, 2021: 15].

² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 году, Москва, 16 января 2019 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 16.01.2019. Доступ: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3476729?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (дата обращения: 05.08.2025).

³ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарной сессии Международной конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, 15 января 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 15.01.2020. Доступ: https://archive.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3994885?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (дата обращения: 05.08.2025).

В 2021 г. группа отечественных ученых подготовила научную работу, в которой были сделаны следующие выводы: «...есть достаточные основания полагать, что современная концепция “порядка, основанного на правилах”, имеет политический подтекст, прежде всего антироссийский, она добавляется к нынешнему политическому оружию Запада <...>. Если говорить кратко, то концепция представляет собой инструмент универсализации “одностороннего западного проекта” мирового порядка» [Vylegzhanin et al., 2021: 51].

В целом отечественные исследователи склонны трактовать данный концепт как симулякр, который никак не соответствует реальному международному праву, а скорее представляет собой попытку одностороннего навязывания ценностей одного государства другим под видом «правил» [Демидов, 2023; Никодимов, 2024; Vylegzhanin et al., 2021], характеризуется фундаментальным несовпадением декларируемых принципов и их практической реализации [Нефедов, 2021, 2024; Валяровский, 2023].

Характерную для отечественного экспертного и академического сообщества позицию выражает профессор О.В. Лебедева, объясняя, что объективная логика неприятия данной идеи Российской Федерацией обусловлена не пренебрежением международными нормами, а отсутствием доверия к акторам, продвигающим ее в политическом пространстве [Лебедева, 2023]. Это означает, что Россия уважительно относится к международному праву (*international law*), но не считает себя обязанной следовать манипулятивным «правилам» (*rules*).

В целом Россия выступает за классическую вестфальскую концепцию порядка, где государственный суверенитет и невмешательство имеют первостепенное значение. Это видение основано на конкретных юридических нормах, поскольку опирается на положения Устава Организации Объединенных Наций⁴ и уставы иных международных организаций (Всемирной торговой организации, Международного уголовного суда и др.), охватывает различные формы международного сотрудничества, включая торговлю, инвестиции, работу по жизненно важным транснациональным вопросам, таким как изменение климата, многосторонние договоры по правам человека, в том числе Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП), Международный пакт об экономических, социальных

⁴ Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. Доступ: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 05.08.2025).

и культурных правах (МПЭСКП), Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации (КЛРД), Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ), Конвенцию против пыток (КПП) и Конвенцию о правах ребенка (КПР).

Все указанные работы, как можно отметить, были опубликованы сравнительно недавно, что говорит о росте академического интереса отечественных ученых к разбираемому концепту. В то же время большая часть российских исследований по выбранной проблематике посвящена осмыслению прежде всего ее юридических, а не собственно политических аспектов. Одной из немногих работ, где изучается именно политологическое измерение данного концепта, является статья И.В. Радикова [Радиков, 2023], однако автор в большей степени сосредотачивается на аспектах международного порядка и противопоставлении «универсальных» правил национальному суверенитету.

Похожие взгляды на рассматриваемую концепцию присущи и китайским исследователям. Официальная позиция КНР в отношении данной проблематики была сформулирована директором Канцелярии Центральной комиссии по иностранным делам ЦК КПК⁵ Ян Цзечи. Он заявил, что Китай поддерживает систему, в центре которой находится Организация Объединенных Наций, и международный порядок, базирующийся на международном праве, а не «так называемый основанный на правилах международный порядок», за который выступает небольшое число стран⁶.

Сотрудник Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук Сюэ Ли утверждает, что «международный порядок, основанный на правилах», не является нейтральным феноменом, а отражает ценности стран христианской цивилизации. К тому же, по его словам, Соединенные Штаты продвигают «международный порядок, основанный на правилах», ровно до тех пор, пока у них не возникает ощущение, что их жизненно важные интересы находятся под угрозой. В этом случае Вашингтон без колебаний переходит к отстаиванию «международного порядка, основанного на силе» [Xue, 2019: 1].

⁵ Центральный комитет Коммунистической партии Китая. — *Прим. ред.*

⁶ Цит. по: Scott B. The trouble with Washington's rules-based order gambit // The Diplomat. 03.08.2021. Available at: www.thediplomat.com/2021/08/the-trouble-with-washingtons-rules-based-order-gambit (accessed: 05.08.2025).

Хэ Яньхуа и Чэнь Лу, исследователи из Хунаньского университета, так характеризуют рассматриваемую концепцию: «В теории “международный порядок, основанный на правилах”, является неопределенным и характеризуется неоднозначностью сферы применения <...>. На практике “международный порядок, основанный на правилах”, демонстрирует двойные стандарты». Они заключают, что данная концепция представляет собой пропагандистскую попытку разрушить международное право, а КНР, наоборот, выступает за «международный порядок, основанный на международном праве» [He, Chen, 2024: 109].

Предсказуемо особый интерес к рассматриваемой концепции проявляют западные ученые. При этом в западной академической литературе отнюдь не наблюдается консенсуса в оценках «порядка, основанного на правилах», не говоря уже о его полном принятии. В этой связи в рамках данной статьи предпринимается попытка систематизировать основные направления осмысления концепции «порядка, основанного на правилах», в современных зарубежных международно-политических исследованиях.

Апологетика концепции в западной академической среде

Начать анализ западных оценок концепции «порядка, основанного на правилах», представляется целесообразным с рассмотрения точек зрения ее апологетов, которые утверждают, что этот порядок является вполне достижимой и, более того, желанной целью развития международных отношений. Основное внимание в их публикациях уделяется проблемам инструментализации концепции и ее практического применения [Jain, Kroenig, 2019: 72]. С нормативной точки зрения концепция подробно анализируется в трудах Британского института международного и сравнительного права. В частности, его эксперты приходят к выводу, что «порядок, основанный на правилах», — нормативная концепция, укорененная в системе международно признанных законов, однако вместе с тем подчеркивается, что в рамках концепции речь может идти и об общих ценностях, которые также можно назвать «правилами» и которые, тем не менее, не являются «правилами» в обычном понимании

юристов⁷, что оставляет место для политических манипуляций и двойных стандартов.

В докладе «Корпорации РЭНД» (организация, признанная нежелательной на территории Российской Федерации) под названием «Понимание нынешнего международного порядка» [Mazarr et al., 2016], предпринята попытка разграничить «международный порядок, основанный на правилах», — открытый мир, в котором миролюбивые страны могли бы сотрудничать для достижения общих целей в рамках международных институтов, — и классические системы баланса сил великих держав, с трудом поддающиеся регулированию. При этом доклад в большей степени был сконцентрирован на рассмотрении политических проблем и целей Соединенных Штатов, а разбор легальных аспектов исследуемой концепции в нем опущен.

Особое значение с точки зрения изучения рассматриваемого феномена имеет работа американского профессора права и специалиста по международным отношениям и национальной безопасности Д. Слосса. Признавая, что ни одно теоретизирование не может претендовать на абсолютную истинность, он, тем не менее, утверждает, что концепция «мирового порядка, основанного на правилах», является вполне конкретной. Для лучшего понимания сути этой идеи он противопоставляет ее «международному порядку, основанному на суверенитете». При этом, согласно Д. Слоссу, «порядок, основанный на правилах», и «порядок, основанный на суверенитете», не представляют собой «черное» и «белое», поскольку во втором случае также существуют международно-правовые нормы, регулирующие поведение государств [Is the international legal order..., 2022].

Д. Слосс не сомневается, что современный мировой порядок «основан на правилах» и что за последние несколько десятилетий государства добились значительных успехов в его укреплении, однако предостерегает от угроз отката в сторону «порядка, основанного на суверенитете». Особенно острая эта угроза, по его мнению, в области прав человека и правил международной торговли.

С точки зрения темы статьи большой интерес представляют попытки ряда западных исследователей предложить периодизацию становления и развития концепции «порядка, основанного на прави-

⁷ Beqiraj J., Anastasiadou I., Darnopykh A. The rules-based international order: Catalyst or hurdle for international law? Discussion paper // The British Institute of International and Comparative Law. March 2024. Available at: https://www.biicl.org/documents/12206_annex_4_rbio_discussion_paper_final.pdf (accessed: 05.08.2025).

лах». Так, американский политолог Р. Стейнберг делит его развитие после Второй мировой войны на три периода: 1945–1990 гг., 1991–2008 и 2009 г. — настоящее время [Is the international legal order..., 2022]. Три указанных интервала примерно соответствуют холодной войне, периоду непосредственно после ее окончания, когда Соединенные Штаты были единственной мировой сверхдержавой, и периоду, характеризующемуся снижением мощи США и ростом влияния других центров силы, в частности Китая. Результаты своего исследования Р. Стейнберг обобщает в виде следующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Либеральный международный порядок: три периода

Либеральный международный порядок				
Период	Характер	Экономический аспект	Политический аспект	Географический охват
1945–1990 гг.	Биполярный	«Встроенный либерализм», весомая роль международных организаций	Демократии соседствуют с авторитаризмом	Западный мир
1991–2008 гг.	Однополярный	«Гиперлиберализм», весомая роль международных организаций	«Третья волна демократизации»	Глобальный охват
2009 г. — настоящее время	Многополярный	Либерализм урезается, весомая роль международных организаций	Упадок либеральной демократии, деюридизация	Раскол и процессы замещения

Источник: составлено автором на основе: [Is the international legal order..., 2022].

Именно эта периодизация легла в основу рассуждений Д. Слосса и его коллег о динамике развития и институционализации концепции «порядка, основанного на правилах». Проанализировав особенности развития международного права по ключевым направлениям (торговля, права человека, международное уголовное, миграционное, антикоррупционное и инвестиционное регулирование, *jus ad bellum*, *jus in bello* и т.д.), они заключают, что практически везде там наблюдается устойчивая тенденция к замещению «порядка, основанного на суверенитете», «порядком, основанным на правилах» (табл. 2).

Таблица 2

Структура «порядка, основанного на правилах»

Ключевые направления	До современно-го порядка (до Второй мировой войны)	1945–1990 гг.	1990–2008 гг.	2009 г. — настоящее время
Jus ad bellum	Осн. на суверенитете	Осн. на пра-вилах	Осн. на пра-вилах	Рецидив
Jus in bello	Осн. на прави-лах	Осн. на пра-вилах	Осн. на пра-вилах	Осн. на пра-вилах
Международное торговое право	Осн. на суверенитете	Осн. на пра-вилах	Осн. на пра-вилах	Рецидив
Права человека	Осн. на суверенитете	Осн. на пра-вилах	Осн. на пра-вилах	Рецидив
Международное уголовное право	Осн. на суверенитете	Осн. на суве-ренитете	Осн. на пра-вилах	Осн. на пра-вилах
Международное инвестиционное право	Осн. на суверенитете	Осн. на суве-ренитете	Осн. на пра-вилах	Осн. на пра-вилах
Международное антикоррупци-онное законода-тельство	Осн. на суверенитете	Осн. на суве-ренитете	Осн. на пра-вилах	Осн. на пра-вилах
Международное миграционное право	Осн. на суверенитете	Осн. на суве-ренитете	Осн. на суве-ренитете	Осн. на суве-ренитете

Источник: составлено автором на основе: [Is the international legal order..., 2022].

Главным препятствием на пути к окончательному построению «порядка, основанного на правилах», по мнению апологетов данной концепции, выступают не ее имманентные недостатки, а скорее непоследовательность ее применения. В частности, как утверждает А. Калламард, генеральный секретарь «Amnesty International» (организация, признанная нежелательной на территории Российской Федерации), в последние годы мировые лидеры слишком избирательно реагировали на бесчисленные нарушения международного гуманитарного права и прав человека во время различных конфликтов по всему миру. «Они выражали возмущение преступлениями, совер-

шенными одними воюющими сторонами, одновременно предлагая дипломатическое прикрытие другим. Во многих случаях они также закрывали глаза на бедственное положение мирных жителей, страдающих в конфликтах. <...> Когда мировые лидеры действуют против тех самых ценностей, которые они, по их утверждению, воплощают и защищают, граждане мира начинают сомневаться в целостности международной правовой системы». А. Калламард отметила, что, когда «порядок, основанный на правилах», применяется только к некоторым, двойные стандарты усиливаются, а безнаказанность распространяется⁸.

В целом сторонники рассматриваемой концепции склонны отождествлять «порядок, основанный на правилах», и современный международный порядок⁹. Соответственно в рамках данной логики проблемы концепции обуславливаются проблемами порядка. Международный порядок, по их мнению, является по своей сущности либеральным, справедливым, «имеющим древние корни», а все проблемы и соответственно критика исходят от внешних возмутителей спокойствия. К таковым, по мнению экспертов «Chatham House» (организация, признанная нежелательной на территории Российской Федерации), относятся «восходящие» или реваншистские государства; недовольные и разочарованные избиратели; экономические и финансовые потрясения, вызванные самой либеральной международной экономической системой¹⁰. Эксперты выделяют три основные взаимосвязанные группы проблем «порядка, основанного на правилах»: проблемы легитимности, проблемы справедливости и проблемы самоудовлетворенности.

Проблемы легитимности в своей основе связаны с лидирующей ролью Соединенных Штатов, поскольку их внешнеполитические просчеты, например военная интервенция в Ирак, дискредитируют весь порядок.

⁸ Callamard A., Ilo U.J. World leaders' responses to conflict imperil the rules-based world order // Al Jazeera Media Network. 15.02.2024. Available at: <https://www.aljazeera.com/opinions/2024/2/15/western-responses-to-armed-conflict-imperil-the-rules-based-world-order> (accessed: 05.08.2025).

⁹ Challenges to the rules-based international order // The Royal Institute of International Affairs (Chatham House). 2015. P. 3. Available at: www.chathamhouse.org/sites/default/files/London%20Conference%202015%20-%20Background%20Papers.pdf (accessed: 05.08.2025).

¹⁰ Ibidem.

Проблемы справедливости заключаются в неравномерности распределения богатств, а также в существовании авторитарных и недемократических режимов. В этом контексте сторонники «порядка, основанного на правилах», указывают на необходимость построения гармоничной, учитывающей интересы большинства экономической системы, позволяющей гарантировать соблюдение прав человека повсюду.

Наконец, проблемы самоуспокоенности обусловлены долгим функционированием современного международного порядка, которое порождает иллюзию, что такая структура представляет собой естественный порядок вещей, лишь изредка требующий периодического «ремонта» и защиты от конкретных локальных вызовов¹¹.

В последние годы среди американских апологетов концепции «порядка, основанного на правилах», усиливаются пессимистичные настроения, что связано с приходом к власти в США Д. Трампа¹². Для них это событие стало воплощением кризиса легитимности либерального порядка. В этих условиях особый интерес представляет изучение взглядов исследователей из ФРГ, которая претендует на одну из ведущих позиций в системе либерального институционализма.

Как пишет Йорг Лау, редактор немецкой еженедельной газеты «Die Zeit», «почти тайно, борьба за “мировой порядок, основанный на правилах”, стала высшей и конечной целью немецкой внешней политики. Ни один политический текст не может обойтись без этой фразы»¹³. Когда Германия подавала заявку на пост непостоянного члена Совета Безопасности ООН, в брошюре с заявкой говорилось: «Как страна, объединенная в глобальную сеть, мы привержены мировому порядку, основанному на правилах, который характеризуется силой закона, а не законом сильнейшего»¹⁴.

Германия активно внедряет концепцию «порядка, основанного на правилах», в документы ООН, соглашения по правам человека, дискурс неформальных групп, таких как «Группа семи» и «Группа

¹¹ Ibidem.

¹² Daalder I. Like it or not, the rules-based order is no more // Politico. 05.02.2025. Available at: <https://www.politico.eu/article/rules-danish-prime-minister-mette-frederiksen-us-president-donald-trump-greenland-power-politics/> (accessed: 05.08.2025).

¹³ Lau J. 'Regelbasierte Weltordnung': In 80 Phrasen um die Welt // Internationale Politik. 01.07.2020. Available at: <https://internationalepolitik.de/de/regelbasierte-weltordnung> (accessed: 05.08.2025).

¹⁴ Ibidem.

двадцати», а также в риторике НАТО¹⁵. Концепция упоминается 10 раз в национальной стратегии безопасности ФРГ¹⁶.

По мнению немецкого политолога А. Зейферта, в настоящее время в международном балансе сил происходят фундаментальные изменения, которые подрывают доктрину «международного порядка, основанного на правилах». Причины кризиса ее легитимности заключаются в том, что подъем Юга основан на качественных и количественных изменениях объективного характера, во многом связанных с деятельностью БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), влиятельных региональных объединений и евро-азиатских центров притяжения, которые условный «Запад» не может более контролировать. Однако вместо открытости для реформ, необходимых в формирующейся новой международной реальности, апологеты «порядка, основанного на правилах», пытаются искусственно законсервировать старые нормы и принципы¹⁷.

Концепция «порядка, основанного на правилах», как объект критики в западных международно-политических исследованиях

Важно подчеркнуть, что многие западные исследователи, в том числе приверженцы мирового порядка, сложившегося по итогам холодной войны, убежденные, что он построен на универсальных нормах и международных институтах, резко критикуют концепцию «порядка, основанного на правилах», как политически ангажированную и манипулятивную.

Центральным аргументом этой критики выступает утверждение, что апологеты концепции лишь декларируют важность таких принципов, как права человека, самоопределение наций, территориаль-

¹⁵ Germany in the United Nations // Press and Information Office of the Federal Government. 24.10.2024. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/germany-united-nations-2317410> (accessed: 05.08.2025).

¹⁶ Integrated Security for Germany: Robust. Resilient. Sustainable. National Security Strategy // The Federal Government. June 2023. Available at: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (accessed: 05.08.2025).

¹⁷ Seifert A. 'Regelbasierte internationale Ordnung' versus post-koloniale Emanzipation: Grenzen und Sackgassen eines globalen Hegemonieprojekts // Luxemburg: Gesellschaftsanalyse und linke Praxis. Juni 2023. Available at: <https://zeitschrift-luxemburg.de/artikel/regelbasierte-internationale-ordnung-versus-post-koloniale-emanzipation/> (accessed: 05.08.2025).

ная целостность, однако либо не прилагают усилий для их отстаивания на практике, либо сами их прямо попирают. Это означает, что «правила» являются таковыми лишь на словах и могут быть на деле лишены всякой юридической силы и остаются на уровне демагогии.

На эти обстоятельства указывает, в частности, один из самых цитируемых и известных авторов по теме «порядка, основанного на правилах», профессор Дж. Дугард [Dugard, 2023], сотрудник Комиссии международного права ООН. Он полагает, что данная концепция скорее бросает вызов международному праву, чем дополняет его: «Снисходительно ее [концепцию] можно рассматривать как порядок, включающий либеральные ценности. Менее снисходительно — как конкурирующий порядок, отстаиваемый некоторыми западными государствами, в частности Соединенными Штатами, стремящимися навязать ту интерпретацию международного права, которая наилучшим образом продвигает интересы Запада, в первую очередь США. В отличие от международного права это, похоже, не является универсальным порядком. То есть это порядок, используемый Западом, опять же в частности Соединенными Штатами, для обеспечения своего господства» [Dugard, 2023: 231]. Аналогичных взглядов придерживается другой известный ученый-международник С. Уолт¹⁸.

По словам профессора С. Талмона, «порядок, основанный на правилах», допускает волюнтаристичные исключения в особых (*sui generis*) случаях¹⁹. На это указывает и почетный профессор международного права Принстонского университета Р. Фальк: «Соединенные Штаты недавно подняли на смех международные институты, официально отменив решение Международного уголовного суда, который утверждал, что имеет юридические полномочия расследовать хорошо обоснованные обвинения против США в преступлениях против человечности в Афганистане...»²⁰. Такая критика

¹⁸ Walt S.M. China wants a 'rules based international order', too // Foreign Policy. 31.03.2021. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/03/31/china-wants-a-rules-based-international-order-too/> (accessed: 05.08.2025).

¹⁹ Talmon S. Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 20.01.2019. Available at: www.gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law (accessed: 05.08.2025).

²⁰ Falk R. 'Rule-based-international-order': A new metaphor for US geopolitical primacy // Eurasia Review. 01.06.2021. Available at: <https://www.eurasiareview.com/01062021-rule-based-international-order-a-new-metaphor-for-us-geopolitical-primacy-oped/> (accessed: 05.08.2025).

подчеркивает неопределенность понятия «правила» и отсутствие системного подхода в их имплементации, а также вскрывает фундаментальные противоречия между декларируемыми нормами и реальной практикой мировой политики.

Критики концепции «порядка, основанного на правилах», приводят несколько объяснений того, почему до недавнего времени (как минимум до начала второго срока президентства Д. Трампа) Соединенные Штаты так настойчиво ее продвигали.

Во-первых, они отмечают, что США не являются участниками ряда важных многосторонних договоров, которые составляют фундамент международного права. Они не подписали Конвенцию по морскому праву, а значит, Вашингтону необходимо использовать специальную аргументацию в своих «полицейских» угрозах Китаю за его действия, противоречащие «международному порядку, основанному на правилах», в Южно-Китайском море²¹. США также не являются участником ряда основополагающих договоров, регулирующих международное гуманитарное право, включая Протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям о законах и обычаях войны, Римского статута Международного уголовного суда, Конвенции по кассетным боеприпасам и Конвенции о запрещении противопехотных мин. США не присоединились к Конвенции о правах ребенка и Конвенции о правах инвалидов. Это неизбежно затрудняет Вашингтону привлечение к ответственности государств, нарушающих международное гуманитарное право и права человека, поскольку данные нормы не признаются ими частью обычного международного права [Dugard, 2023]. Такая избирательная приверженность нормам международного права, указывают критики, подрывает легитимность не только лидерства США в продвижении глобальной стабильности и принципов либеральной демократии, но и самих основ западноцентричного миропорядка.

Во-вторых, Соединенные Штаты стремятся толковать нормы международного права таким образом, чтобы те служили оправданием использования ими военной силы. Критик западного интервенционизма профессор Р. Фальк указывает на противоречие, заложенное в сердцевине концепции «порядка, основанного на

²¹ Antony Blinken warns China to stop 'aggressive actions' in Asia-Pacific // The Guardian. 14.12.2021. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/dec/14/antony-blinken-warns-china-to-stop-aggressive-actions-in-asia-pacific> (accessed: 05.08.2025).

правилах», которое заключается в тенденции подменять законность силой, даже если формально речь идет о поддержании правил²². Так, глобальная сеть из 800 военных баз США²³ и регулярные операции в спорных территориальных водах или воздушном пространстве де-факто устанавливают асимметричный порядок, и поэтому, даже если Вашингтон апеллирует к «свободе судоходства» или «коллективной безопасности» (некоторые из понятий, входящих в концепцию), его действия воспринимаются многими странами как одностороннее навязывание гегемонии, пусть и под некими «благородными лозунгами».

Еще более спорными, с точки зрения критиков, являются характерные для американских элит трактовки права на самооборону, позволяющие наносить упреждающие удары²⁴ и санкционирующие применение силы против повстанцев/боевиков, характеризующихся как террористы [Dugard, 1999]. Использование силы под знаменем гуманитарной интервенции во время бомбардировки Белграда в 1999 г. [Henkin, 1999] балансирует, по их мнению, на грани допустимого, равно как и интерпретации резолюций Совета Безопасности, данные Соединенными Штатами и Соединенным Королевством, для санкционирования²⁵ применения силы в Ираке в 2003 г. [см. подробнее: Lowe, 2003; Sands, 2005] и Ливии в 2011 г.²⁶, являясь фактически просто оправданиями для смены неугодных режимов [Higgins et al., 2017]. Отказ в предоставлении статуса военнопленного солдатам Талибана, содержащимся в Гуантанамо после вторжения США в Афганистан в 2002 г., нарушает ст. 4 Конвенции об обращении с военнопленными, а использование беспилотников в Афганистане, Ираке и Йемене для уничтожения враждебных боевиков/терро-

²² Falk R. Op. cit.

²³ Vine D. Where in the world is the U.S. military? // Politico Magazine. July/August 2015. Available at: <https://www.politico.com/magazine/story/2015/06/us-military-bases-around-the-world-119321/> (accessed: 05.08.2025).

²⁴ The National Security Strategy of the United States of America // The White House (President George W. Bush). September 2002. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (accessed: 05.08.2025).

²⁵ Resolution 1441 (2002), adopted by the Security Council at its 4644th meeting, on 8 November 2002 // United Nations. Security Council. Available at: [https://docs.un.org/en/S/RES/1441\(2002\)](https://docs.un.org/en/S/RES/1441(2002)) (accessed: 05.08.2025).

²⁶ Resolution 1773 (2011), adopted by the Security Council at its 6498th meeting, on 17 March 2011 // United Nations. Security Council. Available at: [https://docs.un.org/en/S/RES/1773\(2011\)](https://docs.un.org/en/S/RES/1773(2011)) (accessed: 05.08.2025).

ристов может рассматриваться как нарушение международного гуманитарного права и прав человека [Boyle, 2015].

Как указывают в этой связи критики концепции «порядка, основанного на правилах», она является удобным инструментом в руках Соединенных Штатов, позволяющим успешно оправдывать свои действия без обращения к более строгим, конкретным и обязывающим формальным нормам международного права. Как заявил бывший старший советник в аналитическом центре «New America Foundation», а также член совета директоров аналитического центра «Stiftung Neue Verantwortung» (SNV) в Берлине Б. Скотт, «хотя США сформировали ООН и большую часть международного права, их отношения с этими институтами становятся всё более напряженными, особенно после вторжения в Ирак в 2003 г. Отчасти поэтому они обратились к порядку, основанному на правилах»²⁷.

По данным британского аналитического центра «Chatham House», недавние нарушения Вашингтоном международного права «бросили длинную тень на претензии Америки на то, чтобы быть главным защитником мирового порядка»²⁸. В этом отношении можно отметить, что претензии США на статус «главного гаранта правил» сталкиваются с так называемым парадоксом имперской ответственности: чем активнее держава позиционирует себя как хранителя глобальной стабильности и справедливости, тем выше ожидания ее соответствия декларируемым нормам, а несоблюдение этих правил может нести угрозу не только лидерству, но и самим провозглашаемым принципам.

Как отмечает профессор С. Уолт, противопоставление предполагаемой приверженности Соединенных Штатов системе правил и предполагаемого отсутствия таковых у Китая является вводящим в заблуждение по крайней мере в нескольких отношениях. Прежде всего, оно упускает из виду собственную готовность Соединенных Штатов игнорировать, обходить или переписывать правила всякий раз, когда они кажутся им неудобными. «Если мы будем честны с собой, мы должны признать, что Вашингтон иногда думает, что совершенно нормально, когда сила является источником права,

²⁷ Scott B. Op. cit.

²⁸ Challenges to the rules-based international order // The Royal Institute of International Affairs (Chatham House). 2015. Available at: www.chathamhouse.org/sites/default/files/London%20Conference%202015%20-%20Background%20Papers.pdf (accessed: 05.08.2025).

а победители забирают всё. Распад Советского Союза, когда Соединенные Штаты в полной мере воспользовались ослабленной постсоветской Россией, является прекрасным примером...»²⁹. В этом контексте критики концепции «порядка, основанного на правилах», указывают, что присущий ей нарратив о бинарном разделении государств на «нормативных» и «девиантных» выступает скорее инструментом легитимации гегемонистского доминирования, а не средством описания объективного поведения акторов.

В-третьих, концепция «порядка, основанного на правилах», удобна Соединенным Штатам, потому что дает возможность избавить некоторые — важные для США — государства, такие как Израиль и Украина, от ответственности за нарушения международного права. Они рассматриваются как случаи *sui generis*, в которых национальные интересы исключают ответственность. Эта исключительность в отношении Израиля была подтверждена Соединенными Штатами в их совместной декларации по случаю визита президента Дж. Байдена в Иерусалим в июле 2022 г., которая провозглашает «неразрывные связи между нашими двумя странами и неизменную приверженность Соединенных Штатов безопасности Израиля», а также решимость двух государств «бороться со всеми попытками бойкотировать или делегитимизировать Израиль, отрицать его право на самооборону или демонстрировать предвзятый подход к нему на любом форуме, включая Организацию Объединенных Наций или Международный уголовный суд»³⁰. Данная приверженность объясняет последовательный отказ Соединенных Штатов привлечь Израиль к ответственности за его неоднократные нарушения гуманитарного права, поддержать судебное преследование виновных в международных преступлениях в Международном уголовном суде, осудить его нападения на Газу [Dugard, 2017] или признать, что Израиль применяет политику апартеида на палестинской территории³¹. Помимо перечисленного Соединенные Штаты отказываются признать существование ядерного арсенала Израиля или разрешить

²⁹ Walt S.M. Op. cit.

³⁰ The Jerusalem U.S.-Israel Strategic Partnership Joint Declaration // The White House (archive). 14.07.2022. Available at: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/the-jerusalem-u-s-israel-strategic-partnership-joint-declaration/> (accessed: 05.08.2025).

³¹ Samuels B. U.S. State Department rejects Amnesty's apartheid claim against Israel // Haaretz. 01.02.2022. Available at: <https://www.haaretz.com/us-news/2022-02-01/>

какое-либо обсуждение этого вопроса в контексте распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке³². В итоге фактически любые действия со стороны Израиля могут рассматриваться США как соответствующие «порядку, основанному на правилах»³³, даже если они нарушают основные нормы международного права.

В конечном счете, по словам профессора Р. Фалька, концепция «мирового порядка, основанного на правилах», проводит воображаемую границу между «демократиями» и «автократиями», где США и их союзники по НАТО возглавляют демократии, а Китай и Россия — соответственно «автократии», притом что некоторые полноценные «автократы» приветствуются в демократическом «шатре», например премьер-министр Индии Нарендра Модди, наследный принц КСА Мухаммед ибн Салман Аль Сауд, президент Египта Абдул-Фаттах Халил Ас-Сиси, президент Бразилии Жаир Болсонару, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган и другие³⁴. Таким образом, критики рассматриваемой концепции указывают, что присущая ей апелляция к ценностям используется скорее для консолидации союзников и маргинализации конкурентов, чем для продвижения универсальных принципов и норм.

Показательно выступление бывшего посла Франции в США и ООН и экс-председателя Совета Безопасности ООН Жерара Аро во время онлайн-дискуссии, организованной американским аналитическим центром «Quincy Institute for Responsible Statecraft»: «Честно говоря, я всегда относился крайне скептически к идее “порядка, основанного на правилах” <...> во-первых, в нынешнем международном порядке доминирует Запад, а во-вторых, этот порядок отражает баланс сил 1945 г.»³⁵. Данное высказывание актуализирует проблему легитимности и репрезентативности послевоенного миропорядка.

ty-article/u-s-state-department-rejects-amnestys-apartheid-claims-against-israel/0000017f-f598-d460-afff-fffeb2d30000 (accessed: 05.08.2025).

³² Gilinsky V., Sokolski H. Biden should end U.S. hypocrisy on Israeli nukes // Foreign Policy. 19.02.2022. Available at: <https://www.sott.net/article/449908-Biden-should-end-US-hypocrisy-on-Israeli-nukes> (accessed: 05.08.2025).

³³ Falk R. Op. cit.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Norton B. French ambassador: US ‘rules-based order’ means Western domination, violating international law // Geopolitical Economy Report. 21.11.2022. Available at: <https://geopoliticeconomy.com/2022/11/21/gerard-araud-france-us-rules-based-order/> (accessed: 05.08.2025).

* * *

Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых особенностей осмысления концепции международного «порядка, основанного на правилах», в современных зарубежных международно-политических исследованиях. Так, работы апологетов данной концепции направлены главным образом на выявление и объяснение причин трудностей, с которыми та сталкивается на практике. В частности, они акцентируют внимание на несоответствии декларируемой универсальности норм избирательности их применения. В то же время, признавая, что концепция остается недоработанной и несовершенной, они, тем не менее, считают, что она в целом корректно отражает особенности современного миропорядка, а значит, может служить фундаментом для развития и укрепления международных институтов, защиты прав человека. Решение всех возникающих при этом проблем они видят в дальнейшем уточнении ключевых принципов и положений «порядка, основанного на правилах», и совершенствовании соответствующих практик, конечно же, в духе ценностей либеральной демократии, а не в их радикальном пересмотре, не говоря уже об отказе от них.

Критика концепции со стороны западных исследователей, в том числе являющихся последовательными приверженцами западно-центричного мирового порядка, вызвана главным образом обеспокоенностью, что ее чрезмерно настойчивое продвижение грозит подорвать международное доверие к дискурсу западных стран из-за своей ярко выраженной ангажированности и избирательности.

В целом можно констатировать, что западное экспертное сообщество далеко от единодушия в оценках концепции «порядка, основанного на правилах». В то время как ее апологеты прибегают к достаточно идеалистическим аргументам, утверждая, что она предполагает коллективное принятие решений и формирование открытой и надежной универсальной системы, с помощью которой все государства и народы могли бы мирно и взаимовыгодно урегулировать возникающие спорные вопросы, доводы ее критиков представляются более эмпирически обоснованными. Прежде всего в том отношении, что они справедливо указывают на отсутствие универсального консенсуса по поводу содержания «правил» и процедур их соблюдения, что открывает бесконечные возможности для их селективного и политически ангажированного применения.

Следовательно, критический анализ концепции «порядка, основанного на правилах», не может ограничиваться рассмотрением одних лишь теоретических и нормативистских ее аспектов, но должен непременно включать также анализ ее конкретных политических коннотаций и особенностей практического применения в международных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валяровский Ф.И. Порядок, основанный на правилах[,] и международное право // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, 26 апреля 2023 г. / Отв. ред. Е.В. Бабошина. [Б. м.]: ПГУ, 2023. С. 26–29.
2. Воронин Е.Р. Либеральный порядок, основанный на «правилах», и международное право // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 88–95.
3. Демидов А.В. «Порядок, основанный на правилах», или международное право? // Русская политология. 2023. № 3 (28). С. 12–20.
4. Лебедева О.В. Приоритеты современной российской дипломатии: между ООН и «порядком, основанным на правилах» // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 10–19.
5. Нефёдов Б.И. Когда и почему возникла доктрина «Международный порядок, основанный на правилах» // Московский журнал международного права. 2024. № 3. С. 6–16. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-3-6-16.
6. Нефёдов Б.И. Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // Россия и современный мир. 2021. № 3 (112). С. 6–21. DOI: 10.31249/rsm/2021.03.01.
7. Никодимов И.Ю. Критика правовой концепции «порядок, основанный на правилах» // Актуальные проблемы укрепления законности и правопорядка в современной России: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / Под ред. В.Ю. Голубовского. М.: Дашков и К, 2024. С. 409–417.
8. Радиков И.В. Новые центры силы: от мирового порядка, основанного на западных «правилах», к суверенному равенству государств // Мегатренды мировой политики: глобализация, поляризация, экстремизм: Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.К. Харичкин. М.: МГЛУ, 2023. С. 99–109.
9. Boyle M.J. The legal and ethical implications of drone warfare // The International Journal of Human Rights. 2015. Vol. 19. No. 2. P. 105–126. DOI: 10.1080/13642987.2014.991210.

10. Dugard J. The choice before us: International law or a «rules-based international order»? // *Leiden Journal of International Law*. 2023. Vol. 36. No. 2. P. 223–232. DOI: 10.1017/S0922156523000043.
11. Dugard J. *International law: A South African perspective*. Kenwyn: Juta & Co, 1999.
12. Dugard J. Legal consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory // *Landmark cases in public international law* / Ed. by E. Bjorge, C. Miles. London: Bloomsbury Academic, 2017. P. 539–561.
13. He Yan-hua, Chen Lu. Criticism of «rules-based international order» // *Presentday Law Science*. 2024. No. 2. P. 109–117.
14. Henkin L. Editorial comments: NATO's Kosovo intervention // *The American Journal of International Law*. 1999. Vol. 93. No. 4. P. 824–862.
15. Higgins R., Webb Ph., Akande D. et al. *Oppenheim's international law: United Nations*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
16. *Is the international legal order unraveling?* / Ed. by D.L. Sloss. New York: Oxford University Press, 2022.
17. Jain A., Kroenig M. *Present at the re-creation: A global strategy for revitalizing, adapting, and defending a rules-based international system*. Washington, D.C.: Atlantic Council, 2019.
18. Lowe V. The Iraq crisis: What now? // *International and Comparative Law Quarterly*. 2003. Vol. 52. No. 4. P. 859–871. DOI: 10.1093/iclq/52.4.859.
19. Mazarr M.J., Priebe M., Radin A., Cevallos A.S. *Understanding the current international order*. Santa Monica: RAND Corporation, 2016.
20. Sands Ph. *Lawless world: America and the making and breaking of global rules from FDR's Atlantic Charter to George Bush's illegal war*. New York: Viking, 2005.
21. Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R. et al. The term «rules-based international order» in international legal discourses // *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 2. P. 35–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-2-35-60.
22. Xue Li. The «rules-based international order» is becoming increasingly diversified // *World Knowledge*. 2019. No. 15. P. 1–15.

REFERENCES

1. Valyarovskii F.I. 2023. Poryadok, osnovannyi na pravilakh[,] i mezhdunarodnoe pravo [Rules-based order and international law]. In: Baboshina E.V. (ed.). *Aktual'nye problemy pravosudiya i pravookhranitel'noi deyatel'nosti. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 26 aprelya 2023 goda* [Current problems of justice and law enforcement. Proceedings of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference, April 26, 2023]. [S. 1.]: PGU Publ., pp. 26–29. (In Russ.)

2. Voronin E.R. 2020. Liberal'nyi poryadok, osnovannyyi na 'pravilakh', i mezhdunarodnoe pravo [Liberal 'rules-based' order and international law]. *The International Affairs*, no. 2, pp. 88–95. (In Russ.)

3. Demidov A.V. 2023. 'Poryadok, osnovannyyi na pravilakh' ili mezhdunarodnoe pravo? ['Rules-based order' or international law?]. *Russian Political Science*, no. 3 (28), pp. 12–20. (In Russ.)

4. Lebedeva O.V. 2023. Prioritety sovremennoi rossiiskoi diplomatii: mezhdunarodnoe pravo i 'poryadok, osnovannyyi na pravilakh' [Priorities of the contemporary Russian diplomacy: Between the UN and the 'rules-based order']. *The International Affairs*, no. 3, pp. 10–19. (In Russ.)

5. Nefedov B.I. 2024. Kogda i pochemu vznikla doktrina 'Mezhdunarodnyi poryadok, osnovannyyi na pravilakh' [When and why the doctrine of a 'rules-based international order' emerged]. *Moscow Journal of International Law*, no. 3, pp. 6–16. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-3-6-16. (In Russ.)

6. Nefedov B.I. 2021. Ponyatie 'pravila' v doktrine 'mezhdunarodnogo poryadka, osnovannogo na pravilakh' [The concept of 'rules' in the doctrine of 'the world (international) order based on rules']. *Russia and the Contemporary World*, no. 3 (112), pp. 6–21. DOI: 10.31249/rsm/2021.03.01. (In Russ.)

7. Nikodimov I.Yu. 2024. Kritika pravovoi kontseptsii 'poryadok, osnovannyyi na pravilakh' [Criticizing the legal concept of 'rules-based order']. In: Golubovskii V.Yu. (ed.). *Aktual'nye problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka v sovremennoi Rossii. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of strengthening law and order in contemporary Russia. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Dashkov i K Publ., pp. 409–417. (In Russ.)

8. Radikov I.V. 2023. Novye tsentry sily: ot mirovogo poryadka, osnovannogo na zapadnykh 'pravilakh', k suverennomu ravenstvu gosudarstv [New centers of power: From a world order based on Western 'rules' to the sovereign equality of states]. In: Kharichkin I.K. (ed.). *Megatrendy mirovoi politiki: globalizatsiya, polarizatsiya, ekstremizm. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Megatrends of world politics: Globalization, polarization, extremism. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, MGLU Publ., pp. 99–109. (In Russ.)

9. Boyle M.J. 2015. The legal and ethical implications of drone warfare. *The International Journal of Human Rights*, vol. 19, no. 2, pp. 105–126. DOI: 10.1080/13642987.2014.991210.

10. Dugard J. 2023. The choice before us: International law or a 'rules-based international order'? *Leiden Journal of International Law*, vol. 36, no. 2, pp. 223–232. DOI: 10.1017/S0922156523000043.

11. Dugard J. 1999. *International law: A South African perspective*. Kenwyn, Juta & Co.

12. Dugard J. 2017. Legal consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory. In: Bjorge E., Miles C. (eds.). *Landmark cases in public international law*. London, Bloomsbury Academic, pp. 539–561.
13. He Yan-hua, Chen Lu. 2024. Criticism of 'rules-based international order'. *Presentday Law Science*, no. 2, pp. 109–117.
14. Henkin L. 1999. Editorial comments: NATO's Kosovo intervention. *The American Journal of International Law*, vol. 93, no. 4, pp. 824–862.
15. Higgins R., Webb Ph., Akande D. et al. 2017. *Oppenheim's international law: United Nations*. Oxford, Oxford University Press.
16. Sloss D.L. (ed.). 2022. *Is the international legal order unraveling?* New York, Oxford University Press.
17. Jain A., Kroenig M. 2019. *Present at the re-creation: A global strategy for revitalizing, adapting, and defending a rules-based international system*. Washington, D.C., Atlantic Council.
18. Lowe V. 2003. The Iraq crisis: What now? *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 52, no. 4, pp. 859–871. DOI: 10.1093/iclq/52.4.859.
19. Mazarr M.J., Priebe M., Radin A., Cevallos A.S. 2016. *Understanding the current international order*. Santa Monica, RAND Corporation.
20. Sands Ph. 2005. *Lawless world: America and the making and breaking of global rules from FDR's Atlantic Charter to George Bush's illegal war*. New York, Viking.
21. Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R. et al. 2021. The term 'rules-based international order' in international legal discourses. *Moscow Journal of International Law*, no. 2, pp. 35–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-2-35-60.
22. Xue Li. 2019. The 'rules-based international order' is becoming increasingly diversified. *World Knowledge*, no. 15, p. 1–15.

Статья поступила в редакцию 02.08.2024;
одобрена после рецензирования 21.07.2025;
принята к публикации 19.09.2025

The paper was submitted 02.08.2024;
approved after reviewing 21.07.2025;
accepted for publication 19.09.2025

О.С. Гайдаев*

К НОВОЙ ЭТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИССИИ И НОРМАТИВНЫХ ПОДХОДАХ В ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ**

*Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС
199178, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43*

Завершение холодной войны породило у значительной части западных политических и академических элит уверенность, что начало XXI в. будет сопровождаться радикальной трансформацией всей структуры мировой политики, включая и всю проблематику международной безопасности. Во многом отражением и выражением этих ожиданий стала так называемая теория секьюритизации, превратившаяся в одно из самых динамичных направлений в развитии теоретических исследований в данной области. Однако этим ожиданиям не суждено было оправдаться: число международных конфликтов продолжало только расти, что в свою очередь не могло не поставить под вопрос и базовые установки теории секьюритизации. Цель данной статьи заключается в выявлении и критическом осмыслении политической этики, лежащей в основе теории секьюритизации, а также предлагаемых ее сторонниками нормативных подходов к решению современных проблем безопасности. В работе показано, что существующие нормативные подходы в теории секьюритизации могут быть подразделены на три направления исследований: деонтологическое, универсалистское и прагматическое, каждое из которых обладает рядом особенностей. В рамках деонтологического подхода, разрабатываемого в трудах основоположников теории секьюритизации и их последователей, десекуритизация рассматривается в качестве предпочтительной нрав-

* Гайдаев Олег Сергеевич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-5970-3726).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379/>. Автор выражает благодарность М.М. Шумилову, а также анонимным рецензентам за ценные советы и замечания.

ственно-политической стратегии. Универсалистский подход направлен на создание универсальных и общепринятых критериев нормативной оценки практик безопасности. Сторонники прагматического подхода отдают предпочтение получению практического знания о ценности и этике безопасности в ее локальных проявлениях и контекстах. Автор приходит к выводу, что становление указанных подходов происходило в тесной зависимости от окружающего историко-политического контекста. При этом все подходы обладают рядом серьезных недостатков, таких как односторонность в интерпретации секьюритизации, западнцентричность или, напротив, отсутствие четких этических ориентиров. Подчеркивается, что, хотя исследования в этой области всё еще обладают потенциалом, сам концепт безопасности неизбежно ограничивает создание устойчивой позитивной повестки в международных отношениях. В этой связи представляется столь же полезным обратиться к другим концептам, способствующим формированию более гармоничного многополярного мира.

Ключевые слова: теория секьюритизации, десекуритизация, международная безопасность, национальная безопасность, политическая этика, нормативная теория, справедливая секьюритизация, исследования безопасности, постмодернизм, конструктивизм

Для цитирования: Гайдаров О.С. К новой этике международной безопасности: о социально-политической миссии и нормативных подходах в теории секьюритизации // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 104–138. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-104-138.

Oleg S. Gaidarov

TOWARDS A NEW ETHICS OF INTERNATIONAL SECURITY: ON SOCIO-POLITICAL MISSION AND NORMATIVE APPROACHES IN SECURITIZATION THEORY

*North-West Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
57–43 Vasilyevsky Island, Sredny Avenue, St. Petersburg, Russia, 199178*

The end of the Cold War instilled confidence in a significant part of Western political and academic elites that the beginning of the 21st century would be marked by a radical transformation of the entire structure of world politics, including the entire international security agenda. These expectations were largely

embodied in the theory of securitization, which became one of the most dynamic research areas in the theory of international security. However, these expectations were not to be fulfilled: the number of international conflicts continued to grow, which, in turn, could not but call into question the basic tenets of securitization theory. This article focuses on the political ethics underlying securitization theory and the normative approaches to solving modern security problems advanced by its proponents. The author argues that the existing normative approaches in securitization theory can be divided into three research strands: deontological, universalist, and pragmatic, each with a number of distinctive features. Within the framework of deontological approach, developed in the works of the founders of securitization theory and their followers, desecuritization is considered the preferred moral-political strategy. The universalist approach seeks to create universal and generally accepted criteria for the normative evaluation of security practices. Finally, the pragmatic approach prioritizes practical knowledge about security's value and ethics in its local manifestations and contexts. The author concludes that the formation of these approaches was intrinsically linked to the surrounding historical-political context. At the same time, all these approaches provide only a one-sided interpretation of securitization, marked by Western-centrism, or, conversely, lack clear ethical guidelines. The author argues that although international security studies still hold potential, the very concept of security is limiting the possibilities for a development of a sustainable positive agenda in international relations. In this regard, turning to other concepts that could contribute to the formation of a more harmonious multipolar world seems useful.

Keywords: securitization theory, desecuritization, international security, national security, political ethics, normative theory, just securitization, security studies, postmodernism, constructivism

About the author: Oleg S. Gaidaev — PhD (Politics), Senior Lecturer at the Department of International Relations, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-5970-3726).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379/>. The author is grateful to M.M. Shumilov, as well as to the anonymous reviewers for valuable advice and comments.

For citation: Gaidaev O.S. 2025. Towards a new ethics of international security: On socio-political mission and normative approaches in securitization theory. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 104–138. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-104-138. (In Russ.)

Появление в конце XX в. теории секьюритизации без преувеличения можно назвать одной из самых значительных вех в истории исследований о международной безопасности. В основе этой теории лежит конструктивистский тезис о том, что безопасность — это не объективное свойство, не состояние, а инструмент или технология, используемая в политической практике для расстановки социально значимых приоритетов. Как отмечает в своих работах автор этой теории Оле Вæвер, секьюритизация означает, что, «называя определенное развитие событий проблемой безопасности, “государство” оставляет за собой особое право, содержание которого в конечном счете всегда определяется государством и его элитами» [Wæver, 1995: 44]. Проблемы безопасности при этом могут быть реальными, однако это оказывается неважным, коль скоро они не находят отражения в языковой игре элит и политической практике. Именно эта дискурсивная реальность имеет значение и определяет политику государств, принимающих решительные и чрезвычайные меры для борьбы с обозначаемыми угрозами.

Многие эксперты сочли этот подход перспективным, поскольку вместо навязывания определенного видения безопасности О. Вæвер, по сути, дал исследователям «гигантскую песочницу» с расширенным толкованием безопасности, открытым для переосмысления и творческих изменений. Так же, как политические акторы могут называть проблемами безопасности самые разные вопросы, так и ученые могут теперь углубляться в изучение практик безопасности в различных секторах (военном, политическом, экономическом, информационном, экологическом и т.п.) и на различных уровнях анализа (национальном, глобальном, личностном). Задача эксперта в таком случае состоит в том, чтобы получать четкое представление о процессе: кто секьюритизирует, против чего секьюритизирует, для защиты кого (чего), с какими целями, с какими результатами и при каких обстоятельствах (т.е. при каких условиях секьюритизация оказывается успешной или нет) [Buzan et al., 1998: 32].

При этом нельзя не заметить, что за последние 20 лет ситуация в области международной безопасности значительно ухудшилась. Об этом, в частности, свидетельствует статистика международных конфликтов, количество которых достигает рекордных значений за всю историю наблюдений [Palik et al., 2022].

По иронии судьбы тенденция к расширенному толкованию безопасности, принятая в том числе и в рамках теории секьюритизации,

имела спорные последствия, распространив логику и практики безопасности на многие сферы жизни общества. Это не только не помогло решить злободневные проблемы, но и начало создавать трудности. Ярким примером служит концепция гибридных войн, в которой расширенное толкование угроз привело к стиранию грани между состоянием мира и войны [Конышев, Парфенов, 2019: 60]. Как отмечали специалисты еще в начале XXI в., перед исследователями встает неразрешимая нормативная дилемма: любой дискурс о безопасности всегда рискует обернуться секьюритизацией еще большего числа проблем [Huysmans, 2002]. Это происходит в том числе потому, что секьюритизация на практике всё чаще используется как политическая технология манипуляции и управления общественными страхами¹.

В связи с этим большую актуальность приобретают вопросы о нормативном содержании теории секьюритизации, ведь задачей любой социальной теории является приближение общества к лучшей, а не худшей версии самого себя. Есть ли, таким образом, у теории секьюритизации собственная социально-политическая миссия? Как исследователям в этой области видится решение проблем безопасности и преодоления нарастающей конфликтности в международных отношениях? Ответам на эти вопросы и посвящена данная обзорная статья.

Настоящая работа завершает цикл авторских исследований о феномене секьюритизации: от самых ранних вех в развитии теории до современных концепций [Гайдаев, 2021, 2022]. Цель статьи заключается в выявлении и критическом осмыслении политической этики, лежащей в основе теории секьюритизации, а также в предлагаемых сторонниками данной теории нормативных подходах к решению современных проблем безопасности. Для достижения этой цели автор обращается преимущественно к историографическому анализу, сочетая его с элементами «посткунианской» социологии науки Б. Бузана и Л. Хансен [Buzan, Hansen, 2009]. Избранная автором методология направлена, с одной стороны, на анализ внутренней логики развития научных дебатов об этике в теории секьюритизации и, с другой стороны, на выявление внешних историко-политических

¹ Показательным примером такого использования является тиражирование в ряде западных стран тезиса о «российской угрозе», часто служащего для отвлечения внимания общественности от внутренних социально-политических и экономических проблем.

факторов их формирования. Синтез этих двух аспектов позволит достичь более целостного представления об этических основах современной теории секьюритизации.

Представляется, что все разработанные в ее рамках нормативные концепции можно условно разделить на три подхода: деонтологический, универсалистский и прагматический. В этой связи статья разделена на четыре части: первые три раздела последовательно раскрывают суть и содержание этих нормативных подходов, в то время как четвертая часть посвящена их методологической и политической критике. В заключении излагается авторское видение некоторых актуальных нормативных вопросов, касающихся теории секьюритизации и современной этики международной безопасности.

Деонтологический подход: меньше безопасности, больше политики

Любая социальная теория всегда создается для кого-то и с какой-то целью [Сох, 1981: 128]; любая постмодернистская критика не обходится без определенных нормативно-политических последствий. Также и за строгим аналитическим фасадом теории секьюритизации, подвергающей критике традиционные представления о безопасности, можно увидеть собственную программу политической этики.

Эта этика строится на либеральной политической онтологии, трактующей безопасность как негативное явление и определяющей социально-политическую миссию теории секьюритизации в сдерживании и уменьшении негативных эффектов практик безопасности. Такой подход можно назвать деонтологическим в том смысле, что он дает негативную этическую оценку секьюритизации, предписывая в большинстве случаев ее полный антипод — десекуритизацию как отказ от политики чрезвычайных мер и возвращение к политическому диалогу в духе философии Х. Арендт или в формате «идеальной речевой ситуации» Ю. Хабермаса.

Об этом можно судить из высказывания самих авторов, делающих этический выбор в пользу десекуритизации: «По сути, безопасность следует рассматривать как негативное значение, как неспособность решать проблемы в рамках повседневной политики. В идеале политические процессы должны протекать в соответствии с обычными процедурами без этого вознесения определенных “угроз” в сферу надполитической безотлагательности. В некоторых

случаях секьюритизация вопросов неизбежна. <...> Но десекуритизация является оптимальным вариантом на долгосрочную перспективу, так как это означает не преподносить проблемы как “угрозы, против которых у нас есть контрмеры”, а выводить их из этой логики “угроза–защита” в сферу повседневной политики» [Buzan et al., 1998: 29].

Более того, как утверждает О. Вэвер, секьюритизация способна сделать практиков и ученых заложниками ситуации, запирая их воображение в логику безопасности и конфронтации даже тогда, когда можно рассуждать о проблеме с другой точки зрения, т.е. обращаясь к десекуритизации [Wæver, 1995].

Логика авторов понятна, если учесть исторический контекст эпохи конца 1980-х годов. Именно в тот период особенно остро стоял вопрос о взаимоотношениях стран Запада с государствами социалистического лагеря. Быстрое окончание холодной войны с последующим пересмотром конфликтных отношений России с Западом могло вселить в исследователей определенный оптимизм насчет потенциала десекуритизации.

Лейтмотивом изысканий Копенгагенской школы в то время стала проблема секьюритизации идентичности. Стремительность и драматичность политических процессов, развернувшихся в Европе и на постсоветском пространстве после 1991 г., привели к обострению национальных конфликтов и росту националистических настроений. Именно эти тенденции побудили исследователей к написанию ряда работ, посвященных социетальной безопасности² и кризису европейской идентичности [Buzan et al., 1990; Wæver et al., 1993].

Несколько позднее, рассуждая о будущем европейской интеграции, О. Вэвер начал говорить о своего рода профилактике секьюритизации, или превентивной десекуритизации (*pre-emptive desecuritization*). Исследователь предвидел дальнейший рост националистических настроений в европейских странах и выступал против усиления роли НАТО в системе европейской безопасности: «Всё это, разумеется, является предостережением против попыток построить европейскую безопасность в ущерб европейской интеграции, т.е. сосредоточившись на НАТО. Такие попытки не только натолкнутся на сильную оппозицию, <...> но и рискуют подорвать

² В терминологии Копенгагенской школы социетальная безопасность определяется как защита обществом своей идентичности от воспринимаемых угроз.

основы идентичности существующей институционализации и вызывать националистическую и одностороннюю переориентацию во Франции и соответственно в Германии» [Wæver, 2000: 281]. Секьюритизация идентичности, как заключал позднее О. Вэвер, крайне опасна, поскольку ведет (при отсутствии должных мер профилактики) к реализации саморазрушительных политических проектов [Wæver, 2008: 593].

Таким образом, в случае с превентивной десекуритизацией аналитик должен предсказать, где возможна секьюритизация, оценить ее риски и предложить меры для ее предотвращения. Если же процесс уже начался, важно найти решения, которые остановят эскалацию конфликта.

Говоря о таких ситуациях, эксперты чаще всего подразумевают межнациональные и межэтнические конфликты. Например, Пол Роу посвятил свои работы анализу венгеро-румынского конфликта, указав на его историческую подоплеку и трудноразрешимость. Эксперт ввел в научный оборот термин «социетальная дилемма безопасности» (*societal security dilemma*), понимая под ним такое осложнение конфликтной ситуации, в которой любые действия, предпринимаемые той или иной стороной конфликта, воспринимаются как угроза ценностям и идентичности для другой стороны [Roe, 2002].

Разумеется, призывать в такой ситуации к десекуритизации было бы весьма наивно, поэтому П. Роу предложил стратегию управления секьюритизацией (*management of securitized issues*). Она подразумевает управление процессами секьюритизации таким образом, чтобы обеспечить предсказуемость ситуации посредством институционализации политического диалога, не отказываясь при этом от риторики безопасности [Roe, 2004]. Тогда на основе управления секьюритизацией допускается и постепенная десекуритизация вопроса через планомерную реконструкцию идентичностей сторон конфликта [Roe, 2006: 433].

Следует отметить, что конфликты идентичностей стали не единственной проблемой, побудившей специалистов пересматривать роль и содержание стратегии десекуритизации. Подтверждение этому тезису можно обнаружить, к примеру, в работах датской исследовательницы Лене Хансен, показавшей, что в некоторых ситуациях десекуритизация проблемы не приносит пользы, а только усугубляет ситуацию. Эксперт продемонстрировала свою позицию

на примере практики так называемых убийств чести, распространенных во многих мусульманских регионах мира и связанных с расправами над женщинами, обвиняемыми в неподобающем поведении. Женщина, подвергшись сексуальному или домашнему насилию, не может заявить о своей проблеме или рассчитывать на помощь окружающих; более того, такие действия могут привести даже к смерти женщины от рук членов собственной семьи, усматривающих в предании огласке этой ситуации позор и бесчестие для всего рода. Выходит, что проблема, носящая системный характер, десекуритизируется и даже деполитизируется, но положение женщин в обществе не улучшается. Такого рода ситуацию Л. Хансен назвала «скрытой дилеммой безопасности» (*silent security dilemma*) [Hansen, 2000]; к схожим выводам позднее пришли и ряд других ученых [Elbe, 2006; Mackenzie, 2009].

На практике зачастую бывает и так, что десекуритизация одних вопросов политики оборачивается секьюритизацией других [Aras, Polat, 2008; Watson, 2013], разрешает одни противоречия, но порождает другие споры и конфликты [Jacobsen, Strandsbjerg, 2017].

Некоторые исследователи склонны считать, что иногда это делается намеренно, когда десекуритизация просто используется как своеобразная речевая манипуляция [Austin, Beaulieu-Brossard, 2017]. Схожим образом некоторые эксперты рассматривают десекуритизацию как политическую тактику, позволяющую амортизировать ситуацию и выигрывать время [Biba, 2014], или инструмент «мягкой силы» как пример конъюнктурной и неискренней десекуритизации [Jakimów, 2019].

Обобщая существующие подходы и классификации, все рассмотренные стратегии можно трактовать как различные формы десекуритизации и представить их в виде таблицы (табл. 1).

Установленное многообразие форм и способов проявления десекуритизации существенно осложнило логику нормативного анализа. Стало видно, что десекуритизация приносит пользу от случая к случаю, а в некоторых формах даже усугубляет проблемную ситуацию. Тем не менее для деонтологической традиции в целом характерно трактовать десекуритизацию как позитивное явление и способ возвращения к «нормальной политике». Десекуритизация становится символом эмансипации и универсальной нравственно-политической стратегией [Bilgin, 2007: 559], направленной на

ограничение ползучей экспансии логики безопасности в различные сферы международной жизни.

Таблица 1

Формы десекуритизации в международных отношениях

Форма	Способ действия	Вероятная цель
<i>Замещение</i> Replacement	Переоценка, смена дискурса	Секьюритизация другой проблемы, смена приоритетов
<i>Заглушение</i> Silencing	Деполитизация, исключение вопроса из публичной повестки	Сохранение статус-кво, уклонение от решения проблемы, извлечение выгоды
<i>Репартикуляция</i> Rearticulation	Возвращение к публичному диалогу, частичный или полный отказ от риторики безопасности	Поддержание отношений, снижение рисков, амортизация ситуации
<i>Стабилизация</i> Stabilization	Управление секьюритизацией, институциональная адаптация	Контроль и предсказуемость, сдерживание дилеммы безопасности

Источник: составлено автором.

Позиции сторонников деонтологического подхода резонировали международно-политическому контексту начала 2000-х годов. Так, серьезной критике подвергались секьюритизация международного терроризма в рамках так называемой глобальной войны с терроризмом и последовавшие за этим интервенции США на Ближнем Востоке [Buzan, 2006]. Схожим образом ученые Парижской школы исследований международной безопасности подвергали критике секьюритизацию мигрантов в ЕС, видя в этом своеобразную технологию легитимации власти [Bigo, 2002].

Когда секьюритизация этична: поиск универсальных критериев

В то же время принципиально иную логику рассуждений избрали исследователи, условно причисляемые к универсалистскому подходу. Опровергая тезис о моральном превосходстве десекуритизации над секьюритизацией, эти ученые сделали акцент на неизбежности и даже необходимости последней. Весьма красноречиво данную позицию суммирует, в частности, Кен Бут: «Десекуритизация может обезоружить. Решать вопросы силами “повседневной” политики — это хорошая задумка: кто не предпочтет эту идею угрозе

политического насилия? Но “повседневная” политика может не выручить в чрезвычайных обстоятельствах; в самом деле, трактовать экстраординарные вопросы как часть повседневной политики — это проблема, а не решение» [Booth, 2007: 168].

Весьма закономерно в этой связи возникает задача определить, когда секьюритизация оказывается эффективным и желательным средством решения проблемы безопасности, а в каких случаях, наоборот, приводит к негативным последствиям. Иными словами, в рамках универсалистского подхода речь идет о создании универсальных критериев нормативной оценки секьюритизации для более дальновидной и эффективной государственной политики.

Именно по такому пути пошла британская исследовательница Рита Флloyd, заложившая основы новой нормативной теории, которая получила впоследствии название «теория справедливой секьюритизации» (*theory of just securitization*). Как можно догадаться из названия, она во многом обязана своим содержанием теории справедливой войны, сформулированной американским исследователем М. Уолцером в 1977 г. и развитой в дальнейшем целым рядом авторов.

Подход Р. Флloyd был также вдохновлен динамикой академических дебатов о международной безопасности, развернувшихся в Европе в начале XXI в. Именно в это время обрел особую популярность подход так называемой Уэльской школы исследований о международной безопасности К. Бута и Р. Уин Джонса, рассматривавших безопасность как инструментальную ценность и позитивное явление. Эта позиция резко контрастирует с оценками Копенгагенской школы и заключается в том, что правильная политика безопасности должна приводить к эмансипации и освобождению людей (как отдельных личностей, так и групп) от всякого рода ограничений, бедности, плохого образования, политического угнетения и т.д. [Booth, 1991: 319]. Можно сказать, что в этом случае исследователь сам в какой-то степени становится политиком, поощряя или осуждая те или иные формы секьюритизации в зависимости от того, ведут ли они к названной эмансипации или нет.

Таким образом, в подходе британской исследовательницы классическая концептуальная рамка теории секьюритизации была дополнена нормативными аргументами Уэльской школы, что, по мнению самой Р. Флloyd, может позволить сформировать достойную альтернативу традиционным подходам к исследованию безопасности.

В этом ключе Р. Флойд написала ряд работ, в которых, в частности, выделила позитивную и негативную секьюритизацию. Следуя логике Уэльской школы, Р. Флойд в этом вопросе предложила исходить прежде всего из ожидаемых социальных последствий политики безопасности. Так, по мнению эксперта, позитивная секьюритизация — это «жесткое политическое решение, которое в пределах моральных норм и предпочтительно на основании политических интересов большинства справляется с проблемой безопасности и делает это быстрее, лучше и эффективнее, чем политизация, предлагая обоснованную и полезную альтернативу». В свою очередь негативная секьюритизация представляет собой такое «жесткое политическое решение, которое оказывается выгодным немногим и/или является слишком узким, чтобы справиться с проблемами, порождающими небезопасность» [Floyd, 2007: 342].

Схожим образом автор позднее рассуждала о секьюритизации, выгодной или референтному объекту безопасности, или самому агенту секьюритизации [Floyd, 2010]. В этом контексте соответственно оценка политики безопасности была дополнена критерием о намерениях политических акторов: действительно ли они стремятся к защите референтного объекта (государства, общества и т.п.) или преследуют иные цели, лишь прикрываясь благими намерениями [Floyd, 2011].

Примечательно, что эти выводы были сделаны Р. Флойд на основе многолетнего изучения вопросов безопасности в сфере климата и окружающей среды. По словам самой исследовательницы, в начале своего академического пути она предполагала, что секьюритизация вопросов изменения климата поможет разрешить эти проблемы [цит. по: Sardoc, 2021: 143]. Однако, анализируя тенденции во внешней политике США при администрациях У. Клинтона и Дж. Буша-мл., ученый обнаружила, что ни секьюритизация, ни последовавшая за этим десекуритизация вопросов безопасности окружающей среды не послужила нуждам американского народа. Климатическая безопасность, по мнению автора, стала прикрытием, за которым реализовывались узконаправленные и корпоративные интересы американского истеблишмента [Floyd, 2010: 121, 192].

К 2019 г. наработки автора сложились в полноценную теорию, в которой Р. Флойд сформулировала 11 универсальных критериев для справедливой секьюритизации и десекуритизации (табл. 2). По аналогии с теорией справедливой войны эти критерии делятся

Таблица 2

**Нормативные цели и критерии справедливой секьюритизации
и десекуритизации согласно Р. Флойд**

	Нормативная цель	Нормативный критерий	
Секьюритизация	Адекватно (достаточными средствами) среагировать на проблему	Справедливая причина и инициирование	Наличие объективной экзистенциальной угрозы Наличие легитимного референтного объекта Намерения агента секьюритизации соответствуют задаче защиты референтного объекта Ожидаемый положительный эффект перевешивает ожидаемый вред от секьюритизации Секьюритизация имеет разумные шансы на успех, при том что шансы обосновать причину для секьюритизации оцениваются выше, чем шансы обосновать необходимость принятия альтернативных решений
		Справедливое проведение	Принимаемые меры адекватны угрозе и нацелены исключительно на ее нейтрализацию Принимаемые меры эффективны, если наносят минимально возможный ущерб и причиняют референтному объекту меньше вреда, чем при отсутствии секьюритизации Принятие мер сопряжено с соблюдением соответствующих прав человека
Десекуритизация	Добиться стабильной и продолжительной десекуритизации вопроса	Справедливое завершение	Десекуритизация предпринимается после нейтрализации угрозы, если секьюритизация была обоснованной, или немедленно, если она таковой не была О десекуритизации заявляется публично, и это соответствует наблюдаемым изменениям в риторике и действиях акторов Разрабатываются и принимаются меры для профилактики повторной секьюритизации сообразно контексту ситуации

Источник: составлено автором.

на три группы: (1) справедливая причина (когда и при каких обстоятельствах секьюритизация морально оправдана?); (2) справедливое проведение (как следует проводить связанную с секьюритизацией политику безопасности?); (3) справедливое завершение (как и при каких обстоятельствах следует десекуритизировать проблему?). По словам Р. Флойда, политика безопасности может считаться спра-

ведливой и морально обоснованной только в том случае, если она соответствует всем критериям без исключения [Floyd, 2019: 175].

Как и специалисты Копенгагенской школы, Р. Флойд считает социально-политической миссией теории секьюритизации уменьшение негативных эффектов от неоправданных практик безопасности. В то же время в своих работах она идет дальше и говорит о теории справедливой секьюритизации как о потенциальном этическом стандарте для принятия решений, «обеспечивая общественность инструментами, позволяющими призывать практиков в сфере безопасности к ответственности, делая, таким образом, возможным наступление позитивных изменений» [Floyd, 2019: 5].

В конце концов эти рассуждения привели специалиста к вопросу о том, в каких обстоятельствах секьюритизация может быть не просто справедлива и морально оправданна, но и морально необходима, т.е. обязательна к исполнению. Такого рода секьюритизацию Р. Флойд назвала «обязательной» (*mandatory securitization*).

В каких же случаях политики не только могут, но и должны секьюритизировать проблемы? Р. Флойд снова нашла ответ в теории справедливой войны, обратившись к принципу крайнего средства (*last resort*). Данный принцип, введенный в научный оборот М. Уолцером, подразумевает, что война становится необходимым средством решения разногласий, только когда все остальные, мирные способы были уже испробованы и исчерпаны. В контексте исследований о международной безопасности это означает, что к секьюритизации необходимо обращаться только тогда, когда уже были применены другие разумные и менее вредные альтернативы (т.е. политический диалог, переговоры и т.п.).

Всё это не отменяет требований к справедливости причины. Угроза, во-первых, должна быть реальной, т.е. суждения о ней должны быть подкреплены некоторыми доказательствами, дающими основания считать ее реальной [Parfit, 2011]. Во-вторых, референтные объекты безопасности должны считаться легитимными (такowymi, по мнению, автора, могут выступать группы людей, общества, экосистемы, некоторые политические режимы) [Floyd, 2019: 107]. В-третьих, агенты секьюритизации должны быть искренними в своих намерениях защитить референтный объект, который они сами же декларировали [Floyd, 2024: 21]. Наконец, в-четвертых, предвосхищаемое благо от секьюритизации должно превосходить ожидаемый вред [Floyd, 2024: 196].

В духе теории справедливой войны [Rodin, 2002; McMahan, 2005] Р. Флойд также сформулировала понятия самосекьюритизации (*self-securitization*) и секьюритизации «Другого» (*other-securitization*). Весьма новаторской можно считать и предложенную автором классификацию международных акторов, которые могут прибегать к обязательной секьюритизации: государства, негосударственные акторы (включая насильственных), субсистемные коллективные государственные акторы (по типу ЕС и НАТО) и системные акторы (например, Совет Безопасности ООН). В каждом случае порог вовлеченности и спектр обязанностей акторов различен, однако, по мнению автора, имеет место своеобразная иерархия: в первую очередь гарантом безопасности должны выступать государства и субсистемные коллективные государственные акторы, и лишь при невозможности секьюритизации с их стороны в дело обязаны вмешаться негосударственные и системные акторы [Floyd, 2024: 144, 200].

Вклад Р. Флойда в развитие теории секьюритизации оказался весьма многогранен, хотя представленный подход не лишен недостатков (о чем будет сказано далее). Важно отметить другое: секьюритизация в рамках такого подхода представляется неизбежным явлением, которое подчеркивает конфликтную природу мировой политики и требует некоего этического руководства со стороны экспертного сообщества и просвещенных политических деятелей. Именно этим обстоятельством продиктована необходимость создания таких универсальных принципов и критериев нормативной оценки секьюритизации, какими бы несовершенными они ни казались.

В схожей манере о необходимости выработки новой универсальной этики международной безопасности рассуждает немецкий исследователь Томас Диз. В его работах секьюритизация также предстает как неоднозначное и «двуликое» явление: иногда морально необходимое, а иногда морально неприемлемое. Только, в отличие от Р. Флойда, эксперт подчеркивает сложную диалектическую связь, существующую между этими двумя формами секьюритизации: одна невозможна без другой, и поэтому однозначная нормативная оценка секьюритизации чрезвычайно затруднена [Diez, 2023: 36].

Позитивное значение Т. Диз приписывает так называемой прогрессивной секьюритизации (*progressive securitization*). Под данным термином автор понимает такой подход к решению проблем безопасности, который ведет к солидаризации международного общества и изменению политических приоритетов в сторону от исключи-

тельно государственных интересов к удовлетворению личностных и глобальных потребностей, не допуская при этом чрезмерного ограничения политического диалога. Противоположная опция — это так называемая регрессивная секьюритизация (*regressive securitization*), под которой понимается такой подход к решению проблем безопасности, который ведет к плюрализации международного общества, воспроизводству логики конфронтации и изменению политических приоритетов в сторону защиты государственного суверенитета, исключая при этом прочие референтные объекты безопасности [Diez, 2023: 24, 28–29, 36].

Можно заметить, что для Т. Диза главным мерилом этичности секьюритизации выступает отнюдь не эффективность в решении проблемы безопасности. Для него оказывается важен не столько результат, сколько сам процесс и те социальные последствия, к которым он приводит. Об этих последствиях специалист предпочитает рассуждать в терминах «Английской школы» теории международных отношений, говоря о плюрализации и солидаризации международного общества. Т. Диз опирается на целый пласт работ, относимых к данной интеллектуальной традиции [Williams, 2005; Bain, 2021], явно выражая позицию солидаристов и представителей космополитического направления внутри нее [Linklater, 2006]. Автор отмечает: «Хотя гуманизм либерального порядка после холодной войны должен был укрепить солидаристские представления о транснациональной ответственности, на деле он так и не смог вырваться из “территориальной ловушки” доминирующих концепций в международных отношениях» [Diez, 2023: 37].

Текущий кризис глобального миропорядка Т. Диз связывает как раз с чрезмерным преобладанием регрессивной секьюритизации, ставящей во главу угла защиту суверенитета и незыблемость территориальных границ, но пренебрегающей защитой от глобальных угроз человечеству и планетарной экосистеме (например, от голода, вымирания биологических видов, изменения климата).

Этика безопасности в контексте: прагматическая альтернатива

Политический контекст эпохи 2010-х годов существенно повлиял на дальнейшее развитие научных изысканий в области этики международной безопасности. Усиление незападных центров силы и формирование многополярной архитектуры миропорядка актуализировали проблему адаптации западных политических теорий

к иным социокультурным реалиям и привели к переосмыслению стратегий взаимодействия западных государств с восходящими державами Глобального Юга.

Именно эти вопросы оказались в центре внимания британской исследовательницы Джонны Найман, посвятившей отдельную работу детальному изучению практик энергетической безопасности в США и Китае в период с 2004 по 2016 г. [Nyman, 2018]. Разделяя скептическое видение процессов секьюритизации, Дж. Найман приходит к выводу, что принятый в обеих странах курс на секьюритизацию энергетики фактически приводит к дефициту доверия между двумя державами, способствуя еще большему разладу и небезопасности³. Однако вопреки идеям теоретиков Копенгагенской школы ученая настаивает на том, что безопасность всё же может иметь позитивное значение и даже обладает потенциалом стать всеобъемлющим моральным и политическим благом [Nyman, Burke, 2016: 7].

Дж. Найман совместно с австралийским ученым-международником Э. Берком ставит вопрос об этическом кризисе в области исследований о международной безопасности. По мнению экспертов, этот кризис во многом обусловлен непреходящим доминированием различных форм политического реализма, либерального интервенционизма и неоконсерватизма в определении целей и средств политики национальной безопасности [Nyman, Burke, 2016: 1]. Таким образом, те политические субъекты, которые должны выступать гарантами безопасности, в силу доминирующих в политике представлений часто сами становятся источниками небезопасности. Как отмечают авторы, об этом глубоком этическом кризисе в исследуемой сфере свидетельствуют продолжающиеся конфликты и насилие в странах Африки и Ближнего Востока, миграционные кризисы, а также неспособность международного сообщества принять превентивные меры по борьбе с изменением климата.

Ситуацию дополнительно усугубляет то обстоятельство, что исследования о международной безопасности — это целиком и полностью интеллектуальный продукт западнцентричного миропорядка. Опираясь на традицию постколониальных трудов [Bilgin, 2010; Barkawi, Laffey, 2006], Дж. Найман справедливо отмечает, что исследования о безопасности выдают «западный» опыт за общечело-

³ Interview — Jonna Nyman // E-International Relations. 27.05.2019. Available at: <https://www.e-ir.info/2019/05/27/interview-jonna-nyman/> (accessed: 20.08.2025).

веческий, не замечая проблем, испытываемых в других странах мира и игнорируя исторический опыт большей части населения планеты. Основанные исключительно на западноцентричном восприятии этические стратегии будут, таким образом, осознанно или неосознанно воспроизводить существующие проблемы безопасности, мало приближая исследователей к истинному пониманию международной политики [Nyman, 2023]. Этим, в частности, объясняется призыв Дж. Наймана к «провинциализации» концепта безопасности в духе идей Д. Чакрабарты о провинциализации Европы [Чакрабарты, 2021].

Итак, не занимая ни одну из ранее обозначенных позиций, Дж. Найман предлагает качественно иной взгляд на проблему нормативного анализа в теории секьюритизации. Для того чтобы безопасность стала политическим благом, ее сначала следует рассмотреть во всём многообразии ее локальных форм и проявлений, поскольку само понимание «правильной» или «неправильной» политики безопасности может существенно различаться в зависимости от временного и пространственного контекста [Nyman, 2016a].

Свою позицию Дж. Найман обозначает как прагматический подход (*pragmatist frame*), вбирающий в себя элементы сразу трех интеллектуальных традиций: американского прагматизма [Dewey, 1910], теории международных практик [Adler, Pouliot, 2011] и контекстуализма [Ciută, 2009]. По существу, данная исследовательская стратегия заключается в отказе от поиска универсальных критериев нормативной оценки и в получении «практического знания о ценности и этике безопасности для понимания, когда она является “хорошей” в определенном времени и месте» [Nyman, 2016a]. В фокусе внимания исследователя оказываются практики безопасности, определяемые как «социально значимые паттерны действий» и включающие дискурс, идеи, властные отношения, политические меры и даже физическое воздействие [Nyman, 2016b]. Такой аналитический ракурс роднит подход Дж. Наймана с политической социологией. Специалист формулирует перечень из дюжины исследовательских вопросов, отвечая на которые, можно получить такого рода практическое знание (например, кто является ключевыми акторами; кто уполномочен проводить политику безопасности, а кто нет; как различные акторы представляют себе безопасность и т.д.).

Эти вопросы позволяют изучать очень широкий спектр практик и акторов, вовлеченных в обсуждение и реализацию политики без-

опасности. Ссылаясь на современные труды специалистов в области повседневной безопасности [Crawford, Hutchinson, 2016; Guillaume, Huysmans, 2019], Дж. Найман заявляет, что такой подход позволяет обнаруживать практики, которые мы считаем «обыденными, неважными и преполитическими», и продемонстрировать, что они на самом деле имеют политический смысл и оказываются связанными с международной политикой [Nyman, 2021: 316].

Для описания безопасности в ее обыденных и повседневных проявлениях автор выделяет три направления эмпирического анализа: 1) мирское пространство (изучение того, как практики безопасности проявляются в обыденных публичных пространствах — от кафе до строительных площадок и т.п.); 2) рутинные практики (выявление повседневных паттернов и повторяющихся практик, связанных с безопасностью); 3) переживаемый опыт (изучение эмоций и их роли в политике безопасности).

Применяя данную исследовательскую стратегию в контексте современного Китая, Дж. Найман обращается к одному из методов визуальной социологии — партиципаторной фотографии. Суть этого метода в контексте исследований безопасности состоит в том, что участвующие респонденты самостоятельно делают серию фотографий, отражающих их взаимодействие с безопасностью в повседневной жизни и передающих их опыт и чувства по отношению к ней. Полученные результаты затем обсуждаются с респондентами посредством глубинного интервью.

Другой метод, также активно применяемый Дж. Найман, — это метод концептуальной истории, заимствованный ею из работ Дж. Фарра и К. Скиннера [Farr, 1989; Skinner, 2002]. По ее мнению, в контексте исследований о международной безопасности данный метод может продемонстрировать, как формировались локальные концепты безопасности, как они менялись со временем и какое влияние оказывали на политику безопасности тех или иных государств, формируя смыслы и предвосхищая политическую практику [Nyman, 2023].

Таким образом, можно заключить, что в теории секьюритизации сложились три самобытных подхода для нормативной оценки практик безопасности. Во всех случаях социально-политическая миссия теории видится авторам схожим образом и заключается в ограничении нежелательных эффектов, накладываемых практи-

ками безопасности на международную жизнь. Однако каждый из подходов предлагает собственное видение реализации этой миссии, по-разному расставляя акценты в исследовании (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение подходов к нормативной оценке практик безопасности в теории секьюритизации

Критерии	Деонтологический подход	Универалистский подход	Прагматический подход
Прочтение безопасности	<i>Негативное:</i> секьюритизация ведет к логике конфронтации и ужесточению социального контроля	<i>Двойственное:</i> секьюритизация оценивается на базе универсальных критериев	<i>Контекстуальное:</i> секьюритизация оценивается в контексте локально принятых норм и ценностей
Нормативный идеал	Десекьюритизация как возврат к диалогу и «нормальной политике»	Справедливая секьюритизация; прогрессивная секьюритизация	Локальные практики безопасности, учитывающие культурные и исторические особенности региона
Ключевые авторы	О. Вэвер, Б. Бузан, Л. Хансен	Р. Флорид, Т. Диз	Дж. Найман
Историко-политический контекст	Окончание холодной войны, рост национализма в Европе, «9/11», миграционный кризис в Европе	Климатическая политика США, кризис либерального миропорядка, российско-украинский конфликт	Рост многополярности в мире, конфликты США — Китай в энергетике, кризисы на Ближнем Востоке / в Африке
Критика	<i>Избирательность;</i> игнорирование случаев, когда секьюритизация необходима	<i>Западноцентризм;</i> риски злоупотребления критериями в интересах отдельных акторов	<i>Релятивизм;</i> отсутствие четких этических ориентиров

Источник: составлено автором.

Проблемы и ограничения нормативных подходов к оценке практик безопасности

Следует подчеркнуть, что все перечисленные подходы к нормативной оценке практик безопасности в теории секьюритизации

сами не лишены изъянов и существенных недостатков нормативного и этического характера. Какие-то из них признаются самими зарубежными авторами, какие-то — нет. Рассмотрим, например, прагматический подход Дж. Найман. Во-первых, при всей убедительности призывов к «провинциализации» концепта безопасности подход автора обладает одним существенным недостатком: практические знания о ценности и этике безопасности в ее локальных контекстах совсем не обязательно дают нам представление о том, какой безопасность должна или не должна быть. Более того, исследователь рискует и вовсе быть сбитым с толку, погружаясь в бесконечную череду реинтерпретаций безопасности и тесно связанных с ними геополитических нарративов. Можно вполне согласиться с мнением Р. Флойда, что данный подход «рискует превратить ценность безопасности в сугубо субъективный процесс, порождая тем самым объективно неэтичные ее формы. Без сомнения, многие немецкие неонацисты посчитали бы, что применение огнестрельного оружия на границах Германии для сдерживания потока мигрантов повысит их безопасность» [Floyd, 2019: 43–44].

Во-вторых, столь же неоднозначным выглядит решение Дж. Найман изучать безопасность в ее обыденных и повседневных проявлениях. Безусловно, практическое знание о том, как люди взаимодействуют с безопасностью в своей повседневной жизни, может оказаться полезным. Более того, такая идея придется по нраву многим критическим теоретикам, призывающим к альтернативным концептуализациям безопасности. Однако даст ли это знание ответ на вопрос, какие формы безопасности считать этическими, а какие — нет? Люди в своей повседневной жизни могут испытывать самые разные проблемы и трудности, решению каких из них отдавать приоритет?⁴ И что тогда делать с проблемами безопасности, над которыми люди в своей повседневности могут даже не задумываться?

В-третьих, интригующий, на первый взгляд, метод концептуальной истории в применении Дж. Найман также скорее разочаровывает, чем очаровывает. Автор рассматривает эволюцию концепта безопасности в Китае, но сосредоточивается лишь на его дословном

⁴ Более того, применяя метод партиципаторной фотографии, Дж. Найман ограничивается крайне маленькой выборкой — всего шесть жителей Пекина [Nyman, 2021: 315]. Такая выборка явно недостаточна для того, чтобы судить о практической ценности безопасности в масштабах всего Китая.

означающем — термине «безопасность» (кит. — 安全). Между тем, как обнаруживает сама Дж. Найман, этот термин оказался заимствованным из западного политического дискурса и начал фигурировать в китайском лексиконе лишь с конца 1970-х годов. Само собой разумеется, анализ автора показал, что китайское видение безопасности является своеобразной мимикрией западного восприятия, адаптированной к местным реалиям [Nyman, 2023: 690]. Как же могло получиться иначе, если автор рассматривал заимствованное понятие, пренебрегая другими возможными означающими и означаемыми (например, «гармония», «порядок»)?

Еще больше сложностей возникает при знакомстве с работами сторонников универсалистского подхода. Фундаментальные вопросы, на которые не находится ответа в трудах Р. Флойд: кто же на практике будет судить о том, когда секьюритизация считается морально оправданной, и как препятствовать возможному злоупотреблению, связанным с ложной интерпретацией критериев справедливой секьюритизации? Предположение автора о том, что широкое распространение принципов справедливой и обязательной секьюритизации позволит общественности распознавать дезинформацию [Floyd, 2024: 19], звучит наивно: принципы, данные без их интерпретации в конкретной международной ситуации, — всё равно что пустой сосуд, который может быть наполнен чем угодно. Интерпретация ситуаций в свою очередь никогда не находится в руках широкой общественности: контроль над этой сферой чаще всего сосредоточен у крупных медиа и поддерживающих их политических элит. Речь идет о тех, кого известный специалист по международным отношениям Дж. Дер Дериан образно назвал комплексом «военно-промышленно-медийно-развлекательной сети» (MIME-NET) [Der Derian, 2000: 786]. Таким образом, общественность, вооруженная принципами, но лишенная доступа к конкретным свидетельствам, скорее станет частью кампании по дезинформации, чем средством борьбы с ней⁵.

⁵ В этом контексте любопытны рассуждения Т. Диза о России. Немецкий ученый пишет, что для обоснования своей военной операции на Украине «Россия даже не потрудилась пойти по пути Совета Безопасности или предоставить доказательства международному сообществу в целом» [Diez, 2023: 34]. Автор, по-видимому, не знает, что Россия в феврале 2022 г. представляла в Совет Безопасности ООН документы о преступлениях киевского режима, а проведению военной операции предшествовали попытки урегулировать конфликт в ходе Минских соглашений (2014–2022).

Не менее серьезной проблемой универсалистского подхода является его выраженный евроцентризм. Это признает и сама Р. Флойд, говоря о своем выборе в пользу западной аналитической и моральной философии [Floyd, 2024: 31]. В контексте обсуждения вопросов безопасности такая позиция чревата рисками. Показательны в этом плане рассуждения Р. Флойда о праве политических режимов на самооборону и самосекьюритизацию. По замыслу автора, таким правом не обладают политические режимы и акторы, признаваемые «нравственно дурными». Для того чтобы не попасть в эту категорию, политические режимы должны следить за обеспечением базовых человеческих потребностей своего населения, не прибегая к убийствам невинных, запугиванию, террору и вымогательствам. И таким качеством, по мнению исследователя, могут обладать только демократические политические режимы [Floyd, 2024: 21].

Нетрудно догадаться, что применение такого подхода на практике зачастую ведет к углублению существующих противоречий и обострению конфликтных отношений. Политические элиты западных стран в силу сложившейся традиции всегда будут называть свои политические режимы демократическими, мало прислушиваясь к мнению мирового большинства (трудно представить себе ситуацию, в которой Вашингтон всерьез обеспокоен аргументами Ирана о том, что США не отвечают всем признакам либеральной демократии). На такого же рода монополию западные политические элиты будут рассчитывать и при «клеймении» неугодных политических режимов как недемократических, а следовательно, и «нравственно дурных». Предвосхищаемая таким образом система — это прямой путь к либеральному империализму [Ignatieff, 2003]; это система воспроизводства идейного и ценностного доминирования Запада, основанная на дискурсивной монополии западных политических элит решать, какие политические режимы заслуживают право на секьюритизацию и безопасность, а какие нет.

Словно в подтверждение этой гипотезы Р. Флойд заявляет, что первоочередную ответственность за международную безопасность должны нести «друзья и союзники» (сообщества по типу ЕС и НАТО) в обход Совета Безопасности ООН, возможности которого ограничены из-за наличия права вето [Floyd, 2024: 173–175]. Автор также всерьез изучает возможности НАТО стать «мировым полицейским» [Floyd, 2024: 160], хотя сама постановка такого вопроса

представляется неуместной в нынешних реалиях. По-видимому, исследователь весьма точно отразила современный евро-атлантический подход к решению проблем международной безопасности: предполагается, по сути, отказ от налаживания конструктивных отношений с Россией и Китаем в СБ ООН и, как следствие, дальнейшая эрозия ооноцентричного миропорядка. Более того, эта логика также обесценивает ряд заслуживающих внимания инициатив в области реформы концепции «обязанность защищать», выдвинутых самим же автором⁶. В целом трудно представить, как такая этика международной безопасности будет способствовать снижению конфликтности в мире. Предложенный подход с большей вероятностью станет орудием «оправдательной идеологии» [Бурдье, 2005: 503], где «в зависимости от переписания всё может выглядеть хорошим или плохим» [Рорти, 1996: 104].

Что же касается деонтологического подхода, то о его главном недостатке уже было сказано ранее: это односторонность в трактовке секьюритизации как негативного и нежелательного явления, а десекуритизации — как предпочитаемой нравственно-политической стратегии. Такой подход не выдерживает критики, так как в реальности десекуритизация далеко не всегда приводит к решению проблемы и урегулированию противоречий, а секьюритизация во многих случаях бывает востребованной и даже необходимой. Есть, однако, еще одно, более фундаментальное объяснение несостоятельности данного подхода.

Как отмечает в своих работах Й. Хёйсманс, без представлений о безопасности и небезопасности мир политики невозможен — сама суть политического задается политикой безопасности [Huysmans, 2006], определяющей границы между политическим злом и добром.

⁶ Суть предлагаемой Р. Флойдом реформы состоит в том, чтобы сменить акценты в реализации принятой ООН концепции «обязанность защищать» (R2P) в сторону от гуманитарных интервенций к невоенным методам воздействия на целевое государство: порицанию, санкциям, эмбарго, отмене членства в организациях и созданию позитивной мотивации [Floyd, 2024: 193]. Другое дело, что, перекладывая первоочередную ответственность за безопасность на региональные коалиции «друзей и союзников», автор рискует превратить СБ ООН (равно как и R2P) в декоративный элемент архитектуры международной безопасности. Есть риск, что на практике такая структура будет существовать только для того, чтобы внушать России и Китаю чувство собственной значимости, тогда как реальные полномочия по обеспечению международной безопасности перейдут к коалициям так называемых либерально-демократических государств.

Полная и всеобъемлющая десекьюритизация как выход из порочного круга логики безопасности — это, по сути, утопия и недостижимая нормативная цель [Behnke, 2006], реализация которой на практике означала бы конец политики. Политика достижения безопасности и, что не менее важно, воспроизводство небезопасности жизненно необходимы любому политическому объединению: без существования угроз, от которых следовало бы защищаться, государство потеряет для людей всякий смысл [Campbell, 1998: 12], а политики утратят свою символическую власть над населением [Bigo, 2002: 65].

* * *

Означает ли всё сказанное, что существующие нормативные подходы в теории секьюритизации оказались несостоятельными? Учитывая, что любая научная теория в принципе не обходится без недостатков, ответить на данный вопрос утвердительно нельзя. Напротив, пока можно отметить лишь растущее многообразие методологических позиций и сохраняющуюся связь научных исследований с наиболее актуальными вопросами мировой политики.

Представляется, что некоторые изыскания в этой области действительно могут привести к впечатляющим результатам. Так, весьма многообещающими выглядят исследования в русле прагматического подхода, нацеленные на «провинциализацию» концепта безопасности: выявление ценности и этики безопасности в ее региональных и локальных контекстах за пределами политического Запада. Хороший задел для будущих изысканий создается и в рамках универалистского подхода, направленного на формирование общепринятых и универсальных критериев нормативной оценки политики безопасности. С осторожным оптимизмом можно предположить, что именно на основе синтеза идей, предложенных сторонниками этих двух подходов, удастся в будущем договариваться о новой, истинно универсальной этике международной безопасности, которая окажется приемлемой для мирового большинства.

Эта этика, впрочем, никогда не будет работать безупречно, коль скоро логика безопасности, описывающая мир в терминах угроз и ответных мер, пронизывает всю нашу политическую жизнь. Как бы парадоксально это ни звучало, но безопасность попросту не выглядит убедительным концептом для долгосрочного решения проблем безопасности и продвижения мира. Иными словами, на основе политики безопасности чрезвычайно трудно выстраивать

подлинно позитивную повестку, способствующую снижению конфликтности в международных отношениях. При этом достигнуть обратного эффекта не составляет большого труда. Попытки ряда ученых сформулировать универсальные критерии оценки практик безопасности отчетливо показывают, как благие намерения могут привести к усугублению существующих идеологических противоречий и проблем безопасности. В этом смысле любые нормативные подходы в исследованиях о международной безопасности всегда будут сталкиваться с серьезными ограничениями.

Во многом поэтому социально-политическая миссия теории секьюритизации, заключающаяся в сдерживании и ограничении негативных эффектов безопасности, в определенном смысле обречена на неудачу. Но там, где исчезает одна перспектива, находятся альтернативные пути.

Представляется, что воплощение того мощного гуманистического посыла, который сформулирован авторами теории секьюритизации, следует искать за пределами не только самой теории, но и исследований о международной безопасности в целом. Целесообразно, к примеру, снова вернуться к исследованиям мира, до сих пор находящимся на маргинальном положении в науке о международных отношениях. Большую ценность представляют и другие концепты (в том числе «дружба», «доверие», «эмпатия»), на основе которых возможно выстраивать позитивную повестку межгосударственных отношений и мировой политики. Именно такого рода способность к творческому выстраиванию образов будущего может сыграть решающую роль в борьбе за более гармоничный и подлинно многополярный мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики / Отв. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005. С. 473–517.
2. Гайдаев О.С. «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 1. С. 7–37. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37.
3. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32.

4. Конышев В.Н., Парфенов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.

5. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

6. Чакрабарти Д. Провинциализируя Европу. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021.

7. Adler E., Pouliot V. *International practices: Introduction and framework* // *International practices* / Ed. by E. Adler, V. Pouliot. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 3–35.

8. Aras B., Polat R.K. From conflict to cooperation: Desecuritization of Turkey's relations with Syria and Iran // *Security Dialogue*. 2008. Vol. 39. No. 5. P. 495–515. DOI: 10.1177/0967010608096150.

9. Austin J.L., Beaulieu-Brossard P. (De)securitisation dilemmas: Theorising the simultaneous enactment of securitisation and desecuritisation // *Review of International Studies*. 2017. Vol. 44. No. 2. P. 1–23. DOI: 10.1017/S0260210517000511.

10. Bain W. Pluralism and solidarism // *International society: The English School* / Ed. by C. Navari. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 95–108.

11. Barkawi T., Laffey M. The postcolonial moment in security studies // *Review of International Studies*. 2006. Vol. 32. No. 2. P. 329–352. DOI: 10.1017/S0260210506007054.

12. Behnke A. No way out: Desecuritization, emancipation and the eternal return of the political — A reply to Aradau // *Journal of International Relations and Development*. 2006. Vol. 9. No. 1. P. 62–69. DOI: 10.1057/palgrave.jird.1800070.

13. Biba S. Desecuritization in China's behavior towards its transboundary rivers: The Mekong River, the Brahmaputra River, and the Irtys and Ili Rivers // *Journal of Contemporary China*. 2014. Vol. 23. P. 21–43. DOI: 10.1080/10670564.2013.809975.

14. Bigo D. Security and immigration: Toward a critique of the governmentality of unease // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2002. Vol. 27. Special Issue. P. 63–92. DOI: 10.1177/03043754020270S105.

15. Bilgin P. Making Turkey's transformation possible: Claiming 'security-speak' — not desecuritization! // *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*. 2007. Vol. 7. No. 4. P. 555–571. DOI: 10.1080/14683850701726039.

16. Bilgin P. The 'Western-centrism' of security studies: 'Blind spot' or constitutive practice? // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No. 6. P. 615–622. DOI: 10.1177/0967010610388208.

17. Booth K. Security and emancipation // *Review of International Studies*. 1991. Vol. 17. No. 4. P. 313–326. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210500112033>.

18. Booth K. *Theory of world security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

19. Buzan B. Will the 'global war on terrorism' be the new Cold War? // *International Affairs*. 2006. Vol. 82. No. 6. P. 1101–1118. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2006.00590.x.
20. Buzan B., Hansen L. *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
21. Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. et al. *The European security order recast: Scenarios for the post-Cold War era*. London; New York: Pinter Publishers, 1990.
22. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. *Security: A new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.
23. Campbell D. *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
24. Ciută F. Security and the problem of context: A hermeneutical critique of securitisation theory // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. No. 2. P. 301–326. DOI: 10.1017/S02602105090008535.
25. Cox R. Social forces, states and world orders: Beyond international relations theory // *Millennium: Journal of International Studies*. 1981. Vol. 10. No. 2. P. 126–155. DOI: 10.1177/03058298810100020501.
26. Crawford A., Hutchinson S. Mapping the contours of 'everyday security': Time, space and emotion // *British Journal of Criminology*. 2016. Vol. 56. No. 6. P. 1184–1202. DOI: 10.1093/bjc/azv121.
27. Der Derian J. Virtuous war/virtual theory // *International Affairs*. 2000. Vol. 76. No. 4. P. 771–788.
28. Dewey J. *How we think*. New York: D.C. Heath and Co. Publishers, 1910.
29. Diez T. Progressive and regressive securitisation: Covid, Russian aggression and the ethics of security // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 22–43. DOI: 10.51870/PXRR4789.
30. Elbe S. Should HIV/AIDS be securitized? The ethical dilemmas of linking HIV/AIDS and security // *International Studies Quarterly*. 2006. Vol. 50. No. 1. P. 119–144. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2006.00395.x.
31. Farr J. Understanding conceptual change politically // *Political innovation and conceptual change* / Ed. by T. Ball, J. Farr, R.L. Hanson. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 24–49.
32. Floyd R. Can securitization theory be used in normative analysis? Towards a just securitization theory // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 42. No. 4–5. P. 427–439. DOI: 10.1177/0967010611418712.
33. Floyd R. *The duty to secure: From just to mandatory securitization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2024.
34. Floyd R. *The morality of security: A theory of just securitization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
35. Floyd R. *Security and the environment: Securitisation theory and US environmental security policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

36. Floyd R. Towards a consequentialist evaluation of security: Bringing together the Copenhagen and the Welsh Schools of security studies // *Review of International Studies*. 2007. Vol. 33. No. 2. P. 327–350. DOI: 10.1017/S026021050700753X.

37. Guillaume X., Huysmans J. The concept of ‘the everyday’: Ephemeral politics and the abundance of life // *Cooperation and Conflict*. 2019. Vol. 54. No. 2. P. 278–296. DOI: 10.1177/0010836718815520.

38. Hansen L. The Little Mermaid’s silent security dilemma and the absence of gender in the Copenhagen School // *Millennium: Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 285–306. DOI: 10.1177/03058298000290020501.

39. Hansen L. Reconstructing desecuritisation: The normative-political in the Copenhagen School and directions for how to apply it // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. No. 3. P. 525–546. DOI: 10.1017/S0260210511000581.

40. Huysmans J. Defining social constructivism in security studies: The normative dilemma of writing security // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2002. Vol. 27. Special Issue. P. 41–62. DOI: 10.1177/03043754020270S104.

41. Huysmans J. *The politics of insecurity: Fear, migration and asylum in the EU*. Abingdon: Routledge, 2006.

42. Ignatieff M. *Empire lite: Nation-building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan*. Toronto: Penguin Canada, 2003.

43. Jacobsen M., Strandsbjerg J. Desecuritization as displacement of controversy: Geopolitics, law and sovereign rights in the Arctic // *Politik*. 2017. Vol. 20. No. 3. P. 15–30. DOI: 10.7146/politik.v20i3.97151.

44. Jakimów M. Desecuritisation as a soft power strategy: The Belt and Road Initiative, European fragmentation and China’s normative influence in Central-Eastern Europe // *Asia Europe Journal*. 2019. Vol. 17. No. 4. P. 369–385. DOI: 10.1007/s10308-019-00561-3.

45. Linklater A. The harm principle and global ethics // *Global Society*. 2006. Vol. 20. No. 3. P. 329–343. DOI: 10.1080/13600820600816340.

46. Mackenzie M. Securitization and desecuritization: Female soldiers and the reconstruction of women in post-conflict Sierra Leone // *Security Studies*. 2009. Vol. 18. No. 2. P. 241–261. DOI: 10.1080/09636410902900061.

47. McMahan J. Just cause for war // *Ethics and International Affairs*. 2005. Vol. 19. No. 3. P. 1–21. DOI: 10.1111/j.1747-7093.2005.tb00551.x.

48. Nyman J. *The energy security paradox: Rethinking energy (in)security in the United States and China*. Oxford: Oxford University Press, 2018.

49. Nyman J. The everyday life of security: Capturing space, practice, and affect // *International Political Sociology*. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 313–337. DOI: 10.1093/ips/olab005.

50. Nyman J. Pragmatism, practice and the value of security // *Ethical security studies: A new research agenda* / Ed. by J. Nyman, A. Burke. Abingdon: Routledge, 2016. P. 131–144.

51. Nyman J. Towards a global security studies: What can looking at China tell us about the concept of security? // *European Journal of International Relations*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 673–697. DOI: 10.1177/13540661231176990.

52. Nyman J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate // *Review of International Studies*. 2016. Vol. 42. No. 5. P. 821–839. DOI: 10.1017/S0260210516000140.

53. Nyman J., Burke A. Imagining ethical security studies // *Ethical security studies: A new research agenda* / Ed. by J. Nyman, A. Burke. Abingdon: Routledge, 2016. P. 1–13.

54. Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. Conflict trends: A global overview, 1946–2021. Oslo: Peace Research Institute Oslo, 2022. Available at: <https://www.prio.org/publications/13178> (accessed: 20.08.2025).

55. Parfit D. On what matters. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2011.

56. Rodin D. War and self-defense. Oxford: Clarendon Press, 2002.

57. Roe P. Misperception and ethnic conflict: Transylvania's societal security dilemma // *Review of International Studies*. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 57–74. DOI: 10.1017/S0260210502000578.

58. Roe P. Reconstructing identities or managing minorities? Desecuritizing minority rights: A response to Jutila // *Security Dialogue*. 2006. Vol. 37. No. 3. P. 425–438. DOI: 10.1177/0967010606069060.

59. Roe P. Securitization and minority rights: Conditions of desecuritization // *Security Dialogue*. 2004. Vol. 35. No. 3. P. 279–294. DOI: 10.1177/0967010604047527.

60. Sardoc M. The ethics of securitisation: An interview with Rita Floyd // *Critical Studies on Terrorism*. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 139–148. DOI: 10.1080/17539153.2021.1886506.

61. Skinner Q. Visions of politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

62. Watson S. Macrosecuritization and the securitization dilemma in the Canadian Arctic // *Critical Studies on Security*. 2013. Vol. 1. No. 3. P. 265–279. DOI: 10.1080/21624887.2013.809220.

63. Wæver O. The changing agenda of societal security // *Globalization and environmental challenges: Reconceptualizing security in the 21st century* / Ed. by H.G. Brauch et al. Heidelberg: Springer, 2008. P. 581–593.

64. Wæver O. The EU as a security actor: Reflections from a pessimistic constructivist on post-sovereign security orders // *International Relations theory and the politics of European integration: Power, security and community* / Ed. by M. Kelstrup, M.C. Williams. London: Routledge, 2000. P. 250–294.

65. Wæver O. Securitization and desecuritization // *On security* / Ed. by R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 39–69.

66. Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. Identity, migration and the new security agenda in Europe. London: Pinter Publishers, 1993.

67. Williams J. Pluralism, solidarism and the emergence of world society in English School theory // *International Relations*. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 19–38. DOI: 10.1177/0047117805050060.

REFERENCES

1. Burd'e P. 2005. Pole nauki [The field of science]. In: Shmatko N.A. (ed.). *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: Fields and practices]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., pp. 473–517. (In Russ.)
2. Gaidav O.S. 2022. 'Ostorozhno, bezopasnost'!' Teoriya (in)sek'yuritizatsii i Parizhskaya shkola issledovaniy mezhdunarodnoi bezopasnosti ['Danger: security!'] Securitization theory and the Paris school of international security studies]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 15, no. 1, pp. 7–37. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37. (In Russ.)
3. Gaidav O.S. 2021. Teoriya sek'yuritizatsii, ili Khorosho zabytoe staroe: k voprosu o teoretiko-filosofskikh istokakh i zarozhdenii teorii [Securitization theory or a well overlooked old: On the philosophical and theoretical premises and origins of the theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no. 1, pp. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32. (In Russ.)
4. Konysh V.N., Parfenov R.V. 2019. Gibridnye voyny: mezhdumifom i real'nost'yu [Hybrid wars: Between myth and reality]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 12, pp. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66. (In Russ.)
5. Rorty R. 1989. *Contingency, irony, and solidarity*. New York, Cambridge University Press [Russ. ed.: Rorty R. 1996. *Sluchainost', ironiya i solidarnost'*. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ.].
6. Chakrabarty D. 2008. *Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference*. Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: Chakrabarty D. 2021. *Provintsializiruyaya Evropu*. Moscow, Muzei sovremennogo iskusstva 'Garazh' Publ.].
7. Adler E., Pouliot V. 2011. International practices: Introduction and framework. In: Adler E., Pouliot V. (eds.). *International practices*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 3–35.
8. Aras B., Polat R.K. 2008. From conflict to cooperation: Desecuritization of Turkey's relations with Syria and Iran. *Security Dialogue*, vol. 39, no. 5, pp. 495–515. DOI: 10.1177/0967010608096150.
9. Austin J.L., Beaulieu-Brossard P. 2017. (De)securitisation dilemmas: Theorising the simultaneous enactment of securitisation and desecuritisation. *Review of International Studies*, vol. 44, no. 2, pp. 1–23. DOI: 10.1017/S0260210517000511.
10. Bain W. 2021. Pluralism and solidarism. In: Navari C. (ed.). *International society: The English School*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 95–108.

11. Barkawi T., Laffey M. 2006. The postcolonial moment in security studies. *Review of International Studies*, vol. 32, no. 2, pp. 329–352. DOI: 10.1017/S0260210506007054.

12. Behnke A. 2006. No way out: Desecuritization, emancipation and the eternal return of the political — A reply to Aradau. *Journal of International Relations and Development*, vol. 9, no. 1, pp. 62–69. DOI: 10.1057/palgrave.jird.1800070.

13. Biba S. 2014. Desecuritization in China's behavior towards its trans-boundary rivers: The Mekong River, the Brahmaputra River, and the Irtys and Ili Rivers. *Journal of Contemporary China*, vol. 23, pp. 21–43. DOI: 10.1080/10670564.2013.809975.

14. Bigo D. 2002. Security and immigration: Toward a critique of the governmentality of unease. *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 27, special issue, pp. 63–92. DOI: 10.1177/03043754020270S105.

15. Bilgin P. 2007. Making Turkey's transformation possible: Claiming 'security-speak' — not desecuritization! *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 555–571. DOI: 10.1080/14683850701726039.

16. Bilgin P. 2010. The 'Western-centrism' of security studies: 'Blind spot' or constitutive practice? *Security Dialogue*, vol. 41, no. 6, pp. 615–622. DOI: 10.1177/0967010610388208.

17. Booth K. 1991. Security and emancipation. *Review of International Studies*, vol. 17, no. 4, pp. 313–326. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210500112033>.

18. Booth K. 2007. *Theory of world security*. Cambridge, Cambridge University Press.

19. Buzan B. 2006. Will the 'global war on terrorism' be the new Cold War? *International Affairs*, vol. 82, no. 6, pp. 1101–1118. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2006.00590.x.

20. Buzan B., Hansen L. 2009. *The evolution of international security studies*. Cambridge, Cambridge University Press.

21. Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. et al. 1990. *The European security order recast: Scenarios for the post-Cold War era*. London, New York, Pinter Publishers.

22. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. 1998. *Security: A new framework for analysis*. London, Lynne Rienner Publishers.

23. Campbell D. 1998. *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis, University of Minnesota Press.

24. Ciută F. 2009. Security and the problem of context: A hermeneutical critique of securitisation theory. *Review of International Studies*, vol. 35, no. 2, pp. 301–326. DOI: 10.1017/S0260210509008535.

25. Cox R. 1981. Social forces, states and world orders: Beyond international relations theory. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 126–155. DOI: 10.1177/03058298810100020501.

26. Crawford A., Hutchinson S. 2016. Mapping the contours of 'everyday security': Time, space and emotion. *British Journal of Criminology*, vol. 56, no. 6, pp. 1184–1202. DOI: 10.1093/bjc/azv121.

27. Der Derian J. 2000. Virtuous war/virtual theory. *International Affairs*, vol. 76, no. 4, pp. 771–788.

28. Dewey J. 1910. *How we think*. New York, D.C. Heath and Co. Publishers.

29. Diez T. 2023. Progressive and regressive securitisation: Covid, Russian aggression and the ethics of security. *Central European Journal of International and Security Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 22–43. DOI: 10.51870/PXRR4789.

30. Elbe S. 2006. Should HIV/AIDS be securitized? The ethical dilemmas of linking HIV/AIDS and security. *International Studies Quarterly*, vol. 50, no. 1, pp. 119–144. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2006.00395.x.

31. Farr J. 1989. Understanding conceptual change politically. In: Ball T., Farr J., Hanson R.L. (eds.). *Political innovation and conceptual change*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 24–49.

32. Floyd R. 2011. Can securitization theory be used in normative analysis? Towards a just securitization theory. *Security Dialogue*, vol. 42, no. 4–5, pp. 427–439. DOI: 10.1177/0967010611418712.

33. Floyd R. 2024. *The duty to secure: From just to mandatory securitization*. Cambridge, Cambridge University Press.

34. Floyd R. 2019. *The morality of security: A theory of just securitization*. Cambridge, Cambridge University Press.

35. Floyd R. 2010. *Security and the environment: Securitisation theory and US environmental security policy*. Cambridge, Cambridge University Press.

36. Floyd R. 2007. Towards a consequentialist evaluation of security: Bringing together the Copenhagen and the Welsh Schools of security studies. *Review of International Studies*, vol. 33, no. 2, pp. 327–350. DOI: 10.1017/S026021050700753X.

37. Guillaume X., Huysmans J. 2019. The concept of 'the everyday': Ephemeral politics and the abundance of life. *Cooperation and Conflict*, vol. 54, no. 2, pp. 278–296. DOI: 10.1177/0010836718815520.

38. Hansen L. 2000. The Little Mermaid's silent security dilemma and the absence of gender in the Copenhagen School. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 285–306. DOI: 10.1177/03058298000290020501.

39. Hansen L. 2012. Reconstructing desecuritisation: The normative-political in the Copenhagen School and directions for how to apply it. *Review of International Studies*, vol. 38, no. 3, pp. 525–546. DOI: 10.1017/S0260210511000581.

40. Huysmans J. 2002. Defining social constructivism in security studies: The normative dilemma of writing security. *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 27, special issue, pp. 41–62. DOI: 10.1177/03043754020270S104.

41. Huysmans J. 2006. *The politics of insecurity: Fear, migration and asylum in the EU*. Abingdon, Routledge.

42. Ignatieff M. 2003. *Empire lite: Nation-building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan*. Toronto, Penguin Canada.
43. Jacobsen M., Strandsbjerg J. 2017. Desecuritization as displacement of controversy: Geopolitics, law and sovereign rights in the Arctic. *Politik*, vol. 20, no. 3, pp. 15–30. DOI: 10.7146/politik.v20i3.97151.
44. Jakimów M. 2019. Desecuritisation as a soft power strategy: The Belt and Road Initiative, European fragmentation and China's normative influence in Central-Eastern Europe. *Asia Europe Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 369–385. DOI: 10.1007/s10308-019-00561-3.
45. Linklater A. 2006. The harm principle and global ethics. *Global Society*, vol. 20, no. 3, pp. 329–343. DOI: 10.1080/13600820600816340.
46. Mackenzie M. 2009. Securitization and desecuritization: Female soldiers and the reconstruction of women in post-conflict Sierra Leone. *Security Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 241–261. DOI: 10.1080/09636410902900061.
47. McMahan J. 2005. Just cause for war. *Ethics and International Affairs*, vol. 19, no. 3, pp. 1–21. DOI: 10.1111/j.1747-7093.2005.tb00551.x.
48. Nyman J. 2018. *The energy security paradox: Rethinking energy (in)security in the United States and China*. Oxford, Oxford University Press.
49. Nyman J. 2021. The everyday life of security: Capturing space, practice, and affect. *International Political Sociology*, vol. 15, no. 3, pp. 313–337. DOI: 10.1093/ips/olab005.
50. Nyman J. 2016a. Pragmatism, practice and the value of security. In: Nyman J., Burke A. (eds.). *Ethical security studies: A new research agenda*. Abingdon, Routledge, pp. 131–144.
51. Nyman J. 2023. Towards a global security studies: What can looking at China tell us about the concept of security? *European Journal of International Relations*, vol. 29, no. 3, pp. 673–697. DOI: 10.1177/13540661231176990.
52. Nyman J. 2016b. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate. *Review of International Studies*, vol. 42, no. 5, pp. 821–839. DOI: 10.1017/S0260210516000140.
53. Nyman J., Burke A. 2016. Imagining ethical security studies. In: Nyman J., Burke A. (eds.). *Ethical security studies: A new research agenda*. Abingdon, Routledge, pp. 1–13.
54. Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. 2022. *Conflict trends: A global overview, 1946–2021*. Oslo, Peace Research Institute Oslo. Available at: <https://www.prio.org/publications/13178> (accessed: 20.08.2025).
55. Parfit D. 2011. *On what matters. Vol. 1*. Oxford, Oxford University Press.
56. Rodin D. 2002. *War and self-defense*. Oxford, Clarendon Press.
57. Roe P. 2002. Misperception and ethnic conflict: Transylvania's societal security dilemma. *Review of International Studies*, vol. 28, no. 1, pp. 57–74. DOI: 10.1017/S0260210502000578.

58. Roe P. 2006. Reconstructing identities or managing minorities? Desecuritizing minority rights: A response to Jutila. *Security Dialogue*, vol. 37, no. 3, pp. 425–438. DOI: 10.1177/0967010606069060.
59. Roe P. 2004. Securitization and minority rights: Conditions of desecuritization. *Security Dialogue*, vol. 35, no. 3, pp. 279–294. DOI: 10.1177/0967010604047527.
60. Sardoc M. 2021. The ethics of securitisation: An interview with Rita Floyd. *Critical Studies on Terrorism*, vol. 14, no. 1, pp. 139–148. DOI: 10.1080/17539153.2021.1886506.
61. Skinner Q. 2002. *Visions of politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge, Cambridge University Press.
62. Watson S. 2013. Macrosecuritization and the securitization dilemma in the Canadian Arctic. *Critical Studies on Security*, vol. 1, no. 3, pp. 265–279. DOI: 10.1080/21624887.2013.809220.
63. Wæver O. 2008. The changing agenda of societal security. In: Brauch H.G. et al. (eds.). *Globalization and environmental challenges: Reconceptualizing security in the 21st century*. Heidelberg, Springer, pp. 581–593.
64. Wæver O. 2000. The EU as a security actor: Reflections from a pessimistic constructivist on post-sovereign security orders. In: Kelstrup M., Williams M.C. (eds.). *International Relations theory and the politics of European integration: Power, security and community*. London, Routledge, pp. 250–294.
65. Wæver O. 1995. Securitization and desecuritization. In: Lipschutz R.D. (ed.). *On security*. New York, Columbia University Press, pp. 39–69.
66. Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. 1993. *Identity, migration and the new security agenda in Europe*. London, Pinter Publishers.
67. Williams J. 2005. Pluralism, solidarism and the emergence of world society in English School theory. *International Relations*, vol. 19, no. 1, pp. 19–38. DOI: 10.1177/0047117805050060.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025;
одобрена после рецензирования 20.07.2025;
принята к публикации 30.09.2025

The paper was submitted 26.05.2025;
approved after reviewing 20.07.2025;
accepted for publication 30.09.2025

Е.А. Абрамова*

**СВЯЗКА «БЕЗОПАСНОСТЬ — РАЗВИТИЕ»
ВО ФРАНЦУЗСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ:
ОСМЫСЛЯЯ ПОЛИТИКУ ФРАНЦИИ
В СТРАНАХ ЗОНЫ САХЕЛЯ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Африки Российской академии наук»
123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1*

На фоне нарастания антифранцузских настроений в регионе Сахеля в отечественной и зарубежной академической среде активизировались дискуссии относительно причин явного кризиса, если не сказать — провала африканской политики Пятой республики. В то же время эти дискуссии, как правило, обходят стороной концепт так называемой связки «безопасность — развитие», который, между тем, был одной из ключевых детерминант, определявших подходы Франции к странам Сахеля. Обращение к опыту осмысления данного конструкта французским экспертным сообществом представляется исключительно интересным еще и потому, что позволяет выявить специфику и принципы организации концептуально-теоретического сопровождения внешней политики Франции в отношении африканских стран в целом. В первом разделе статьи дается характеристика французской системы государственного управления на африканском направлении и описывается модель институциональной организации национальной экспертизы по проблемам безопасности и развития Черного континента, включая выявление аффилиаций наиболее видных ее представителей. Отмечается, что эти экспертно-аналитические структуры и отдельные исследователи находятся под значительным влиянием или даже прямым патронажем органов государственной власти Франции. Во втором разделе рассматривается непростой процесс адаптации французских научно-исследовательских кругов к секьюритизации повестки содействия международному развитию в 2000-е годы, что, в частности, проявилось в их первоначально скептическом отношении к привнесенному из

* Абрамова Екатерина Александровна — младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС, аспирант Института Африки РАН (e-mail: ekaterina_abramova23@mail.ru; ORCID: 0009-0004-6761-4215).

англосаксонской политической мысли дискурсу о «хрупких» государствах и концепту «связки». В третьем разделе анализируется процесс актуализации и инструментализации «связки» в африканской политике Франции и во французской научно-исследовательской мысли на фоне обострения кризиса в регионе Сахеля в 2010-е годы. Подчеркивается, что связанные с этим процессом экспертные дискуссии были сосредоточены на решении двух задач: выявлении внутренних и внешних причин сахельского кризиса и формулировании практических рекомендаций для французского правительства по выходу из него. В четвертом разделе рассматриваются оценки итогов военного присутствия Франции в Сахеле представителями французского экспертного сообщества. В заключении делается вывод, что кризис политики «Франсафрик» был вызван как объективными причинами «на земле» (отсутствием продуманной стратегии выхода из вооруженного конфликта, преобладанием соображений безопасности над повесткой развития), так и затрудненной обратной связью между государством и экспертными кругами.

Ключевые слова: Франция, Сахель, Африка южнее Сахары, «Франс-африк», связка «безопасность — развитие», содействие международному развитию, секьюритизация, африканистика, Мали, операция «Сервал», операция «Бархан»

Для цитирования: Абрамова Е.А. Связка «безопасность — развитие» во французском научном дискурсе: осмысляя политику Франции в странах зоны Сахеля // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 139–178. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-139-178.

Ekaterina A. Abramova

**‘SECURITY — DEVELOPMENT’ NEXUS
IN FRENCH ACADEMIC DISCOURSE:
ON FRANCE’S POLICY IN THE SAHEL**

*Institute for African Studies
Russian Academy of Sciences
30/1 Spiridonovka, Moscow, Russia, 123001*

Against the backdrop of rising anti-French sentiments in the Sahel region, debates have intensified within both Russian and foreign scholars regarding the reasons for the apparent crisis, if not the failure, of the Fifth Republic’s African policy. At the same time, these discussions tend to ignore the concept of the

so-called 'security-development nexus', which, meanwhile, was one of the key determinants shaping France's approaches to the Sahel countries. An examination of the French experts' understanding of this construct is particularly interesting because it reveals the specifics and principles of the conceptual-theoretical framework underlying France's foreign policy toward African countries in general. The first section assesses the French public administration system on the African track and describes the institutional organization of national expertise on security and development issues in Africa, including identifying the affiliations of its most prominent representatives. The author notes that these think tanks and individual researchers are subject to French state authorities' significant influence or even direct patronage. The second section examines the complex process of the adaptation of French research circles to the securitization of the international development agenda in the 2000s, as they were initially highly skeptical toward the discourse on 'fragile' states and the 'nexus' concept, borne of the Anglo-Saxon political thought. The third section analyzes the internalization and instrumentalization of the 'nexus' in France's African policy and in French academic discourse against the backdrop of the escalating crisis in the Sahel region in the 2010s. The author emphasizes that the expert debates related to this process focused on solving two tasks: identifying the internal and external causes of the Sahel crisis and formulating practical recommendations for the French government on how to resolve it. The fourth section considers how French experts assess the outcomes of France's military presence in the Sahel. In conclusion, the author argues that the crisis of the 'Françafrique' policy was caused by both objective reasons 'on the ground' (the lack of a coherent exit strategy from armed conflicts, the predominance of security considerations over the development agenda) and by hampered feedback between the state and expert circles.

Keywords: France, Sahel, Sub-Saharan Africa, Françafrique, security–development nexus, international development assistance, securitization, African studies, Mali, Operation Serval, Operation Barkhan

About the author: Ekaterina A. Abramova — PhD Candidate, Junior Research Fellow, Centre for African Strategy in BRICS, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: ekaterina_abramova23@mail.ru; ORCID: 0009-0004-6761-4215).

For citation: Abramova E.A. 2025. 'Security — development' nexus in French academic discourse: On France's policy in the Sahel. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 139–178. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-139-178. (In Russ.)

Настоящая статья развилась на основе исследования, посвященного роли экспертного сообщества во внешнеполитическом планировании Франции на африканском направлении [Дегтерев, Абрамова, 2024]. В ходе него была визуализирована система научно-аналитического обеспечения политики Франции в Африке, выявлен круг экспертов, работающих на стыке тематических направлений африканистики, проблем развития и вопросов международной безопасности, и сделано заключение о затрудненной обратной связи, практически не позволяющей экспертному сообществу вносить корректировки в процесс выработки решений по африканскому вектору французской внешней политики. Тем не менее обобщения столь высокого уровня определили «задел» для конкретизации и отсылки, как видится, к наиболее релевантному в данном контексте сахельскому «кейсу».

С начала 2020-х годов в российской экспертной среде активизировались дискуссии, связанные с бурными трансформациями политического ландшафта на пространстве пояса Сахеля. Пришедшие на волне антифранцузских настроений в 2020–2023 гг. новые лидеры Мали, Буркина-Фасо и Нигера избрали курс на суверенизацию посредством разрыва центр-периферийных отношений с западными партнерами и формирования регионального объединения (сначала Альянса государств Сахеля, а впоследствии — Конфедерации Сахельского альянса) на принципах «коллективной опоры на собственные силы» [Дегтерев, 2024]. Это придало мощный импульс и активизации дискуссий вокруг кризиса политики «Франсафрик» [см.: Африканский вектор внешней политики Франции..., 2024; Филиппов, 2024].

Однако при осмыслении французской стратегии в поясе Сахеля отечественные эксперты, как правило, упускают из виду идейный концепт, основанный на взаимосвязи проблем безопасности и развития (связка «безопасность — развитие») (*security-development nexus*), а ведь именно этот теоретический конструкт, который выражается формулой «нет безопасности без развития, как и развития без безопасности», можно назвать одной из детерминант, определявшей подход Франции к урегулированию сахельского кризиса. Это подтверждалось не только изменениями в структуре, объемах и направленности французской официальной помощи развитию (ОПР) стран Сахеля на фоне проведения контртеррористических операций «Сервал» и «Бархан», но и на уровне стратегического планирования,

например, когда в начале президентского срока Э. Макрона (с 2017 г.) была выдвинута концепция «3D» (Diplomatie, Défense, Développement — дипломатия, безопасность, развитие)¹. Данный подход, предполагавший сопряжение инициатив одновременно в трех измерениях сотрудничества, был заимствован из опыта взаимодействия США с «хрупкими государствами» при президенте Дж. Буше-мл. [Marchesin, 2016]. Именно с этим периодом американской истории связывают утверждение идеи секьюритизации² повестки развития (т.е. восприятия проблем в области развития в качестве угроз для национальной безопасности США), прологом к чему стали события 11 сентября 2001 г. [Бартенев, 2011].

Распространение сепаратистских и экстремистских настроений в странах зоны Сахеля с начала 2010-х годов (с эпицентром в Мали), по мнению многих представителей международного экспертного сообщества, было очередным случаем, который следовало рассматривать, выражаясь простыми словами, в логике «бедность — насилие»³. В числе таких экспертов — французские исследователи, посвятившие не одну работу концепту связки «безопасность — развитие» применительно к урегулированию сахельского кризиса. Обращение к опыту осмысления данного конструкта французским экспертным сообществом вовсе не представляется самоцелью. Значимость данного исследования не ограничивается пределами «созерцательной» науки [см. подробнее: Дегтерев, 2023], хотя и предполагает перспективу некоторого обобщения и обогащения теоретических интерпретаций концепта «связки», специфики его реализации во внешней политике западных акторов. Первостепенными задачами виделись осмысление специфики концептуально-теоретического

¹ La France au Sahel, l'approche 3D // AFD. February 2020. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/la-france-au-sahel-lapproche-3d> (accessed: 05.06.2025).

² Концепция «секьюритизации» была введена в научный оборот Копенгагенской школой исследований безопасности и служила целям деконструкции национального дискурса. Повестка безопасности, согласно теории, формируется в соответствии с тем, какие угрозы для референтного объекта (безопасность которого нужно обеспечить) обозначаются секьюритизирующим актором — независимо от природы и характера этих угроз [Buzan, 1997]. Секьюритизация проблем развития нашла концептуальное воплощение в концепте связки «безопасность — развитие», предложенной в 1980-х годах шведским ученым Б. Хеттне.

³ См., например: Rapport d'information № 728 (2015–2016) «Sahel: repenser l'aide publique au développement» // Sénat. 29.06.2016. Available at: <https://www.senat.fr/rap/r15-728/r15-728.html> (accessed: 05.06.2025).

сопровождения участия Франции в урегулировании кризиса в Сахеле (с момента ее вовлечения и до подведения неутешительных итогов французского присутствия) и выявление основных движущих сил при формировании нарратива «связки» во Франции. Другими словами, в фокусе исследования — не только «конечный продукт» французской аналитики, но и технологический процесс его изготовления на национальных «фабриках мысли». Последнее невозможно без рассмотрения институциональных особенностей принятия внешнеполитических решений и организации исследовательской среды во Франции, как и без определения наиболее видных персоналий, задействованных в механизме научно-аналитического сопровождения французской политики в регионе Сахеля.

Особенности экспертного обеспечения внешней политики Франции: африканский вектор

Решение главы Пятой республики Ф. Олланда (2012–2017) о вооруженном вмешательстве с января 2013 г. в малийский конфликт (в формате операций «Сервал», с 2014 г. — «Бархан») не предварялось парламентскими дебатами⁴. Такой односторонний характер принятия решений был обусловлен системными особенностями Пятой республики и при этом отвечал обозначенной Ф. Олландом в начале своего президентского срока формуле «присутствия в Африке» («отдавать предпочтение реагированию, нежели перманентному присутствию»⁵) [Gaulme, 2013]. По замыслу основателя республики Ш. де Голля, общенациональное государство, направляемое сильной и волевой властью, было призвано стать антиподом неустойчивым и слабым режимам партий Третьей и Четвертой республик: «Вся наша История — это череда трагедий, когда мы разобщены, и великих взлетов, когда мы, как свободная нация, объединены под эгидой сильного государства»⁶. Президенту отведена центральная роль в системе государственного устройства Франции. Любые вопросы

⁴ Оно было принято по итогам консультации с Советом по обороне и национальной безопасности, в работе которого участвуют президент, премьер-министр и главы ключевых в данном вопросе министерств.

⁵ Le discours de François Hollande à Dakar (12 octobre 2012) // Ambassade de France en Guinée et en Sierra Leone. 02.09.2024. Available at: <https://gn.ambafrance.org/Les-discours-de-Francois-Hollande-a> (accessed: 05.06.2025).

⁶ Речь генерала де Голля в Байё 16 июня 1946 г. // ВикиЧтение. Доступ: <https://military.wikireading.ru/45680> (дата обращения: 05.06.2025).

высокой международной политики, непосредственно связанные с ключевым в контексте голлистской доктрины понятием «величия», относятся к сфере его — в сущности, исключительных — компетенций.

То же самое применительно и к африканскому вектору — особому измерению внешней политики бывшей метрополии. Сети военно-политического и экономического влияния⁷, совокупность лоббистских групп, призванные увековечить французское присутствие в бывших колониях, получили название «Франсафрик» [Филиппов, 2024: 145]. Благодаря французскому публицисту Ф.-К. Вершаву (1945–2005), наполнившему прежде нейтральный термин новым содержанием, «преступления “Франсафрик” стали достоянием гласности» [Филиппов, 2022b: 76]. После выхода его книги «Франсафрик. Самый долгий скандал Республики» («La Françafrique. Le plus long scandale de la République») в 1998 г. это известное в узких экспертных кругах понятие вошло в широкий обиход. Под термином «сотрудничество», который позволял отвести в сторону обвинения в колониализме, был замаскирован более гибкий и менее громоздкий империализм нового типа, констатируется в книге с символическим названием «Империя, которая не хочет умирать. История Франсафрик» [L'empire qui ne veut pas mourir..., 2021: 16]. «Франция обеспечивала безопасность “дружественных” режимов в странах Западной Африки и в свою очередь ожидала от них полной лояльности в международных делах. В случае же попыток государственного переворота в этих странах Франция всенепременно вмешивалась для восстановления внутренней стабильности», — прямым текстом сказано в докладе Комиссии по иностранным делам Национального собрания Пятой республики⁸. Главным архитектором системы «Франсафрик» принято считать сподвижника Ш. де Голля генерального секретаря Елисейского дворца по африканским и мальгашским делам (1960–1974) Ж. Фоккара. Вместе с тем, хотя система «Франсафрик» во многом

⁷ С провозглашением независимости от Франции африканские государства (среди них и страны Сахеля) оказались связаны с бывшей метрополией посредством двусторонних договоров о сотрудничестве, позволивших сохранить центр-периферийный характер экономических отношений и французское военное присутствие на континенте.

⁸ Rapport d'information № 1841 (16e législature) // Assemblée Nationale. 08.11.2023. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/l16b1841_rapport-information# (accessed: 05.06.2025).

базируется на персональных связях между элитарными кругами Франции и лояльными им бывшими африканскими колониями, было бы недопустимым упрощением сводить ее к конкретной фигуре, даже столь легендарной, как Ж. Фоккар [L'empire qui ne veut pas mourir..., 2021: 13–14]. Тем более что в противном случае его уход с политической авансцены ознаменовал бы собой и крушение этой системы, чего в итоге не произошло. Раздававшиеся с начала 2000-х годов высказывания о приближающемся конце «Франсафрик» в реальности были связаны с недостаточным пониманием природы данного феномена [L'empire qui ne veut pas mourir..., 2021: 9]. Эта гибкая система позволила французскому колониализму пережить деколонизацию и в последующие десятилетия умело адаптировалась к менявшейся международной обстановке, реформировалась всякий раз, когда сталкивалась с экзистенциальной угрозой [L'empire qui ne veut pas mourir..., 2021: 14].

Африканская повестка так или иначе соотносилась с кругом компетенций МИД, отдельного Министерства сотрудничества, а также Министерства финансов⁹ [Meimon, 2007], однако реформаторские амбиции молодого министра сотрудничества Ж.-П. Кота (1981–1982) относительно окутанной клиентельскими связями системы «Франсафрик» [Филиппов, 2022b] в свое время натолкнулись на серьезное ограничение: «...решения по африканскому направлению принимались не на улице Месье (Monsieur)¹⁰, а в Елисейском дворце» [Jacquemot, 2010: 128]. По итогам реформы 1998 г. произошло слияние Министерства сотрудничества с системой МИД [Meimon, 2007; Jacquemot, 2010]. Стратегические вопросы политики помощи передали в ведение Межминистерского комитета по вопросам сотрудничества и развития (Le Comité interministériel de la coopération internationale et du développement, CICID), возглавляемого премьер-министром, но на практике курируемого из Берси (Министерства финансов) и набережной Орсе (МИД) [Jacquemot, 2010]. Французский фонд развития (Caisse Française de Développement), преобразованный в агентство (Французское агентство развития, ФАР; Agence Française de Développement, AFD), получил статус «ключевого оператора» помощи (*opérateur-pivot*), существенно расширив поле своей деятельности,

⁹ Особенностью международной политики Франции была и остается весомая роль финансового ведомства, контролировавшего порядка 40% французской официальной помощи развитию [Marchesin, 2016: 68; Jacquemot, 2010: 129].

¹⁰ Там располагалось руководимое им Министерство.

в том числе заполнив образовавшийся интеллектуальный вакуум во французской девелопменталистике (см. далее о журнале «Современная Африка»). В конечном счете упразднение Министерства сотрудничества способствовало еще большей концентрации рычагов управления на африканском направлении в руках президентской власти, которая не смогла выстроить эффективную межведомственную координацию в новой системе. Показательный пример: посол Франции в Мали был проинформирован о запуске операции «Сервал» только днем 11 января, тогда как последняя велась еще с ночи¹¹. В такой гиперцентрализованной системе альтернативные мнения, в том числе исходящие от экспертного сообщества, нередко игнорируются, а политические решения, по сути, принимаются в некотором информационном вакууме. Неудивительно, что африканский вектор международной политики Франции в последнее время всё чаще критикуется за отсутствие долгосрочной стратегии, которая позволила бы предвосхищать возможные угрозы, а не только реагировать на них постфактум¹².

Централизованный характер государственного управления отчетливо проявился и в специфике организации французской научно-исследовательской среды, в которой главная роль отведена крупным государственным научным центрам при второстепенной роли учреждений высшей школы [Кравцов, Черноуцан, 2020]. Французские исследования в области африканистики организуются в рамках разветвленной системы государственных научных учреждений¹³, университетов¹⁴ и «продуктов» их коллаборации, в частности, в формате ассоциированных научно-исследовательских лабораторий (*L'unité mixte de recherche, UMR*), редакции (издательства) научного журнала «Африканская политика» («*Politique Africaine*») и т.д. [Дегтерев, Абрамова, 2024]. Причем деятельность соответствующих исследовательских структур курируется не только из Министерства образования и науки, но также из французских

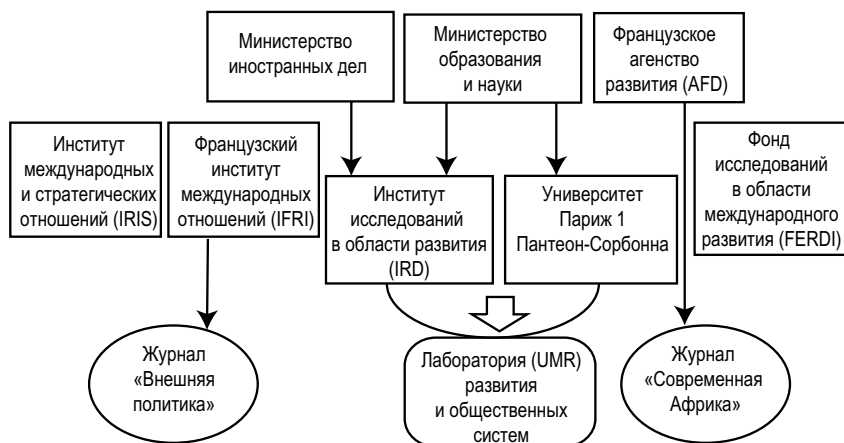
¹¹ Rapport d'information № 1841 (16e législature) // Assemblée Nationale. 08.11.2023. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/l16b1841_rapport-information# (accessed: 05.06.2025).

¹² Ibidem.

¹³ Два ключевых таких учреждения — Национальный центр научных исследований (*Centre national de la recherche scientifique, CNRS*) и Институт исследований в области развития (*Institut de recherche pour le développement, IRD*).

¹⁴ Сорбонна, Сьенс-По, Высшая школа социальных наук и др.

ведомств, ответственных за реализацию международной политики Франции (МИД и ФАР). Исследовательские структуры, специализирующиеся на вопросах безопасности и развития Африканского континента, как и, собственно, на проблеме их взаимосвязи, также отчетливо вписываются в государственную систему под патронажем перечисленных министерств и агентства развития (рисунок).

**Система французской экспертизы
по проблемам безопасности и развития Африканского континента**

Источник: составлено автором.

Исключение составляют разве что крупнейшие не зависящие от государственного финансирования «мозговые центры» — Французский институт международных отношений (Institut français des relations internationales, IFRI) и Институт международных и стратегических отношений (Institut de relations internationales et stratégiques, IRIS). Однако такой статус IFRI отнюдь не мешает ему сотрудничать с МИД Франции и ФАР [см., например: Gaulme, 2011b], выступая в числе флагманских «мозговых центров» в формировании дискурса «безопасность — развитие» во Франции, в том числе на страницах старейшего французского журнала в области международных отношений «Внешняя политика» («Politique Etrangère»). Когда в 2019 г. зашла речь об отстаивании «исследовательского суверенитета», многие сотрудники IFRI выступили в числе 200 экспертов в поддержку редакции другого не менее известного французского журнала — «Со-

временная Африка» («Afrique Contemporaine»). Приобретя в 2003 г. права на владение журналом, пусть и с предоставлением значительной автономии его редакционной коллегии, ФАР получило рупор для аналитического сопровождения своей деятельности. Скандал между редакцией журнала и его финансовым спонсором разгорелся вокруг отказа последнего публиковать в журнале материалы, которые якобы односторонне освещали ситуацию в Мали¹⁵. По прошествии нескольких кризисных лет, ознаменовавшихся отставкой главного редактора М.-А. Перуза де Монкло и отказом ФАР финансировать деятельность журнала, одиннадцать членов редакции образовали ассоциацию «Новая современная Африка», продолжив его издание. Среди них — бывшие редакторы журнала, эксперты по вопросам безопасности и развития Африканского континента с опытом работы в ФАР (Ф. Гольм, Ж.-Б. Верон).

В курируемом одновременно двумя министерствами Институте исследований в области развития (Institut de recherche pour le développement, IRD) работает целая плеяда экспертов-африканистов, в том числе упомянутый М.-А. Перуз де Монкло, как и не менее известный специалист — Ж.-М. Шатенье, некогда находившийся на должности Специального посланника Франции и ЕС в государствах Сахеля. С 2008 г. совместно с Институтом исследований в области развития Сорбонны (Париж 1 Пантеон-Сорбонна) функционирует лаборатория Развития и общественных систем (UMR Développement et Sociétés). Сорбоннский университет в Париже связан с именем еще одного исследователя-африканиста Ф. Маршезана, лектора курсов, посвященных тематике содействия международному развитию (CMP) и взаимодействия по линии Север–Юг.

С 2003 г. во Франции действует Фонд исследований в области международного развития (Fondation pour les études et recherches sur le développement international, FERDI)¹⁶ — независимая некоммерческая организация, которая, тем не менее, почти на четверть зависит от государственного финансирования. Фонд, к работе в котором были привлечены как французские эксперты (среди них — экс-директор Всемирного банка, сотрудник IRIS С. Михайлоф), так и их

¹⁵ Revue «Afrique contemporaine»: la réaction de l'AFD // AFD. 26.03.2019. Available at: <https://www.afd.fr/fr/actualites/revue-afrique-contemporaine-la-reaction-de-lafd> (accessed: 05.06.2025).

¹⁶ Fondation pour les études et recherches sur le développement international. Available at: <https://ferdi.fr/> (accessed: 05.06.2025).

коллеги из-за рубежа (например, ведущий британский экономист по вопросам развития П. Коллиер), издает различные аналитические доклады при поддержке правительства Франции. С 2018 г. в структуре FERDI выделилось самостоятельное подразделение, занимающееся проблемами развития в Сахеле (в г. Уагадугу под председательством бывшего премьер-министра Буркина-Фасо Т. Зонго). Примечательно в контексте данного исследования, что инициатива создания этого подразделения возникла вследствие публикации под эгидой FERDI книги «Сочетать безопасность и развитие: призывы для Сахеля» («Allier sécurité et développement: Plaidoyer pour le Sahel») и того резонанса, который она вызвала (табл. 1).

Таблица 1

**Аффилиация французских африканистов,
специализирующихся на проблемах безопасности и развития**

Исследователь	МИД/ФАР	Научно-исследовательские центры IRD/IFRI/ IRIS/FERDI	Французские университеты	Журналы «Современная Африка» / «Внешняя политика» (AC) / (PE)
Жан-Марк Шатенье (Jean-Marc Châtaigner)	МИД, ФАР	IRD	–	AC (П) PE (П)
Филипп Маршезан (Philippe Marchesin)	–	–	Париж 1 Пантеон-Сорбонна	–
Франсуа Гольм (François Gaulme)	МИД, ФАР	IFRI	Сьянс-По Париж	AC (Р; П) PE (П)
Серж Михайлоф (Serge Michailof)	ФАР	IRIS FERDI	Сорбонна, Сьянс-По Париж	PE (П)
Жан-Бернар Верон (Jean-Bernard Véron)	ФАР	–	–	AC (Р; П)
Марк-Антуан Перуз де Монкло (Marc-Antoine Perouse de Montclos)	–	IRD	Университет Париж-8	AC (Р; П)

Примечание: Р — редакторство; П — публикация.

В табл. 1 продемонстрировано, что осмысление концепта «связки» во Франции происходило в среде экспертов-африканистов, многие из которых аффилированы в прошлом или настоящем с французской государственной службой. Так, исследователи, аффилированные с французскими независимыми «мозговыми центрами» (IFRI, IRIS), имеют профессиональный опыт в МИД, ФАР и в той или иной форме поддерживали научные контакты с данными ведомствами — в качестве редакторов журнала «Современная Африка» или же авторов аналитических материалов под эгидой ФАР/МИД. М.-А. Перуз де Монкло разорвал связи с ФАР, уйдя в отставку с поста главного редактора курируемого агентством журнала, однако работает в государственном учреждении (IRD), подотчетном не только Министерству образования и науки, но и МИД. В категорию внесистемного (т.е. независимого) исследователя в большей степени попадает Ф. Маршезан, аффилированный с Университетом Сорбонны в первую очередь в качестве преподавателя. Возникает закономерный, на наш взгляд, вопрос о том, имел ли процесс интеграции концепта «связки» в научный оборот в случае Франции эндогенную природу или же был следствием централизованного процесса принятия внешнеполитических решений (со вспомогательной и эпизодической ролью исследовательских кругов)? Иными словами, кто выступал инициатором данного дискурса — органы государственной власти, формулировавшие соответствующие запросы в адрес экспертного сообщества, или же непосредственно исследовательская среда в ответ на объективные международные тенденции?

Концепт связи «безопасность — развитие»: трудная адаптация к французским реалиям

Процесс секьюритизации повестки СМР¹⁷, мощным катализатором которого стали события 11 сентября 2001 г. [Châtaigner, 2004; Veron, 2004; Châtaigner, Gaulme, 2005; Gaulme, 2011a, 2011b; Marchesin, 2016], не только определил американский внешнеполитический вектор в начале XXI в., но и приобрел глобальный охват. В какой-то

¹⁷ Следует сделать оговорку: некоторые исследователи небезосновательно постулируют, что речь идет всё-таки не о «секьюритизации», а о «ресекьюритизации» повестки международной помощи, изначально вписанной в контекст биполярной конфронтации. Под самим же понятием подразумевается подчинение политики содействия развитию императивам глобальной и национальной безопасности [Бартенев, 2011].

степени это было сопряжено с проблемой «вакуума легитимности» деятельности международных доноров в отсутствие биполярной конфронтации [Véron, 2004; Châtaigner, 2006]. Вектор секьюритизации (*security turn*) во французской стратегии в сфере СМР обозначился в середине 2000-х годов: с 2005 г. в ежегодных отчетах ФАР начал фигурировать раздел «Хрупкие государства и урегулирование конфликтов» («Fragile States and Conflict Resolution») [Marchesin, 2016: 65]. Надо сказать, что в вопросе концептуальной проработки проблематики «хрупких государств» Франция явно не находилась в авангарде, в отличие от США, Великобритании или же Германии [Gaulme, 2010: 729; Marchesin, 2016: 65]. Французские экспертные дискуссии на рубеже веков, как правило, были сосредоточены вокруг концепции «приватизации государства» (*la privatisation des Etats*) или же, напротив, геополитических теорий, оказавшись в меньшей степени затронутыми влиянием англосаксонского концепта [Gaulme, 2010: 731]. В некотором смысле противопоставление англофонному миру, скепсис в отношении продукта англосаксонской мысли и определили французский подход к осмыслению взаимосвязи проблем безопасности и развития, по крайней мере на первых порах.

Большинство франкофонных исследователей (исключение — представители Канады, Швейцарии) разделяли аргументацию критиков «связки», апеллировавших к неопределенности содержания этой концепции [см. подробнее: Бартенев, 2015: 85–88; Юдин, 2016]. Пожалуй, особенно наглядно это проявилось в дискурсе о «несостоявшихся» и «хрупких» государствах — англосаксонских по своему происхождению концепциях, которые французское экспертное сообщество долгое время сознательно игнорировало или же и вовсе отвергало. Запутанные перипетии теоретической концептуализации и практического применения вызвали незначительный отклик во Франции — как на дипломатическом треке, так и в научно-академической среде [Gaulme, 2011a: 19]. Проблемы возникли еще на стадии решения лингвистических казусов, связанных с переводом понятий с языка Шекспира на язык Мольера, не говоря уже об уточнении их дефиниций. В качестве аналога английского причастия *failed* («несостоявшийся») зачастую используется французское *failli*, которое, по сути, является калькой с английского языка, однако имеет другой, более специфический, контекст употребления (финансовый крах, банкротство). Более алармистский оттенок имеет причастие *effon-*

dré (collapsed), означающее крах политики, в то время как географ Дж. Даймонд употреблял это понятие в куда более широком смысле, говоря о падении цивилизаций как таковых [Gaulme, 2011a: 19].

От в строгом смысле политологического понятия *collapsed state* (классическим примером которого служил Сомали) произошел отход в сторону более широкой и комплексной концепции *failed state*, уступившей в середине 2000-х годов менее категоричному «диагнозу» — *fragile state*, что едва ли разрешило «спор о понятиях» [Châtaigner, Gaulme, 2005]. Этим была обусловлена распространенная тенденция ограничиваться минималистским подходом в определении «хрупких государств» [Gaulme, 2011a: 23]. Путь «наименьшего сопротивления» избрала и Французская Республика, которая, в отличие от других крупнейших двусторонних и многосторонних доноров, не формировала списки «хрупких государств», дабы не погружаться в сложные дискуссии в попытке найти наиболее точное и одновременно комплексное определение [Gaulme, 2011a: 24]. По сути, дефиницию данного понятия выводили с помощью описательного подхода, а именно перечисления характеристик состояния такого государства¹⁸ [Gaulme, 2011a: 24]. Вместе с тем в оправдание минималистского подхода французские эксперты всячески подчеркивали, что таким образом они «открещиваются» от стремления стигматизировать дискурс посредством «навешивания ярлыков» и занесения в «черный список» [Chataigner, Gaulme 2005: 3; Marchesin, 2016: 67].

Изначально неохотно инкорпориовавшие концепцию «хрупких государств» французские ведомства и исследовательские институты, впрочем, настороженно отнеслись и к перспективе монополизации международного дискурса англосаксонскими «мозговыми центрами» и университетами [Marchesin, 2016: 66]. Ключевыми драйверами активизации экспертных дискуссий в соответствующем тематическом поле во Франции, по сути, выступили МИД и ФАР. В 2005 г. под эгидой агентства вышел рабочий доклад, посвященный обновленному подходу к оказанию помощи развитию «хрупким» социальным образованиям в целях предотвращения и урегули-

¹⁸ Трудности в контроле над государственной территорией, предоставлении гарантий безопасности гражданам, обеспечении верховенства права и эффективного государственного управления, поставках базовых социальных услуг населению, а также в поддержании региональной и международной стабильности.

рования кризисных ситуаций [Châtaigner, Gaulme, 2005]. Авторы доклада — коллеги по службе на набережной Орсе Ж.-М. Шатенье и Ф. Гольм — выражали признательность за вклад в его редактирование среди прочих Ж.-Б. Верону, который, кстати, не только занимал должность советника директора по стратегии ФАР, но и возглавлял там отдел по вопросам предотвращения кризисных ситуаций и урегулированию конфликтов.

В годы шеф-редакторства Ф. Гольма (2003–2005) и Ж.-Б. Верона (2005–2015) финансируемый ФАР журнал «Современная Африка» приобрел во Франции статус площадки для освещения повестки безопасности и развития Африканского континента. В частности, с интервалом в 2 года было издано два тематических номера журнала: «Мир, безопасность и развитие» («Paix, Sécurité et Développement») в 2004 г. и «Конфликты, безопасность и развитие» («Conflits, Sécurité et Développement») в 2006 г. В первый из выпусков были помещены работы глав министерств Норвегии и Франции, курировавших вопросы международного сотрудничества. Таким образом, были представлены взаимодополняющие комментарии: точка зрения Королевства Норвегия, далеко шагнувшего в теоретическом осмыслении вопросов «миростроительства» (*peace-building*), но не отправлявшего войска в Африку, и, напротив, позиция Парижа, имевшего соответствующий практический опыт работы «на местах», но лишь совсем недавно возобновившего дискуссии в этом тематическом поле [Gaulme, 2004]. Последние, впрочем, отличаясь прагматизмом, были результатом не теоретической рефлексии, а прямых консультаций с правительствами африканских стран [Gaulme, 2004]. Неудивительно, что в предварявшей номер 2006 г. редакционной статье Ж.-Б. Верон выражал стремление глубже познакомить читательскую аудиторию с французской мыслью, которая зачастую «терялась» за нагромождениями англосаксонской литературы [Véron, 2006a: 5].

Аналогичную цель преследовала и редакция журнала «Внешняя политика», посвятившая первый номер 2011 г. проблематике «хрупких государств» (*Les États fragiles*). В числе «лучших представителей французской экспертной среды, специализирующихся на данном вопросе» [Bauchard, 2011: 10] и подготовивших материалы для номера, фигурировали все те же имена — Ф. Гольм, Ж.-Б. Верон, С. Михайлоф и др. К тому времени проблема нестабильных государств (особенно на сахельском направлении) заставляла Париж обратить на себя все

более пристальное внимание [Antil, Touati, 2011], однако французские «мозговые центры» и профильные ведомства продолжали соблюдать определенную сдержанность при обращении к данному измерению теоретического дискурса, пребывавшего в состоянии «концептуальной какофонии» [Bauchard, 2011: 11]. По-видимому, консенсус в отношении концепта связки «безопасность — развитие», уже определявшего к тому времени международную стратегию целого ряда западных доноров, относился прежде всего к его функциональной утилитарности, а не смысловой составляющей [Leboeuf, 2006: 69–70].

Неопределенность содержания — не единственная точка уязвимости концепта. Проблема политической ангажированности — излюбленный довод критиков «связки» [Бартенев, 2015: 88–89] — как правило, обозначалась на примере американских программ помощи. «Движимая прагматизмом и вполне конкретным национальным интересом, она [американская политика международной помощи] ориентирована на обеспечение безопасности прежде всего самих Соединенных Штатов»¹⁹ [Véron, 2006b: 27]. Приведем в пример рассуждения Ж.-М. Шатенье, который небезосновательно заявлял о возможных рисках делегитимизации механизма ОПР в глазах международного сообщества по ряду причин. Во-первых, в условиях смены секторальных приоритетов международной помощи развитию в пользу расходов на укрепление системы безопасности в стране-реципиенте могло произойти размывание границы между инициативами миростроительства и традиционным межгосударственным военным сотрудничеством [Châtaigner, 2004: 47]. Во-вторых, не исключено, что в таком случае повестка содействия развитию могла оказаться подчинена императивам обеспечения обороноспособности или стабильности режимов с оспариваемой легитимностью [Châtaigner, 2004: 41]. Кроме того, направляя дополнительное финансирование правительствам, выступавшим к тому же сторонами внутренних или международных конфликтов, доноры несли риски разделения ответственности за возможную эскалацию напряженности [Châtaigner, 2004: 46]. Наконец, это позволяло провайдерам ОПР приближать официальные значения объемов финансовых усилий к целевому показателю в 0,7% ВВП за счет включения военных расходов [Châtaigner, 2004: 47].

¹⁹ В данном случае актуален риторический вопрос: «О чем развитии и о чьей безопасности идет речь?» [Юдин, 2016: 47].

Среди последовательных антагонистов «связки» можно встретить представителей критического подхода к политике «Франсафрик». Весьма исчерпывающее на тот период исследование, где непосредственно освещалась проблема секьюритизации французской повестки содействия развитию, было опубликовано в 2016 г. в книге под общей редакцией С. Брауна и Й. Грэвингхольта «Секьюритизация иностранной помощи». Авторство главы, посвященной кейсу Франции, принадлежало преподавателю Сорбонны Ф. Маршезану [Marchesin, 2016]. Не стесненный профессиональными ограничениями государственной службы, он без экивоков указывал на то, что институт помощи с самого начала служил инструментом внешней политики Франции. Данная функция (корреляция) нашла институциональное воплощение в реформе 1998 г., когда Министерство сотрудничества было интегрировано в систему МИД страны [Marchesin, 2016: 72]. Да и сам основатель Пятой республики генерал Ш. де Голль прямо заявлял: «Все слаборазвитые государства, которые еще вчера находились в зависимости от нас, а сегодня являются нашими лучшими друзьями, просят о помощи. Однако зачем оказывать эту помощь, если она того не стоит?» [Marchesin, 2016: 82]. Не исключение (а скорее даже яркая иллюстрация) — французская стратегия урегулирования в Сахеле (см. подробнее далее), которая, по словам эксперта в сфере девелопменталистики, нацелена на процветание французского бизнеса в Западной Африке. Впрочем, в рецензии на одну из работ Ф. Маршезана, посвященную французской политике помощи, видный специалист в области СМР, в прошлом — посол Франции в Кении, Гане и ДРК П. Жакмо подверг обширной критике тезисы коллеги о непрозрачности и эгоистической направленности французской ОПР [Jasquemot, 2023].

Эксперты с внушительным опытом работы на государственной службе Франции обращали внимание на проблему выстраивания эффективной координации действий между силовыми структурами и ведомствами, ответственными за сферу СМР, тем более если бы программы помощи оказались каким-то образом «вписаны» в рамки политики в сфере миростроительства или же подчинены ее логике. В то же время, исходя из международного опыта теоретического осмысления «связки», за таким нарочитым вниманием к данной проблеме может скрываться «зияющая пустота этого концепта», как и стремление снять ответственность за решения, принятые

в отсутствие продуманной политической стратегии [Юдин, 2016: 52–53]. Возможно, сахельский кейс, о котором речь пойдет далее, представлял собой именно тот самый случай.

Таким образом, концепт «связки» сначала воспринимался во французской экспертной среде как чужеродный конструкт англосаксонского происхождения, который скорее включает в себе множество рисков и ограничений, нежели отражает объективную взаимозависимость между проблемами безопасности и развития. И хотя определенные инициативы по включению данной повестки в международную политику Франции начали предприниматься с середины 2000-х годов, они происходили во многом под «давлением» внешней среды (практика других ведущих международных доноров и мониторинг со стороны ОЭСР²⁰ и др.). Те французские исследователи, которые не проигнорировали концепт «связки», вступали в дискуссии во многом с той целью, чтобы демонополизировать дискурс и избавить его от излишней шаблонности и претенциозности на универсальность.

Сахельская «ловушка конфликтности» и секьюритизация нарратива о «хрупких государствах»

В 2012 г. в разгар кризиса на территории Мали министр иностранных дел Франции Л. Фабиус провел аналогию между неурегулированной ситуацией в Афганистане и стремительными процессами, дестабилизировавшими обстановку в Сахеле, употребив понятие-неологизм «Сахелистан» [Malejacq, Sandor, 2020]. Той же логике следовал и проработавший не один год в качестве специалиста от ФАР и Всемирного банка в Афганистане, Мали, Нигере и Чаде С. Михайлоф, автор книги «Африканистан. Окажется ли африканский кризис в наших пригородах?» (2015). Данная работа по своей направленности служила чем-то вроде манифеста, призванного секьюритизировать (т.е. придать статус особой важности) Сахаро-Сахельское измерение в контексте французского дискурса по вопросам безопасности и развития. Впрочем, проблема «Сахелистана» уже к началу 2010-х годов уверенно вышла на первый план международной политики бывшей метрополии, с чем в немалой степени и было связано утверждение концепта «хрупкого государства» во Франции, давно задействованного в лексическом

²⁰ Организация экономического сотрудничества и развития. — *Прим. ред.*

обороте по другую сторону Атлантики [Gaulme, 2011a: 19]. Всё более отчетливо обозначалась перспектива эффекта «перелива» (*spillover effect*) из простиравшейся от Сахеля до Африканского Рога «дуги нестабильности» в Европу (в том числе на территорию Франции), прежде всего через набиравшие масштабы миграционные потоки с Черного континента [Michaïlof, 2011: 34].

Природу малийского кризиса нередко трактовали сквозь призму «связки» и находили объяснение росту насилия в первую очередь в нерешенных проблемах системного характера: бедности, неравенстве, неэффективном государственном управлении. «Немногие регионы демонстрируют настолько тесную взаимосвязь между проблемами безопасности и развития, как Сахель»²¹, — утверждала в интервью глава подразделения ФАР в Сахеле Ф. Шалье. Международное сообщество, обеспокоенное событиями в Мали²², не только предпринимало инициативы дипломатического²³ и военного урегулирования кризиса²⁴, но и мобилизовало финансовые усилия на цели развития государств Сахеля. В мае 2013 г. в Брюсселе при участии Парижа была создана международная конференция доноров в целях развития Мали (*Ensemble pour le Renouveau du Mali*). В итоговом коммюнике, подписанном главами Европейской комиссии, Франции и Мали, была обозначена формула «связки» как основополагающий принцип конференции²⁵. Для координации действий стран региона, объединенных в «Сахельскую пятерку» (G5 Sahel: Буркина-Фасо,

²¹ The Sahel: No security without development // AFD. 05.04.2022. Available at: <https://www.afd.fr/en/actualites/sahel-no-security-without-development> (accessed: 05.06.2025).

²² См., к примеру, статью А. Гутерриша, Верховного комиссара ООН по делам беженцев в 2005–2016 гг.: Guterres A. Why Mali matters? // The New York Times. 04.09.2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/09/05/opinion/why-mali-matters.html> (accessed: 05.06.2025).

²³ В 2015 г. в Алжире было подписано Соглашение о мире и примирении в Мали (при посредничестве ЕС, ООН, АС и др.).

²⁴ В начале 2013 г. Франция развернула на территории Мали операцию «Сервал» (с 2014 г. — операция «Бархан»), а в апреле того же года Резолюцией № 2100 СБ ООН была утверждена Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали. Кроме того, с 2013 г. осуществлялась военно-тренировочная миссия ЕС «EU Training Mission in Mali», а с 2020 г. под флагом объединения была создана военно-целевая группа «Takuba Task Force».

²⁵ International Donors Conference «Together for a New Mali» (Brussels, 15 May 2013): Joint chairs conclusions // The Diplomatic Service of the European Union. 07.05.2013. P. 2. Available at: https://eeas.europa.eu/archives/docs/statements/docs/conclusions_-_mali_-_15.05_en.pdf (accessed: 05.06.2025).

Мавритания, Мали, Нигер, Чад), и западных провайдеров безопасности и помощи (в первую очередь Франции — основного инициатора) в 2020 г. была сформирована Коалиция для Сахеля (*Coalition pour le Sahel*). Заложенный в ее основу комплексный подход предполагал четыре магистральных направления деятельности в этом регионе: борьба с терроризмом, укрепление военного потенциала стран «Сахельской пятерки», содействие возвращению государства и помощь развитию²⁶.

В стратегическом документе Пятой республики относительно выстраивания взаимодействия с «хрупкими государствами» на период 2018–2022 гг. был представлен всеобъемлющий подход, предполагавший сочетание инструментов в соответствии со стадией кризисного реагирования. Программы развития признавались наиболее релевантными в качестве превентивной меры и на этапе постконфликтного восстановления, т.е. на первом и последнем этапах, когда степень интенсивности конфликта находится на низком уровне. Если же «победить насильственный экстремизм без помощи оружия», как провозглашалось в документе, не удастся, то в условиях эскалации напряженности необходимо задействовать дипломатические, военные рычаги в сопровождении мер гуманитарного характера²⁷. Принятый при президенте Э. Макроне подход «3D» применительно к странам Сахеля был разработан совместными усилиями оборонного, внешнеполитического ведомств и ФАР. Компонент «безопасность» предполагал противодействие террористической угрозе в регионе; дипломатия — мобилизацию акторов для поиска стратегии урегулирования конфликта; развитие — обеспечение устойчивого доступа населения к широкому спектру прав и возможностей²⁸.

В практической плоскости новый стратегический подход Парижа выражался не только в количественных параметрах (увеличении

²⁶ La Coalition pour le Sahel, un nouveau cadre pour l'action internationale // Alliance Sahel. 18.12.2020. Available at: <https://www.alliance-sahel.org/presse/coalition-pour-le-sahel/> (accessed: 05.06.2025).

²⁷ Prévention, résilience et paix durable (2018–2022): Approche globale de réponse à la fragilisation des Etats et des sociétés // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 2018. P. 24. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/meae_strategie_etatsfragiles_bd_web_cle091a27.pdf (accessed: 05.06.2025).

²⁸ La France au Sahel, l'approche 3D // AFD. February 2020. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/la-france-au-sahel-lapproche-3d> (accessed: 05.06.2025).

французских ассигнований на цели развития стран Сахеля²⁹), но и в качественном отношении. В частности, в изменении структуры, секторальных и тематических приоритетов помощи, что небезосновательно трактуется Ф. Маршезаном как проявление секьюритизации французской ОПР [Marchesin, 2016]. Например, эксперт ссылается на информацию, полученную в ходе приватного разговора с бывшим министром, отвечавшим за французскую политику международной солидарности, о том, что расходы в рамках проведения военной кампании Франции в Сахеле (в частности, зарплатное обеспечение военных) частично финансировались за счет ассигнований по ОПР [Marchesin, 2016: 72]. Другой важной расходной статьей ОПР, по официальным данным, был сектор государственного управления, фигурировавший в докладах ФАР о деятельности в Сахеле с 2020 г. Так, в тот год 60% помощи развитию Республики Мали, направленных агентством, предназначались сектору государственного менеджмента³⁰. Список проявлений тенденции секьюритизации во французской политике помощи развитию мог бы быть продолжен, но это, пожалуй, составляет предмет отдельного исследования.

Метаморфозы в политике Франции в Сахеле сопровождались оживлением экспертных дискуссий вокруг проблем безопасности и развития в регионе. В обобщенном виде они сводились к поиску ответов на два магистральных вопроса: «кто виноват?» и «что делать?».

«Кто виноват?» Первый вопрос относился к природе охватившего страны региона кризиса и, разумеется, не предполагал однозначного ответа. Специальный посланник Франции и ЕС в Сахеле Ж.-М. Шатенье считал релевантным введенный П. Коллиером концепт «ловушки конфликтности» (*conflict trap*) [Châtaigner, 2019a: 78]. Согласно концепции, оказавшись однажды в состоянии гражданской войны, государство рискует пребывать в нем десятилетиями, так как внутренний конфликт порождает дополнительные стимулы для его дальнейшего развития в виде ослабленной социально-экономической системы и утверждения «культуры насилия» [Collier et al., 2003]. Кроме того, французский эксперт придавал большое

²⁹ Так, из 2,1 млрд евро, предоставленных ФАР странам Сахеля за период 2013–2018 гг., 799 млн евро (38%) пришлось на 2017–2018 гг. Sahel — Bilan d'activité // AFD. 2018. P. 4. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/sahel-bilan-dactivite-2018> (accessed: 05.06.2025).

³⁰ Sahel — Bilan d'activité // AFD. 2020. P. 3. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/sahel-bilan-dactivite-2020> (accessed: 05.06.2025).

значение детерминантам в демографической и экологической сферах. Упадок сельскохозяйственного сектора на фоне последствий климатических изменений вынуждает быстрорастущее молодое население³¹ получать доход из нелегальных источников (контрабанда оружия, наркоторговля и др.), а также обостряет традиционные для Сахаро-Сахельского региона противоречия между земледельцами и скотоводами. Как отмечает Ж.-М. Шатенье, основные мотивы попадающих в сети джихадизма новобранцев отнюдь не принадлежат к сфере идеологического нематериального — чувство социальной несправедливости и побуждения экономического характера в значительной степени определяют выбор ими такого пути [Châtaigner, 2019a: 82].

Впрочем, ведущий специалист по вопросам безопасности в Субсахарской Африке А. Антиль не разделял стремлений коллег навешивать ярлык «бедность — насилие» применительно ко всему Сахелю. Он приводил в пример Буркина-Фасо, одну из беднейших стран в мире, которая, тем не менее, в течение 55 лет со времен обретения независимости не становилась ареной вооруженного насилия на своей территории³². Природа насилия куда более сложная и, по его мнению, связана в первую очередь с ненадлежащим государственным управлением [Antil, 2020]. В условиях «отсутствующего Левиафана» [см. подробнее: Аджемоглу, Робинсон, 2021] и дефицита ресурсов террористические движения на пространстве Сахеля инструментализируют проблему доступа к социальным благам и апеллируют к дисфункции государственных институтов [Antil, 2020]. При этом каждая страна двигалась по собственной траектории государственного развития. Так, Республика Мали, по мнению ряда экспертов, ошибочно ориентировалась на импортирование внешних моделей государственного администрирования [Châtaigner, Chevalier, 2019]. Как отмечает Ф. Гольм, составленные специальными

³¹ С 2001 г. ежегодный прирост численности населения Мали составлял 3% и выше. Нигер достиг таких демографических показателей еще в 1980 г. Population growth (annual %) — Niger, Mali, Burkina Faso // The World Bank Group. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=NE-ML-BF> (accessed: 05.06.2025).

³² Всё-таки значение имели и социокультурные факторы. В отличие от Буркина-Фасо с 60% мусульман в составе населения, в соседних Мали, Нигере, Мавритании подавляющее большинство жителей (более 90%) исповедуют ислам, т.е. в этих странах априори более широкая социальная база для распространения ислама радикального толка [Guillaumont Jeanneney et al., 2016].

юристами конституции Мали были не более чем «жалкой копией» моделей, привнесенных из-за рубежа [Gaulme, 2013]. Власти независимого Нигера, напротив, избрали политический курс, сочетавший традиции и современность и позволивший взрастить чувство принадлежности к унитарному государству [Châtaigner, Chevalier, 2019]. Примечательно, однако, то, что на протяжении двух десятилетий именно Республика Мали представлялась в качестве модели демократического и стабильного африканского государства. В отличие от соседних стран региона (в том числе Нигера), она не фигурировала в списке «хрупких государств» Всемирного банка. Как объясняют исследователи, многопартийный демократический режим в Мали обосновал свою легитимность через проведение серии международно признанных избирательных процессов, а также благодаря динамичному развитию гражданского общества, что привлекло значительные суммы внешнего финансирования, особенно со стороны бывшей метрополии [Antil, Touati, 2011]. Однако за «витриной» благополучия скрывались всё те же африканские проблемы: высокий уровень коррупции, наркотрафик вкупе с нерешенным туарегским вопросом, что в конечном счете привело страну к расколотому состоянию [Gaulme, 2013].

Разумеется, комплекс внутренних застарелых проблем был не единственным источником кризисных явлений в зоне Сахеля. Третья группа факторов, которые в меньшей степени, но всё же упоминались во французской аналитике, имели внешнее происхождение. В первую очередь — последствия ливийского кризиса, значение которых французские исследователи не отрицали, хотя и, как правило, обходили стороной причастность Пятой республики к свержению лидера Ливийской Арабской Джамахирии М. Каддафи. В годы его правления границы государства стали открытыми для проживавших в соседних Мали, Нигере туарегов, многие из которых вступили в ряды Ливийской национальной армии. Начало внутреннего конфликта в Ливии привело к оттоку туарегов, оснащенных современным французским оружием, обратно на историческую родину и впоследствии к созданию на территории Мали «Национального движения за освобождение Азавада» (НДОА) [Châtaigner, 2019a]. Наложили негативный отпечаток на динамику социально-экономического развития стран Сахеля и последствия проводимой в конце 1980-х — 1990-х годах политики «структурной

адаптации» (*structural adjustment*) (например, в ключевом для этих стран сельскохозяйственном секторе³³).

Расхождения во мнениях о первопричинах сахельского кризиса, очевидно, ограничивали возможность экспертного сообщества приблизиться к отчетливому ответу на вопрос «*что делать?*». Достаточно взглянуть на некоторые рецензии Ж.-Б. Верона [Véron, 2015, 2022], критиковавшего работы коллег за отсутствие каких-либо практических выводов и рекомендаций для французской внешне-политической стратегии.

Первое направление рефлексии было обращено к поиску оптимальной конфигурации компонентов безопасности и развития в политике кризисного урегулирования в регионе. Отдельному исследованию этого вопроса была посвящена аналитическая записка эксперта IRIS С. Михайлофа, в которой он заявлял о «тупиковости» последовательного подхода: сначала — безопасность, потом — развитие. Если вспомнить, именно в соответствии с этим принципом была построена стратегия Франции в отношении «хрупких государств» (вовлечение программ развития уже на стадии постконфликтного восстановления или же в качестве превентивной меры). Миротворцы ООН, осуществляющие миссию в Мали, как отмечал эксперт, с трудом обеспечивают собственную безопасность, тем более когда обстановка в стране остается крайне напряженной в связи с отсутствием соглашения со всеми конфликтующими сторонами. К тому же иностранное военное присутствие может восприниматься как оккупация. Для того чтобы не допустить «афганизации» проблемы урегулирования в Сахеле, эксперт ФАР предлагал европейским донорам взять на себя часть расходов в секторе безопасности африканских партнеров (не только на обучение, но и на зарплатное и логистическое обеспечение, обмундирование, техническое оснащение и др.). Экипировка, обучение и финансирование одного сахельского батальона обошлись бы, по его подсчетам, примерно в 15 млн долл.

³³ По мнению большинства французских экспертов, сельскохозяйственный сектор стран Сахеля находился в кризисном состоянии еще со времен (в том числе и по причине) реализации программ Структурной адаптации. Об этом в 2016 г. сообщалось в докладе Сената Франции, посвященном переосмыслению программ помощи развитию региона. То же самое наблюдалось и в образовательной сфере. Rapport d'information № 728 (2015–2016) «Sahel: repenser l'aide publique au développement» // Sénat. 29.06.2016. Available at: <https://www.senat.fr/rap/r15-728/r15-728.html> (accessed: 05.06.2025).

в год, в то время как ежегодные расходы на операцию «Бархан» превышали 650 млн евро [Michaïlof, 2017].

Широкое исследовательское внимание получила назревшая проблема содействия «возвращению государства» (*retour de l'Etat*). Однако уже само смысловое наполнение этого понятия было предметом дискуссий. Каким должно быть это государство? Как освободиться от неолиберальной ортодоксальности и адаптировать международно признанную веберианскую нормативную модель к местной специфике (например, к сосуществованию официальных и традиционных институтов власти)? [Gaulme, 2011b]. В докладе FERDI прозвучало важное обращение к международным донорам о том, что внешняя атрибутика демократии (в частности, электоральный процесс), на котором зачастую акцентируют внимание, совсем не означает развития реально функционирующих институтов управления в стране [Guillaumont Jeanneney et al., 2016].

Основой для эффективного государственного управления нередко виделась политика децентрализации [Châtaigner, 2019a; Châtaigner, Chevalier, 2019]. Этот процесс в странах Сахеля был запущен еще в конце прошлого века (в 1990-е годы — в Мали), а установка на его продолжение была зафиксирована в основополагающем пункте Алжирского соглашения от 2015 г. (это относилось в первую очередь к охваченным сепаратизмом северным территориям Мали, которым был предоставлен специальный статус). Однако полноценной децентрализации, как и имплементации пунктов соглашения, заключенного в Алжире, так и не произошло [Guillaumont Jeanneney et al., 2016; Gaulme, 2018]. В Республике Мали такая административная реорганизация представлялась угрозой сильному государству и в некотором смысле — даже территориальной целостности страны [Maïga, 2020], поэтому новые власти объявили о выходе из Алжирского соглашения в начале 2024 г.

Отсутствие твердой государственной руки в странах Сахеля проявлялось, по мнению экспертов, и в недостатках судебно-правовой системы, фактическая сила которой ослабевала по мере отдаления от города к сельской местности, где действовали нормы традиционного права [Antil, 2019]. Ж.-М. Шатенье предложил расширенную версию подхода «3D» за счет четвертого (правового) компонента (*Diplomatie, Défense, Développement, Droit* — дипломатия, безопасность, развитие, право). Правовое измерение, в понимании бывшего Посланника Франции в Сахеле, должно формировать юридические рамки для

имплементации инициатив на других треках. На законодательном уровне необходимо гарантировать доступ к основным социально-экономическим благам (т.е. право на развитие), как и право на безопасность, в том числе от национальных вооруженных сил, которые также должны подчиняться букве закона [Châtaigner, 2019a].

При всем несовершенстве французской экспертизы применительно к поиску механизмов кризисного урегулирования в Сахеле нельзя не заметить произошедшие на этом фоне очевидные метаморфозы в отношении французских интеллектуалов к концепту «связки», их переход из положения критического наблюдателя к проактивной позиции. Официальные и исследовательские круги Франции выступили в качестве драйвера концептуально-аналитического осмысления этого подхода и его имплементации на сахельском направлении внешней политики страны.

Об итогах французского присутствия в Сахеле: взгляд экспертного сообщества

М.-А. Перуз де Монкло утверждал, что французские операции в Мали изначально были обречены на провал. Еще в 2020 г. (т.е. до череды военных переворотов в странах Альянса государств Сахеля) он заявил о «проигранной войне»³⁴, оправданием для начала которой, по его мнению, стал искусственно сформированный нарратив о «Сахелистане» как еще об одном географическом измерении мирового джихада [Сидоров, 2019]. Западным политикам было куда проще объявить войну международному терроризму, чем содействовать решению проблем глубинного характера в странах региона, связанных в первую очередь с дисфункцией официальных властей и неэффективностью постколониальной модели государственного управления [Сидоров, 2019]. Такой ракурс освещения происходящего в Сахеле позволял французским военным опираться на недемократические режимы африканских стран, а последним — оправдывать внутренние репрессии и притязания на внешнюю (в частности, военную) помощь [Сидоров, 2019; Véron, 2022]. В конечном счете, заключал М.-А. Перуз де Монкло, французское вмешательство не только не способствовало восстановлению безопасности, но и всколыхнуло антифранцузские настроения [Véron, 2022]. Заметим, что

³⁴ В одноименной книге «Проигранная война: Франция в Сахеле» («Une guerre perdue, la France au Sahel»).

этот эксперт известен своими критическими замечаниями в отношении африканского вектора внешней политики Франции [Дегтерев, Абрамова, 2024: 80–81]. Однако в его рекомендациях вывести задействованные в контртеррористических операциях французские вооруженные силы Ж.-Б. Верон видит недалекость коллеги относительно возможных последствий такого решения [Véron, 2022].

Впрочем, и эксперты, не относящиеся к разряду критиков «Франсафрик», были не менее пессимистичными в своих прогнозах. По мнению С. Михайлофа, Франция оказалась в заведомо проигрышном положении в войне с джихадизмом в Сахеле. Военный контингент операции «Бархан» в составе 4500 человек едва ли был способен восстановить безопасность на всей территории, площадь которой в несколько раз превышает французскую [Michaïlof, 2017]. Собственно, на всё те же объективные географические вводные, как и на другие факторы эндогенного характера (неэффективность малийской армии, коррумпированность, некомпетентность и отсутствие политической воли в рядах правящей там элиты и др.), как правило, и ссылались французские эксперты в попытках обосновать отсутствие прогресса в процессе урегулирования в Мали [см., например: Michaïlof, 2018]. «Французская армия не может одновременно отслеживать джихадистов и выполнять полицейские и административные задачи в стране, которая вдвое больше Франции. Более того, при осуществлении такой попытки ее справедливо обвинили бы в неокOLONIALИЗМЕ», — объяснял эксперт в работе с символическим названием «Мали: война без конца?» [Michaïlof, 2018: 55]. Собственно, мандат операции «Бархан» заключался не в обеспечении безопасности на всей территории страны, а в том, чтобы «перевести масштабы террористической угрозы в зону контроля/достижимости местных властей»³⁵.

Главный тезис, разделяемый большей частью экспертного сообщества, касался необходимости поиска стратегии своевременного выхода из затянувшейся французской военной кампании в Сахеле, дорого обходившейся французскому бюджету, — независимо от того, насколько изначально оправданным виделось им это вмешательство [см.: Antil, 2020; Michaïlof, 2023]. Если при Ф. Олланде Париж был

³⁵ Rapport d'information № 1841 (16e législature) // Assemblée Nationale. 08.11.2023. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/l16b1841_rapport-information# (accessed: 05.06.2025).

решительно настроен на быструю победу в войне с джихадистами, то по мере приближения к началу срока Э. Макрона эта перспектива становилась всё более отдаленной, если не маловероятной. Данное обстоятельство подвигло президента заявить в 2019 г., что Франция останется вместе с Мали столько, сколько необходимо [Сидоров, 2019]. Как известно, вывод военного контингента всё-таки состоялся, однако под давлением неблагоприятных для бывшей метрополии обстоятельств — распространения антифранцузских настроений в странах Сахеля и распада сети французских союзов в регионе, ознаменовав «бесславное завершение» операции «Бархан» [Филиппов, 2022a]. «Мы должны признать, что начало операции “Бархан” в 2014 г. было сопряжено с необоснованными целями и отсутствием стратегии выхода. Разве мы не должны были вывести большую часть наших сил в 2013 г., после первых выборов президента И.Б. Кейта, чтобы возложить на него ответственность за восстановление малийского государства и армии? Или когда тот, к гневу МВФ, решил приобрести президентский самолет за счет военного бюджета <...>? Но самое главное, поддерживая почти 10 лет присутствие наших вооруженных сил в бывшей колонии, разве мы не должны были ожидать феномена отторжения?» [Michailof, 2023: 33].

Проблема французской политики в Сахеле заключалась не только в несвоевременном завершении военной кампании, но и в очевидном преобладании этого компонента над повесткой содействия развитию. В исследовании FERDI 2016 г. были обозначены риски того, что Франция будет играть роль «сахельского жандарма», а бремя взаимодействия с гражданскими структурами и реализации программ социально-экономического значения в полной мере ляжет на плечи других международных доноров [Guillaumont Jeanneney et al., 2016]. В табл. 2 продемонстрирован парадокс французской политики в Сахеле: в то время как международное сообщество направляло большую часть средств на поддержку программ развития, Париж был вынужден в первую очередь финансировать расходы в рамках военной кампании и по остаточному принципу ассигновать достаточно ограниченные суммы в рамках двусторонней помощи. Тем острее ощущалось затягивание операции «Бархан».

В июле 2024 г. IFRI при поддержке ФАР выпустил аналитический доклад «Надежды и пределы стабилизации в Сахеле» [Gaulme, Antil, 2024]. Соавтором небезызвестного Ф. Гольма выступил директор

Таблица 2

**Сравнение объемов международных усилий в направлении Сахеля
в форме военных расходов и помощи развитию в 2014 г. (млн долл. США)**

Провайдеры помощи	Военные расходы	Помощь (доведенные средства)
Международное сообщество	1500	4006
Франция (двусторонняя помощь)	653	241
Международное сообщество(исключая двустороннюю помощь Франции)	847	3765

Источник: Guillaumont Jeanneney et al., 2016.

Центра Субсахарской Африки IFRI А. Антиль, специализирующийся на вопросах безопасности в данном регионе. Осмысляя опыт западных доноров в применении так называемого интегрированного территориального подхода (ИТП) (*l'approche territoriale intégrée*) в отношении стран «Сахельской пятерки», эксперты приходят к выводу о запоздалости данной инициативы. Утвержденный в 2020 г. ИТП вписывался в задаваемые рамки подхода 3D, что фактически засвидетельствовало триумф связки «безопасность — развитие» во французской стратегии в Сахеле. В противоположность секторальному подходу при оказании международной помощи ИТП предполагал координацию действий на треках содействия развитию и конфликтного урегулирования в пределах 10 зон Сахельского региона. Однако на практике это оказалось труднореализуемой инициативой. Ф. Гольм в подробностях освещает те вызовы, с которыми пришлось столкнуться на этом пути его коллегам из ФАР, в первую очередь при выстраивании коммуникации с представителями военных ведомств — как в центре принятия решений, так и на местах [Gaulme, Antil, 2024]. Особенно тяжелая ситуация сложилась в зоне Липтако-Гурма («трехграницье» — Мали, Нигер, Буркина-Фасо), в эпицентре региональных кризисных тенденций, в условиях которых не был готов работать ни один оператор помощи. Комментируя эффективность интегрированного подхода, российский эксперт А. Чихачёв обратил внимание на закономерный итог — распыление сил относительно немногочисленного вооруженного контингента, задействованного одновременно в нескольких задачах, на огромной

по площади территории, что не позволяло осуществлять крупные маневры [Чихачёв, 2022].

* * *

Интеграция концепта «связки» во французский дискурс проходила тернистым путем: от практически полного игнорирования и неприятия очередного англосаксонского аналитического паттерна до его закономерной адаптации к суровым реалиям сахельского урегулирования — центральной проблемы в повестке африканской политики Пятой республики с начала 2010-х годов. Разумеется, переход от критики теоретического конструкта на принципах «do no harm» («не причинить вреда»)³⁶ к выработке конкретных рекомендаций по его практическому применению оказался весьма сложным и неоднозначным процессом. Разноголосица обозначилась еще на этапе «постановки диагноза». Кризис государственного управления? Связка «бедность — насилие»? Возможно, вмешательство внешних обстоятельств (в частности, последствия внутреннего конфликта в соседней Ливии)? Было очевидно для всех, что насильственное восстановление государственного присутствия на территории стран Сахеля не станет долгосрочным решением, тем более что осуществлявший весьма затратные антитеррористические операции французский контингент не мог оставаться там вечно, как и обеспечивать безопасность в регионе, в несколько раз превышающем по площади Францию. В этой связи внимание экспертного сообщества было в немалой степени сфокусировано на том, каким образом обеспечить устойчивость государственных образований на территории Сахеля и посредством укрепления регулирующей роли государства добиться прогресса на треках безопасности и развития.

Однако по мере того как операция «Бархан» приобретала затяжной характер, французские исследования стали пестреть алармистскими заголовками с вариациями употребления слова «бесконечность» («бесконечная война», «бесконечное насилие» и др.). Критически настроенные к политике «Франсаффрик» исследователи, пожалуй, среди первых обозначили сценарий провала французской

³⁶ Под таким названием получил известность проект американской исследовательницы М. Андерсон конца 1990-х годов. Благодаря ему понятие «конфликточувствительность» (*conflict-sensitivity*), подразумевающее тщательную оценку рисков причинения вреда при реализации программ помощи, стало новой «мантрой» в сфере содействия развитию [Бартенев, 2023: 148–149].

политики в Сахеле, хотя их пессимизм в немалой степени разделяли и коллеги из МИД и ФАР. Между тем складывается впечатление, что некоторые исследования были изданы скорее для того, чтобы в какой-то мере оправдать неудачи французской стратегии (трудностью координации усилий между военными и специалистами в сфере деверлопменталистики, уязвимостью политических режимов в странах Сахеля и др.). Это неудивительно с учетом того, что французский дискурс по «связке» развивался в достаточно тесных кругах экспертов-практиков из французских ведомств и ученых из «мозговых центров», которые при всем желании едва ли способны абстрагироваться от воздействия государственно-центричной научно-исследовательской среды. Располагая значительными административными ресурсами, Елисейский дворец вполне мог определять фарватер национальных экспертных дискуссий или по крайней мере вносить в него корректировки, как, например, показал опыт журнала «Современная Африка». Проблема затрудненной обратной связи между государством и интеллектуальной средой ускорила наступление кризиса политики «Франсафрик», в том числе ее идейной составляющей [Африканский вектор внешней политики Франции..., 2024: 18–21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021.
2. Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик» / Отв. ред. С.М. Фёдоров. М.: Институт Европы РАН; Весь мир, 2024.
3. Бартенев В.И. Связка «безопасность — развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к контекстуализации // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 78–97. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.42.5.
4. Бартенев В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. Т. 6. № 3. С. 37–50.
5. Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163.
6. Дегтерев Д.А. «Коллективная опора на собственные силы»: новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного

мира // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2 (67). С. 60–81. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81.

7. Дегтерев Д.А. От «созерцательного регионоведения» к прикладным кросс-региональным исследованиям // Регионы в политике, политика в регионах. Политическая наука: Ежегодник-2023 / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, Л.А. Фадеева, Р.В. Евстифеев. М.; Пермь: Титул; ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2023. С. 103–121.

8. Дегтерев Д.А., Абрамова Е.А. «Архитекторы Франсафрик»? Экспертно-аналитическое обеспечение современной политики Франции в Африке // Современная Европа. 2024. № 5. С. 74–87. DOI: 10.31857/S0201708324050061.

9. Кравцов А.А., Черноуцан Е.М. Национальный центр научных исследований как основа развития фундаментальной науки Франции: специфика и современные проблемы // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2020. № 4. С. 98–115. DOI: 10.33983/2075-1826-2020-4-98-115.

10. Сидоров А.С. Африканский джихад со старыми корнями? // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 3. С. 120–123. DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.8.

11. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 1. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8.

12. Филиппов В.Р. Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 144–156. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156.

13. Филиппов В.Р. Феномен «Франсафрик» в зеркале французской историографии // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 3. С. 73–87. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-73-87.

14. Чихачев А.Ю. После Сахеля: закат французского интервенционизма? // РСМД. 09.12.2022. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-sakhelya-zakat-frantsuzskogo-interventsionizma/> (дата обращения: 05.06.2025).

15. Юдин Н.В. Связка «безопасность — развитие»: проблемы теоретического осмысления // Вестник Московского университета. Серия XXV: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8. № 1. С. 39–71.

16. Antil A. Sahel: soubassements d'un désastre // Politique étrangère. 2019. Vol. 84. No. 3. P. 89–98. DOI: 10.3917/pe.193.0089.

17. Antil A. Violence sans fin au Sahel // Études. 2020. Vol. 9. P. 19–30. DOI: 10.3917/etu.4274.0019.

18. Antil A., Touati S. Mali et Mauritanie: pays sahéliens fragiles et États résilients // Politique étrangère. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 59–69. DOI: 10.3917/pe.111.0059.

19. Bauchard D. Introduction // Politique étrangère. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 10–15.

20. Buzan B. Rethinking security after the Cold War // *Cooperation and Conflict*. 1997. Vol. 32. No. 1. P. 5–28. DOI: 10.1177/0010836797032001001.

21. Châtaigner J.-M. Aide publique au développement et réformes des systèmes de sécurité: l'improbable rencontre du Dr Jekyll et de Mr Hyde // *Afrique contemporaine*. 2004. Vol. 1. No. 209. P. 39–49. DOI: 10.3917/afco.209.0039.

22. Châtaigner J.-M. La réforme du secteur de sécurité dans les États et sociétés fragiles: Préalable indispensable au développement, ou dernière des illusions néocoloniales? // *Afrique contemporaine*. 2006. Vol. 2. No. 218. P. 101–117. DOI: 10.3917/afco.218.0101.

23. Châtaigner J.-M. La stabilisation du Sahel, nouveau rocher de Sisyphe? // *Politique étrangère*. 2019. Vol. 84. No. 3. P. 75–88. DOI: 10.3917/pe.193.0077.

24. Châtaigner J.-M. Sahel et France, enjeux d'une relation particulière // *Hérodote*. 2019. Vol. 1. No. 172. P. 123–136. DOI: 10.3917/her.172.0123.

25. Châtaigner J.-M., Chevalier C. Enjeux de paix et de développement: comment sortir le Sahel de la trappe à pauvreté? // *Annales des Mines — Réalités industrielles*. 2019. Vol. 3. P. 29–37. DOI: 10.3917/rindu1.193.0029.

26. Châtaigner J.-M., Gaulme F. Agir en faveur des acteurs et des sociétés fragiles. Pour une vision renouvelée des enjeux de l'aide au développement dans la prévention et la gestion de crises: Document de travail n°4. Paris: AFD, 2005. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/agir-en-faveur-des-acteurs-et-des-societes-fragiles> (accessed: 05.06.2025).

27. Collier P. et al. Breaking the conflict trap: Civil war and development policy. Washington, D.C.: World Bank, 2003.

28. Gaulme F. Conflits d'Afrique subsaharienne: l'éternel retour? // *Politique étrangère*. 2018. Vol. 83. No. 3. P. 39–50. DOI: 10.3917/pe.183.0039.

29. Gaulme F. Consolider les États fragiles // *Études*. 2010. Vol. 412. No. 6. P. 729–740. DOI: 10.3917/etu.4126.0729.

30. Gaulme F. Éditorial // *Afrique contemporaine*. 2004. Vol. 1. No. 209. P. 5–6. DOI: 10.3917/afco.209.0005.

31. Gaulme F. «États faillis», «États fragiles»: concepts jumelés d'une nouvelle réflexion mondiale // *Politique étrangère*. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 17–29. DOI: 10.3917/pe.111.0017.

32. Gaulme F. Intervenir au Mali: le retour du politique // *Études*. 2013. Vol. 5. No. 418. P. 583–594. DOI: 10.3917/etu.4185.0583.

33. Gaulme F. L'architecte et les États fragiles. L'aide au développement dans la sécurité mondiale // *L'Institut français des relations internationales (IFRI)*. December 2011. Available at: <https://www.ifri.org/fr/publications/etudes-delifri/larchitecte-etats-fragiles-laide-developpement-securite-mondiale> (accessed: 05.06.2025).

34. Gaulme F., Antil A. L'approche territoriale intégrée (ATI): Espoirs et limites d'une stabilisation locale au Sahel // *Etudes de l'IFRI*. July 2024. Available

at: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/ifri_gaulme_antil_ati_sahel_2024.pdf (accessed: 05.06.2025).

35. Guillaumont Jeanneney S. et al. *Allier sécurité et développement Plaidoyer pour le Sahel*. Vol. 1. Clermont-Ferrand: Fondation pour les études et recherches sur le développement international (Ferdi), 2016. Available at: <https://ferdi.fr/dl/df-VtMSyiido9x2EmdEdRAr9fBf/allier-securite-et-developpement-volume-1.pdf> (accessed: 05.06.2025).

36. Jacquemot P. Comment la Caisse française de développement devint l'Agence? // *Afrique contemporaine*. 2010. Vol. 4. No. 236. P. 128–129. DOI: 10.3917/afco.236.0128.

37. Jacquemot P. La politique française de coopération. «Je t'aide, moi non plus». *Afrique contemporaine*. 2023. No. 276. P. 263–279. DOI: 10.3917/afco1.276.0263.

38. Leboeuf A. Sécurité et développement: acteurs et consensus // *Afrique contemporaine*. 2006. Vol. 2. No. 218. P. 69–83. DOI: 10.3917/afco.218.83.

39. *L'empire qui ne veut pas mourir: Une histoire de la Françafrique* / Ed. by T. Borrel, A. Boukari Yabara, B. Collombat, T. Deltombe. Paris: Seuil, 2021.

40. Maïga Ch.K. *La faillite de l'Etat Malien: Les origines, les responsabilités, les pistes des solutions*. Bamako, 2020.

41. Malejacq R., Sandor A. Sahelistan? Military intervention and patronage politics in Afghanistan and Mali // *Civil War*. 2020. Vol. 22. No. 4. P. 543–566. DOI: 10.1080/13698249.2020.1813405.

42. Marchesin P. The securitization of aid: The case of France // *The securitization of foreign aid* / Ed. by S. Brown, J. Grävingholt. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 64–84.

43. Meimon J. Que reste-t-il de la Coopération française? // *Politique africaine*. 2007. Vol. 1. No. 105. P. 27–50. DOI: 10.3917/polaf.105.0027.

44. Michailof S. Comment sortir de l'ornière les pays «faillis»? // *Politique étrangère*. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 31–43. DOI: 10.3917/pe.111.0031.

45. Michailof S. Mali, une guerre sans fin? // *Revue Défense Nationale*. 2018. Vol. 2. No. 807. P. 51–55. DOI: 10.3917/rdna.807.0051.

46. Michailof S. Plaidoyer pour une nouvelle politique africaine // *Revue Défense nationale*. 2023. Vol. 5. No. 860. P. 33–39. DOI: 10.3917/rdna.860.0033.

47. Michailof S. Sahel: face à l'insécurité, l'aide publique au développement ne peut se contenter de slogans // *l'IRIS*. December 2017. Available at: <https://www.iris-france.org/> (accessed: 05.06.2025).

48. Véron J.-B. Éditorial // *Afrique contemporaine*. 2006. Vol. 2. No. 218. P. 5–7. DOI: 10.3917/afco.218.05.

49. Véron J.-B. Introduction thématique. Conflit, sécurité et développement: un nouveau paradigme, mais pour quels usages? // *Afrique contemporaine*. 2006. Vol. 2. No. 218. P. 19–32. DOI: 10.3917/afco.218.32.

50. Véron J.-B. La délicate mais indispensable implication de l'aide dans les conflits // *Afrique contemporaine*. 2004. Vol. 1. No. 209. P. 51–64. DOI: 10.3917/afco.209.0051.

51. Véron J.-B. Serge Michailof. Africanistan. L'Afrique en crise va-t-elle se retrouver dans nos banlieues ? // *Afrique contemporaine*. 2015. Vol. 4. No 256. P. 164–166. DOI: 10.3917/afco.256.0164.

52. Véron J.-B. Une guerre perdue, la France au Sahel // *Afrique contemporaine*. 2022. Vol. 1. No. 273. P. 178–181. DOI: 10.3917/pe.111.0059.

REFERENCES

1. Acemoglu D., Robinson J.A. 2019. *The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty*. New York, Penguin [Russ. ed.: Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. 2021. *Uzkii koridor*. Moscow, AST Publ.].

2. Fedorov S.M. (ed.). 2024. *Afrikanskii vektor vneshnei politiki Frantsii: trudnoe rasstavanie s 'Fransafrik'* [African vector of French foreign policy: Difficult breakup with Françafrique]. Moscow, Institut Evropy RAN, Ves' mir Publ. (In Russ.)

3. Bartenev V.I. 2015. Svyazka 'bezopasnost' — razvitie' v sovremennykh zapadnykh issledovaniyakh: ot dekonstruktsii k kontekstualizatsii ['Security — development nexus' in Western bibliography: From deconstruction to contextualization]. *International Trends*, vol. 13, no. 3, pp. 78–97. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.42.5. (In Russ.)

4. Bartenev V.I. 2011. *Cek'yuritizatsiya sfery sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: analiz politicheskogo diskursa* [Securitization of international development aid: Political discourse analysis]. *International Organisations Research Journal*, vol. 6, no. 3, pp. 37–50. (In Russ.)

5. Bartenev V.I. 2023. Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu i politicheskie riski dlya vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti: logika sopryazheniya tem [International development cooperation and political risks for transnational business: Linking research topics]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163. (In Russ.)

6. Degterev D.A. 2024. 'Kollektivnaya opora na sobstvennye sily': novoe prochtenie kontseptsii v Sakhele v kontekste stanovleniya mnogopolyarnogo mira [Collective self-reliance: Restarting the concept in the Sahel in the context of a multipolarizing world order]. *Journal of the Institute for African Studies*, no. 2 (67), pp. 60–81. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81. (In Russ.)

7. Degterev D.A. 2023. Ot 'sozertsatel'nogo regionovedeniya' k prikladnym kross-regional'nym issledovaniyam [From 'contemplative regional studies' to applied cross-regional studies]. In: Gaman-Golutvina O.V., Fadeeva L.A., Evstifeev R.V. (eds.). *Regiony v politike, politika v regionakh. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik-2023* [Regions in politics, politics in the regions. Political science: Yearbook-2023]. Moscow, Nauka, 2023. P. 115–125. (In Russ.)

Yearbook-2023]. Moscow, Perm', Titul, FGBOU VO 'PGNIU' Publ., pp. 103–121. (In Russ.)

8. Degterev D.A., Abramova E.A. 2024. 'Arkhitektory Fransafrik'? Ekspertno-analiticheskoe obespechenie sovremennoi politiki Frantsii v Afrike ['France-Afrique architects'? Expert and analytical support of current French politics in Africa]. *Contemporary Europe*, no. 5, pp. 74–87. DOI: 10.31857/S0201708324050061. (In Russ.)

9. Kravtsov A.A., Chernoutsan E.M. 2020. Natsional'nyi tsentr nauchnykh issledovaniy kak osnova razvitiya fundamental'noi nauki Frantsii: spetsifika i sovremennye problemy [The national center for scientific research as the basis for the fundamental science development in France: Specificity and contemporary problems]. *Management and Business Administration*, no. 4, pp. 98–115. DOI: 10.33983/2075-1826-2020-4-98-115. (In Russ.)

10. Sidorov A.S. 2019. Afrikanskii dzhikhad so starymi kornyami? [African jihad with old roots]. *International Trends*, vol. 17, no. 3, pp. 120–123. DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.8. (In Russ.)

11. Filippov V.R. 2022a. Operatsiya 'Barkhan': besslavnoe zavershenie? [Operation 'Barkhan': An inglorious end?]. *Asia and Africa Today*, no. 1, pp. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8. (In Russ.)

12. Filippov V.R. 2024. Sistemnyi krizis 'Fransafrik' ['Françafrique' systemic crisis]. *Journal of the Institute for African Studies*, no. 2, pp. 144–156. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156. (In Russ.)

13. Filippov V.R. 2022b. Fenomen 'Fransafrik' v zerkale frantsuzskoi istoriografii [The 'Françafrique' phenomenon as reflected in French historiography]. *Journal of the Institute for African Studies*, no. 3, pp. 73–87. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-73-87. (In Russ.)

14. Chikhachev A.Yu. 2022. *Posle Sakhelya: zakat frantsuzskogo interventsionizma?* [After the Sahel: The decline of French interventionism?]. Russian International Affairs Council. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-sakhelya-zakat-frantsuzskogo-interventsionizma/> (accessed: 05.06.2025). (In Russ.)

15. Yudin N.V. 2016. Svyazka 'bezopasnost' — razvitie': problemy teoreticheskogo osmysleniya [Security-development nexus: Dilemmas of conceptualization]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 39–71. (In Russ.)

16. Antil A. 2019. Sahel: soubassements d'un désastre. *Politique étrangère*, vol. 84, no. 3, pp. 89–98. DOI: 10.3917/pe.193.0089.

17. Antil A. 2020. Violence sans fin au Sahel. *Études*, vol. 9, pp. 19–30. DOI: 10.3917/etu.4274.0019.

18. Antil A., Touati S. 2011. Mali et Mauritanie: pays sahéliens fragiles et États résilients. *Politique étrangère*, vol. 76, no. 1, pp. 59–69. DOI: 10.3917/pe.111.0059.

19. Bauchard D. 2011. Introduction. *Politique étrangère*, vol. 76, no. 1, pp. 10–15.

20. Buzan B. 1997. Rethinking security after the Cold War. *Cooperation and Conflict*, vol. 32, no. 1, pp. 5–28. DOI: 10.1177/0010836797032001001.

21. Châtaigner J.-M. 2004. Aide publique au développement et réformes des systèmes de sécurité: l'improbable rencontre du Dr Jekyll et de Mr Hyde. *Afrique contemporaine*, vol. 1, no. 209, pp. 39–49. DOI: 10.3917/afco.209.0039.

22. Châtaigner J.-M. 2006. La réforme du secteur de sécurité dans les États et sociétés fragiles: Préalable indispensable au développement, ou dernière des illusions néocoloniales? *Afrique contemporaine*, vol. 2, no. 218, pp. 101–117. DOI: 10.3917/afco.218.0101.

23. Châtaigner J.-M. 2019a. La stabilisation du Sahel, nouveau rocher de Sisyphe? *Politique étrangère*, vol. 84, no. 3, pp. 75–88. DOI: 10.3917/pe.193.0077.

24. Châtaigner J.-M. 2019b. Sahel et France, enjeux d'une relation particulière. *Hérodote*, vol. 1, no. 172, pp. 123–136. DOI: 10.3917/her.172.0123.

25. Châtaigner J.-M., Chevalier C. 2019. Enjeux de paix et de développement: comment sortir le Sahel de la trappe à pauvreté? *Annales des Mines — Réalités industrielles*, vol. 3, pp. 29–37. DOI: 10.3917/rindu1.193.0029.

26. Châtaigner J.-M., Gaulme F. 2005. *Agir en faveur des acteurs et des sociétés fragiles. Pour une vision renouvelée des enjeux de l'aide au développement dans la prévention et la gestion de crises: Document de travail n°4*. Paris, AFD. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/agir-en-faveur-des-acteurs-et-des-societes-fragiles> (accessed: 05.06.2025).

27. Collier P. et al. 2003. *Breaking the conflict trap: Civil war and development policy*. Washington, D.C., World Bank.

28. Gaulme F. 2018. Conflits d'Afrique subsaharienne: l'éternel retour? *Politique étrangère*, vol. 83, no. 3, pp. 39–50. DOI: 10.3917/pe.183.0039.

29. Gaulme F. 2010. Consolider les États fragiles. *Études*, vol. 412, no. 6, pp. 729–740. DOI: 10.3917/etu.4126.0729.

30. Gaulme F. 2004. Éditorial. *Afrique contemporaine*, vol. 1, no. 209, pp. 5–6. DOI: 10.3917/afco.209.0005.

31. Gaulme F. 2011a. 'États faillis', 'États fragiles': concepts jumelés d'une nouvelle réflexion mondiale. *Politique étrangère*, vol. 76, no. 1, pp. 17–29. DOI: 10.3917/pe.111.0017.

32. Gaulme F. 2013. Intervenir au Mali: le retour du politique. *Études*, vol. 5, no. 418, pp. 583–594. DOI: 10.3917/etu.4185.0583.

33. Gaulme F. 2011b. *L'architecte et les États fragiles. L'aide au développement dans la sécurité mondiale*. L'Institut français des relations internationales (IFRI). Available at: <https://www.ifri.org/fr/publications/etudes-de-lifri/larchitecte-etats-fragiles-laide-developpement-securite-mondiale> (accessed: 05.06.2025).

34. Gaulme F., Antil A. 2024. *L'approche territoriale intégrée (ATI): Espoirs et limites d'une stabilisation locale au Sahel*. Etudes de l'IFRI. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/ifri_gaulme_antil_ati_sahel_2024.pdf (accessed: 05.06.2025).

35. Guillaumont Jeanneney S. et al. 2016. *Allier sécurité et développement Plaidoyer pour le Sahel*. Vol. 1. Clermont-Ferrand, Fondation pour les études et recherches sur le développement international (Ferdi). Available at: <https://ferdi.fr/dl/df-VtMSyiido9x2EmdEdRAr9fBf/allier-securite-et-developpement-volume-1.pdf> (accessed: 05.06.2025).

36. Jacquemot P. 2010. Comment la Caisse française de développement devint l'Agence? *Afrique contemporaine*, vol. 4, no. 236, pp. 128–129. DOI: 10.3917/afco.236.0128.

37. Jacquemot P. 2023. La politique française de coopération. 'Je t'aide, moi non plus'. *Afrique contemporaine*, no. 276, pp. 263–279. DOI: 10.3917/afco1.276.0263.

38. Leboeuf A. 2006. Sécurité et développement: acteurs et consensus. *Afrique contemporaine*, vol. 2, no. 218, pp. 69–83. DOI: 10.3917/afco.218.83.

39. Borrel T., Boukari Yabara A., Collombat B., Deltombe T. (eds.). 2021. *L'empire qui ne veut pas mourir: Une histoire de la Françafrique*. Paris, Seuil.

40. Maïga Ch.K. 2020. *La faillite de l'Etat Malien: Les origines, les responsabilités, les pistes des solutions*. Bamako, 2020.

41. Malejacq R., Sandor A. 2020. Sahelistan? Military intervention and patronage politics in Afghanistan and Mali. *Civil War*, 2020, vol. 22, no. 4, pp. 543–566. DOI: 10.1080/13698249.2020.1813405.

42. Marchesin P. 2016. The securitization of aid: The case of France. In: Brown S., Grävingholt J. (eds.). *The securitization of foreign aid*. London, Palgrave Macmillan, pp. 64–84.

43. Meimon J. 2007. Que reste-t-il de la Coopération française? *Politique africaine*, vol. 1, no. 105, pp. 27–50. DOI: 10.3917/polaf.105.0027.

44. Michailof S. 2011. Comment sortir de l'ornière les pays 'faillis'? *Politique étrangère*, vol. 76, no. 1, pp. 31–43. DOI: 10.3917/pe.111.0031.

45. Michailof S. 2018. Mali, une guerre sans fin? *Revue Défense Nationale*, vol. 2, no. 807, pp. 51–55. DOI: 10.3917/rdna.807.0051.

46. Michailof S. 2023. Plaidoyer pour une nouvelle politique africaine. *Revue Défense nationale*, vol. 5, no. 860, pp. 33–39. DOI: 10.3917/rdna.860.0033.

47. Michailof S. 2017. *Sahel: face à l'insécurité, l'aide publique au développement ne peut se contenter de slogans*. l'IRIS. Available at: <https://www.iris-france.org/> (accessed: 05.06.2025).

48. Véron J.-B. 2006a. Éditorial. *Afrique contemporaine*, vol. 2, no. 218, pp. 5–7. DOI: 10.3917/afco.218.05.

49. Véron J.-B. 2006b. Introduction thématique. Conflit, sécurité et développement: un nouveau paradigme, mais pour quels usages? *Afrique contemporaine*, vol. 2, no. 218, pp. 19–32. DOI: 10.3917/afco.218.32.

50. Véron J.-B. 2004. La délicate mais indispensable implication de l'aide dans les conflits. *Afrique contemporaine*, vol. 1, no. 209, pp. 51–64. DOI: 10.3917/afco.209.0051.

51. Véron J.-B. 2015. Serge Michailof. Africanistan. L'Afrique en crise va-t-elle se retrouver dans nos banlieues? *Afrique contemporaine*, vol. 4, no 256, pp. 164–166. DOI: 10.3917/afco.256.0164.

52. Véron J.-B. 2022. Une guerre perdue, la France au Sahel. *Afrique contemporaine*, vol. 1, no. 273, pp. 178–181. DOI: 10.3917/pe.111.0059.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024;
одобрена после рецензирования 06.06.2025;
принята к публикации 10.09.2025

The paper was submitted 09.12.2024;
approved after reviewing 06.06.2025;
accepted for publication 10.09.2025

КОСМОС В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-179-212

Научная статья / Research paper

П.Г. Кошкин*

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ В ПОДХОДАХ США К ОСВОЕНИЮ КОСМОСА (2017–2025)

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Соединенных Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук»
121069, Москва, Хлебный пер., 2/3*

В последние годы в США нарастают разногласия между ключевыми партиями практически по всем внутри- и внешнеполитическим вопросам на фоне усиливающейся поляризации в американском обществе. Вместе с тем данная тенденция почти не коснулась программ США по освоению космоса, что свидетельствует об определенной преемственности между администрациями на этом направлении и демонстрирует политический консенсус относительно его стратегической значимости, несмотря на некоторые несущественные межпартийные расхождения. Для иллюстрации указанной тенденции в статье предпринята попытка сопоставить подходы к космической политике в периоды пребывания у власти в США республиканца Д. Трампа и демократа Дж. Байдена. В первом разделе выдвигаемые ими на этом направлении инициативы рассмотрены в контексте традиционных для так называемой большой стратегии нарративов об «американской мечте», «исключительности» и «фронтире». Во втором разделе показана преемственность между первой каденцией Д. Трампа и администрацией Дж. Байдена в таких областях космической политики, как освоение Луны и Марса, регулирование трафика в безвоздушном пространстве, сотрудничество государства с частным сектором и исследование астероидов. В то же время автор указывает на новые черты в подходах администрации Дж. Байдена к созданию космических войск, демилитаризации безвоздушной среды и внедрению в отрасль программ

* Кошкин Павел Геннадьевич — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела внутривнутриполитических исследований Института США и Канады имени Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН) (e-mail: pasha.koshkin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8327-9566).

по достижению расово-гендерного разнообразия и борьбе с изменением климата. В третьем разделе намечены контуры новой космической политики в начале второго президентского срока Д. Трампа. В заключение автор делает вывод о решающем влиянии самоидентификации США как единственной супердержавы на формирование, устойчивость и целеполагание современной американской космической политики, что, по мнению автора, и обуславливает феномен стратегической преемственности между разными администрациями.

Ключевые слова: Дональд Трамп, Джо Байден, космическая программа США, НАСА, коммерциализация космоса, милитаризация космоса, «Соглашения Артемиды», космические войска, космическая гонка, фронтир, американская мечта, КНР

Для цитирования: Кошкин П.Г. Преемственность и изменчивость в подходах США к освоению космоса (2017–2025) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 179–212. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-179-212.

Pavel G. Koshkin

CONTINUITY AND CHANGE IN U.S. SPACE EXPLORATION APPROACHES (2017–2025)

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
2/3, Khlebnny, Moscow, Russia, 121069*

In recent years, amid the increasing polarization in American society, the United States has witnessed growing divergences between its key parties on virtually all domestic and foreign policy issues. However, this trend has barely affected U.S. space exploration programs, indicating a degree of continuity between administrations in this area and demonstrating a political consensus regarding its strategic importance, despite some minor interparty differences. To showcase this trend, this article compares the approaches to space policy during the terms of the Republican D. Trump and the Democrat J. Biden. The first section examines their initiatives in this field within the context of the traditional narratives of the so-called 'grand strategy', such as the 'American Dream', 'exceptionalism', the 'frontier'. The second section traces the continuity between D. Trump's first term and the Biden administration in such areas of space policy as the exploration of the Moon and Mars, airspace traffic regulation, public-private partnership, and asteroid exploration. At the same time, the author indicates new features in the Biden administration's approaches to the establishment of the U.S. Space Force,

outer space demilitarization, and sectoral program implementation to combat climate change and achieve racial and gender diversity. The third section outlines the contours of D. Trump's second administration's new space policy. The author concludes that it is the U.S. self-identification as the sole superpower that has a decisive influence on the formation, coherence, and goal-setting of contemporary American space policy, which explains the phenomenon of strategic continuity between different administrations.

Keywords: Donald Trump, Joe Biden, U.S. space program, NASA, space commercialization, space militarization, Artemis agreements, space forces, space race, frontier, American dream, China

About the author: *Pavel G. Koshkin* — PhD (Philology), Associate Professor, Senior Research Fellow at the Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN) (e-mail: pasha.koshkin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8327-9566).

For citation: Koshkin P.G. 2025. Continuity and change in U.S. space exploration approaches (2017–2025). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 179–212. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-179-212. (In Russ.)

В США вновь активизировались дискуссии о необходимости укрепления собственных позиций на космическом направлении в свете попыток других стран усомниться в их способности проецировать глобальное влияние и на фоне успехов Китая в данной области¹ [см. подробнее: Кошкин, 2021]. Все недавние руководители Белого дома — от Барака Обамы до Дональда Трампа — были довольно последовательны в стремлении удержать лидерство в отрасли изучения безвоздушной среды. Вместе с тем каждый из них, сохраняя преемственность с курсом предшественника, предлагал индивидуальные новшества и по окончании своего срока передавал «эстафету» новому хозяину Овального кабинета. При этом попыток «отменить» наследие предшественников в этой сфере, как правило, не наблюдалось, в отличие от других, более идеологически заряжен-

¹ См. подробнее: McFall-Johnsen M. Russia and NASA have been on edge for years. Threats to leave the International Space Station are no surprise // *Business Insider*. 30.07.2022. Available at: <https://www.businessinsider.com/nasa-russia-space-relations-under-pressure-leaving-iss-2022-7> (accessed: 15.09.2025); Miller K., Salant J.D. Musk jab at competitor underscores U.S. space reliance on Russia // *Bloomberg*. 18.03.2014. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-03-18/musk-jab-at-rival-shows-u-s-space-reliance-on-russia> (accessed: 15.09.2025).

ных вопросов, таких как экономика, иммиграция, климатическая повестка и социально-налоговая политика.

До недавнего времени подобная «солидарность» отличала все космические программы США, даже в период первого срока Д. Трампа: при всем своем волюнтаризме и категоричности он не стал уничтожать «задел» предшественников-демократов в области освоения внеземного пространства. Однако после возвращения в Белый дом в 2025 г. республиканец выразил намерение пересмотреть роль НАСА² с тем, чтобы передать некоторый функционал этого ведомства частным подрядчикам, в связи с чем специалисты начали выражать серьезную обеспокоенность³. В прессе продолжают тиражироваться домыслы о том, что профильная космическая структура может столкнуться с серьезными кадровыми и финансовыми сокращениями вкупе с системными изменениями. В экспертных кругах высказываются даже предположения о том, что Д. Трамп нивелирует наследие Дж. Байдена⁴.

Данные опасения имеют под собой некоторые основания, однако всё же требуют взвешенного анализа. В этой связи в настоящей статье предпринимается попытка оценить справедливость тезиса о радикальном реформаторстве нынешнего президента США в космической области и его желании радикально пересмотреть курс предшественника. Для достижения этой цели предлагается

² Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (National Aeronautics and Space Administration, NASA). — *Прим. ред.*

³ Juul P. Don't let Trump and Musk gut NASA // SpaceNews. 19.11.2024. Available at: <https://spacenews.com/dont-let-trump-and-musk-gut-nasa/> (accessed: 15.09.2025); Trump's second term: The space priorities and players // Space News. 20.01.2025. Available at: <https://spacenews.com/trumps-second-term-the-space-priorities-and-players/> (accessed: 15.09.2025).

⁴ Foust J. NASA developing options for agency restructuring in 'unsettling environment' // SpaceNews. 08.04.2025. Available at: <https://spacenews.com/nasa-developing-options-for-agency-restructuring-in-unsettling-environment/> (accessed: 15.09.2025); Wattles J. 'Targeted' and 'cruel': NASA staff react to layoffs as broader changes loom // CNN. 24.03.2025. Available at: <https://edition.cnn.com/2025/03/24/science/nasa-layoffs-policy-office/index.html> (accessed: 15.09.2025); Achenbach J., Davenport Ch. Massive cuts to NASA science proposed in early White House budget plan // The Washington Post. 11.04.2025. Available at: <https://www.washingtonpost.com/science/2025/04/11/nasa-science-budget-cuts-trump/> (accessed: 15.09.2025); Canon G. Documents reveal Trump's plan to gut funding for NASA and climate science // The Guardian. 11.04.2025. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2025/apr/11/trump-climate-science-nasa-noaa-cuts> (accessed: 15.09.2025).

выявить и сопоставить ключевые особенности космической политики администраций Дж. Байдена и Д. Трампа (с охватом первого срока республиканца и начала его второй каденции), рассмотреть влияние на них традиционных нарративов об «американской мечте», «фронтире» и «исключительности».

В целом теме американского космоса посвящено достаточное количество академических и экспертных работ. В ряде публикаций обстоятельно исследуются космическое сотрудничество и соперничество Соединенных Штатов с Россией и Китаем, причем как в ретроспективе, так и в перспективе [Жуков, 2022; Shreve, 2003; Holland, Burns, 2018; Hickman, 2019; Pekkanen, 2019; Morin, Tepper, 2023; Ali et al., 2024; Yatin et al., 2024]. Упор делается преимущественно на бинарном противопоставлении США другим державам с допущениями возможности частичного сотрудничества [Томашевский, 2020]. Некоторые авторы резонно указывают на состязательный характер соблюдения Москвой и Вашингтоном Договора о космосе 1967 г. [Вылегжанин и др., 2023]. Особый резонанс вызывает анализ конкуренции и возможной кооперации США и Китая в сфере освоения космоса в историческом и современном контекстах, в том числе по направлению исследования Луны [Daniels, 2020; Cheng, 2024].

В других научных материалах акцентируются военно-доктринальные аспекты глобального партнерства и конкуренции во внеземном пространстве. Например, сравниваются оборонно-космические стратегии стран ЕС и НАТО, а также звучат призывы к совершенствованию и актуализации международного нормативно-правового регулирования милитаризации безвоздушной среды [Никитин, Клинова, 2022] в условиях технологического прогресса и размежевания национальных интересов коллективного Запада и других государств. К этой же группе исследований можно отнести публикации о стремлении стран — участниц Североатлантического альянса интегрировать космос в систему коллективной безопасности и обороны [Пономарева, 2022]. В данном случае Соединенным Штатам вменяется саботирование юридических инициатив по предотвращению космической гонки вооружений. Ретроспективный уклон наблюдается и в работах, посвященных милитаризации космоса в целом [Космос: оружие, дипломатия, безопасность, 2009; Россия и международная безопасность в космосе, 2013; Ковалёв и др., 2023; Бедаев, 2024; Bateman, 2024] вкуче с более предметным осмыслени-

ем трансформации функций, целей и задач Космических сил США с момента их создания [Хлопов, 2023] или в контексте раннего этапа президентства Дж. Байдена [Прокопенкова, 2021].

В ряде статей рассматривается экономический потенциал космоса, в том числе правовые рамки его освоения [Коробушин и др., 2018; Агапова, 2025]. Кроме того, прослеживаются обстоятельные попытки теоретизации термина «коммерциализация космоса», особенно в англоязычных публикациях [Davidian, 2022]. Обращают на себя внимание труды по эволюции и периодизации коммерческой деятельности во внеземном пространстве в историческом ракурсе [Peeters, 2021]. Особняком стоят и узконаправленные статьи, где затрагивается проблематика развития частного космоса на примере конкретных компаний и разбираются броские нарративы, используемые для рационализации и оправдания космического доминирования США. Имеется в виду, в частности, тезис о реализации «американской космической мечты посредством аутсорсинга» [Eriksson, Newlove-Eriksson, 2023]. К подобным узконаправленным исследованиям относятся и работы, посвященные изучению различных аспектов национального законодательного регулирования добычи космических ресурсов [Алексеев, 2016; Leon, 2018; Sachdeva, 2018; Agarwal, 2021; Spears et al., 2023; Zwart et al., 2023].

Отдельно следует отметить работы, посвященные специфике американской модели государственно-частного партнерства, например взаимодействию НАСА и высокотехнологичного бизнеса для создания инновационных экосистем в целях реализации передовых проектов на низкой околоземной орбите [Mazzucato, Robinson, 2018]. Много внимания уделяется феноменам «нового космоса», «астропренёрства». Последнее часто трактуется как передовой и эффективный инструмент в борьбе за космическое доминирование, в том числе в руках развивающихся государств, таких как Индия⁵ [Данилин, Шавлай, 2022].

Наконец, в академическом дискурсе встречаются отдельные труды, в которых разбираются политические тенденции в освоении космоса во время первого срока Д. Трампа [Уваров, 2021], равно как и сугубо технические вопросы, включая регулирование косми-

⁵ Данилин И.В. Коммерческий космос и феномен «астропренёрства» // Российский совет по международным делам. 16.06.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kommercheskiy-kosmos-i-fenomen-astroprenyerstva/> (дата обращения: 15.09.2025).

ческого трафика, утилизацию орбитального мусора и его влияние на окружающую среду [Donou-Adonsou et al., 2024]. Можно найти и междисциплинарные исследования. Так, автор данной статьи затрагивал подобную тематику с фокусом на экспертном и медийном дискурсах вокруг новой космической гонки [Кошкин, 2021].

Тем не менее во всех указанных трудах не проводится сопоставления подходов к освоению внеземного пространства на стыке двух администраций (Дж. Байдена и Д. Трампа) с кардинально разными взглядами на госуправление. Кроме того, проблема сохранения преемственности в контексте американских космических программ также рассматривается редко, в единичных материалах [Уваров, 2021].

В настоящей публикации автор постарается восполнить этот пробел или как минимум внести свой вклад в обсуждение заявленной темы. Для этого среди прочего будет задействована комплексная методология с упором на сравнительный анализ, описательно-повествовательный метод и концептуализацию.

Космические программы США через призму национальных мифов и политических стратегий

Красной нитью через все космические программы США проходит национальная политическая мифология. Во-первых, речь идет о концепте «американской мечты» как символе материального и духовного успеха, базирующегося на принципе эгалитаризма и создания равных возможностей [Петречук, 2017]. Впоследствии этот концепт стал одним из краеугольных камней в философии «фронтира» с ее упором на расширение границ и освоение новых земель во имя блага нации, формирования сильного, богатого и — самое главное — лидирующего государства [Панарина, 2010].

В XIX в. все эти идеологические конструкты были нацелены на обеспечение условий для выживания новой страны во враждебных условиях, но впоследствии, в XX и XXI столетиях, фокус в них сместился на идеи перманентной борьбы за доминирование и статус единственной супердержавы. Сегодня эти концепты не только выступают интеллектуальным фундаментом политики США в целом, но и прямо отражаются на содержании американских космических программ [Eriksson, Newlove-Eriksson, 2023].

Например, данные нарративы уже стали константой или как минимум читаются между строк в Стратегиях национальной безопасности

США (National Security Strategy, 2017, 2022)⁶, равно как и в соответствующих профильных документах, представляющих собой дорожные карты по гражданскому и военному освоению космоса, форсированию государственно-частного партнерства на этом векторе (National Space Policy, 2020; Department of Defense Commercial Space Integration Policy, 2024; Department of Defense Space Policy, 2022)⁷.

Вместе с тем нарративы американской исключительности и космического «фронтира» регулярно фигурируют и на многочисленных слушаниях в Конгрессе. Законодатели дискутируют в ходе открытых и закрытых заседаний о целесообразности и возможности сохранения лидерства США в сфере освоения внеземного пространства в условиях ожесточенной конкуренции с Китаем на данном направлении. Из недавних примеров можно привести выступление группы экспертов (включая бывших представителей НАСА, бизнеса, некоммерческих организаций и военных) в Сенате 3 сентября 2025 г., в котором отмечалась уязвимость позиций Вашингтона в гонке по освоению Луны с Пекином на фоне бюджетных сокращений⁸. Примечательно, что аналогичные идеи часто муссируются и в заказных докладах, подготовленных «мозговыми центрами»⁹, а также в работах авторитетных экспертов из академической среды [Cheng, 2024].

⁶ National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // The White House (archives). Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 15.09.2025); National Security Strategy, October 2022 // The White House (archives). Available at: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 15.09.2025).

⁷ National Space Policy of the United States of America, December 9, 2020 // The White House (archives). Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/12/National-Space-Policy.pdf> (accessed: 15.09.2025); Commercial Space Integration Policy, 2024 // U.S. Department of Defense (archives). Available at: <https://media.defense.gov/2024/Apr/02/2003427610/-1/-1/1/2024-DOD-COMMERCIAL-SPACE-INTEGRATION-STRATEGY.PDF> (accessed: 15.09.2025); DoD Directive 3100.10 'Space Policy', August 30, 2022 // Washington Headquarters Services. Available at: <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/310010p.PDF> (accessed: 15.09.2025).

⁸ Dinner J. US in real danger of losing the moon race to China, experts tell Senate // Space.com. 04.09.2025. Available at: <https://www.space.com/astronomy/moon/us-in-real-danger-of-losing-the-moon-race-to-china-experts-tell-senate> (accessed: 15.09.2025).

⁹ Guenther M. Competing for the upper hand in the ultimate high ground: The modern space race between the U.S. and China // The Progressive Institute. April 2025. Available at: https://www.progressivepolicy.org/wp-content/uploads/2025/04/PPI_Space-Race-Between-USA-and-China.pdf (accessed: 15.09.2025); Nurkin T. et al. China's remote

В целом идея о необходимости обеспечения «космического величия», опирающаяся на традиционную политическую мифологию, прочно укоренилась в официальном дискурсе США, а всё концептуальное обоснование и наполнение космических программ базируются на сохраняющихся представлениях Вашингтона о своем «супердержавном» превосходстве во всех сферах.

Это обстоятельство исключительно важно для понимания политики различных президентских администраций на космическом направлении, несмотря на партийную аффилиацию и разногласия. Национальная мифология об «американской мечте» и «фронтирах», нарративы об исключительности нации — всё это в некоторой степени снижает уровень политической поляризации, способствуя складыванию двухпартийного консенсуса о стратегической значимости космической политики как жизненно важной для поддержания глобального лидерства США. Хотя следует признать, что далеко не всегда в условиях углубляющейся политической поляризации демократам и республиканцам удавалось прийти к такому консенсусу. Разберем динамику преемственности и изменчивости космической политики США на примерах президентства Дж. Байдена и Д. Трампа.

Преемственность и изменчивость космической политики США: от первой администрации Д. Трампа к Дж. Байдену

Первая администрация Д. Трампа характеризовалась проведением весьма активной космической политики. В этот период было принято 10 программных документов. Среди них два исполнительных указа (о возрождении Национального космического совета и поощрении международного сотрудничества в области добычи и эксплуатации космических ресурсов), соответствующая стратегия и меморандум, а также шесть профильных директив (Space Policy Directives) по расширению космических «фронтиров» (SPD-1), упорядочиванию правил коммерческого использования космических

sensing. Submitted to the U.S.-China Economic and Security Review Commission // U.S.-China Economic and Security Review Commission. December 2024. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2024-12/Chinas_Remote_Sensing.pdf (accessed: 15.09.2025); Galbreath Ch.S., Reeves J.K. Ensuring a spacepower advantage in prolonged competition: Findings and recommendations from the space endurance workshop // The Mitchell Institute for Aerospace Studies. February 2024. Available at: <https://www.mitchellaerospacepower.org/app/uploads/2025/02/Ensuring-a-Spacepower-Advantage-in-Prolonged-Competition-FINAL-WEB.pdf> (accessed: 15.09.2025).

ресурсов (SPD-2), регулированию орбитального трафика (SPD-3), созданию космических сил (SPD-4), обеспечению кибербезопасности в данной области (SPD-5) и использованию ядерной энергетики в космических целях (SPD-6)¹⁰.

Президент-демократ Дж. Байден, несмотря на принципиальные разногласия с Д. Трампом по многим внутри- и внешнеполитическим вопросам, воздержался от сворачивания инициатив предшественника, продолжив их реализацию, приумножая и обогащая наследие коллеги-республиканца (пусть и с оговорками) по таким ключевым направлениям, как освоение Луны и Марса, контроль космического трафика, укрепление государственно-частного партнерства в изучении и эксплуатации внеземного пространства, а также исследование астероидов. Видимо, он в данном случае прислушался к призывам экспертов не уничтожать задел идеологического оппонента во имя общего блага, а именно — достижения лидерства США в космосе¹¹.

Лунная и марсианская программы. Преемственность подходов Дж. Байдена по отношению к предшественнику особенно ярко прослеживается в его безоговорочной приверженности «Соглашениям Артемиды», призванным возродить интерес США к освоению Луны и стать промежуточным этапом в колонизации Марса, изучении комет и астероидов. Проект был запущен во время первого срока Д. Трампа в марте 2019 г. и изначально позиционировался республиканской администрацией как попытка отправить «первую женщину и очередного мужчину» на спутник Земли, на орбите которого также предполагалось создание станции (Lunar Orbital Platform-Gateway), а потом — и базы на лунной поверхности. Для этого не только прорабатывались международно-правовые механизмы, но и планировалось конструирование специальных аппаратов¹². Важнейшей же символической целью было продемонстрировать «величие» США.

¹⁰ Приводится по: Уваров В.Б. Космическое наследие Дональда Трампа: как наиболее противоречивый президент США заложил основу для экспансии // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 131–146. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/kosmicheskoe-nasledie-trampa/> (дата обращения: 15.09.2025).

¹¹ Goswami N. Why Joe Biden needs a Trump space policy // Politico. 23.10.2020. Available at: <https://www.politico.com/news/2020/10/23/joe-biden-space-policy-431268> (accessed: 15.09.2025).

¹² Donaldson A.A. NASA shares progress toward early Artemis moon mission with crew // National Aeronautics and Space Administration. 09.01.2024. Available at: <https://www.nasa.gov/news-release/nasa-shares-progress-toward-early-artemis-moon-missions-with-crew/> (accessed: 15.09.2025).

Изначально — 13 октября 2020 г. (при Д. Трампе) — договоренности подписали восемь стран (Австралия, Канада, Италия, Япония, Люксембург, Объединенные Арабские Эмираты, Великобритания, США). Однако Дж. Байден расширил этот список до 53 государств¹³. На сегодняшний день документ ратифицировали 56 стран после присоединения в 2025 г. Бангладеш (8 апреля), Норвегии (15 мая) и Сенегала (24 июля)¹⁴. НАСА позиционирует этот проект как самый масштабный в истории со времен начала освоения космоса (примечательно, что Россия и Китай в нем не участвуют).

Расходы на инициативу также могут потенциально побить рекорды, если только Д. Трамп не оптимизирует бюджет на фоне множасьихся вопросов относительно того, куда уходят деньги налогоплательщиков. При демократах на «Артемиду» было выделено почти 100 млрд долл.¹⁵ С такими темпами траты на новую лунную программу гипотетически способны вполне превысить финансовую смету Международной космической станции (МКС) — около 150 млрд долл.¹⁶

Контроль космического трафика. Обращают на себя внимание и последовательные попытки Дж. Байдена реализовать прошлые инициативы США по регулированию трафика в безвоздушном пространстве. Так, в 2023 г. активно разрабатывалась Система координации движения в космосе (СКДК, Traffic Coordination System for Space, TraCSS) для минимизации рисков столкновения коммерческих спутников друг с другом или с множасьимся мусором на земной орбите¹⁷.

¹³ Artemis Accords // U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/bureau-of-oceans-and-international-environmental-and-scientific-affairs/artemis-accords> (accessed: 15.09.2025).

¹⁴ Principles for a safe, peaceful, and prosperous future in space // National Aeronautics and Space Administration. Available at: <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (accessed: 15.09.2025).

¹⁵ Bloomberg M.R. NASA's \$100 billion moon mission is going nowhere // Bloomberg. 17.10.2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-10-17/michael-bloomberg-nasa-s-artemis-moon-mission-is-a-colossal-waste> (accessed: 15.09.2025).

¹⁶ What is the most expensive thing ever made by humans? Hint it costs over \$100 billion // News 18. 28.09.2024. Available at: <https://www.news18.com/viral/what-is-the-most-expensive-thing-ever-made-by-humans-hint-it-costs-over-100-billion-9066967.html> (accessed: 15.09.2025).

¹⁷ Space accomplishments, 2021–2024 // U.S. Department of Commerce. Available at: <https://www.commerce.gov/sites/default/files/2025-01/2021-2024-Space-Accomplishments.pdf> (accessed: 15.09.2025); Richards B. TraCSS: The U.S. space debris tracking system goes to first development stage // Orbital Today. 04.08.2023. Available at: <https://>

В сентябре 2024 г. этот пилотный проект вступил в силу, после чего функции по предотвращению подобных инцидентов и аварий перешли от Пентагона к Министерству торговли и, в частности, его подразделениям, включая Национальную администрацию по исследованию Мирового океана и атмосферы (National Oceanic and Atmosphere Administration, NOAA) и подотчетное ей Управление космической торговли (Office of Space Commerce, OSC)¹⁸. Окончательная реализация «первой фазы» задумки ожидается к концу 2025 г. Не исключены попытки глобального масштабирования данной инициативы.

По сути, воплощение в жизнь идеи TraCSS стало продолжением традиций, заложенных еще Б. Обамой и Д. Трампом. В 2016 г. НАСА совместно с консалтинговой компанией Science Applications International Corporation (SAIC) выпустило комплексный доклад по ситуации вокруг контроля над космическим движением¹⁹. В 2018 г. Белый дом дал зеленый свет реализации госпрограмм в этой сфере, выпустив соответствующую директиву (Space Policy Directive 3²⁰). Именно на нее впоследствии ссылались разработчики в качестве обоснования делегирования функций регулирования космического трафика гражданской госструктуре²¹.

Коммерциализация космоса. Показательно и то, что Дж. Байден, как и фактически все его предшественники, активно привлекал представителей американского бизнеса и академической среды к инициативам по освоению внеземной среды, включая область регулирования космического движения, причем в рамках открытого конкурса, проводит который Управление космической торговли²².

orbitaltoday.com/2023/08/04/us-space-tracking-system-tracss-on-the-road-to-completion/ (accessed: 15.09.2025).

¹⁸ Space accomplishments, 2021–2024...

¹⁹ Brown O. et al. Orbital traffic management study: Final report // SpacePolicyOnline. com. 21.11.2016. Available at: <https://spacepolicyonline.com/wp-content/uploads/2016/12/Orbital-Traffic-Mgmt-report-from-SAIC.pdf> (accessed: 15.09.2025).

²⁰ Space Policy Directive 3, National Space Traffic Management Policy // The White House (archives). 18.06.2018. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/space-policy-directive-3-national-space-traffic-management-policy/> (accessed: 15.09.2025).

²¹ Уваров В. Космические штрафы и «американский ЦОДД» // Россия в глобальной политике. 04.09.2023. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/kosmicheskie-shtrafy/> (дата обращения: 15.09.2025).

²² TraCSS frequently asked questions // Office of Space Commerce. Available at: <https://www.space.commerce.gov/traffic-coordination-system-for-space-tracss/tracss-frequently-asked-questions/> (accessed: 15.09.2025).

Пример сотрудничества частного сектора и государства при демократе — задействование таких компаний, как «Slingshot Aerospace», выигравшей тендер на сумму 13,3 млн долл. для создания программного обеспечения, интерфейса и специализированных веб-сайтов TraCSS (пока находятся на стадии разработки и тестирования)²³. Среди других профильных предприятий, включенных в данный проект, — «COMSPOC Corp.», «EcoAnalytic Solutions», «Kayhan Space», «KBR», «NorthStar Earth & Space Inc.», а также «The Space Data Association»²⁴.

Одновременно при Дж. Байдене Пентагон привлекал бизнес для разработки «прорывных» технологий в области военного космоса. Так, корпорация «RTX» (бывшая «Raytheon Technologies») получила от курируемого Министерством обороны Агентства космического развития (Space Development Agency, SDA) заказ по проектированию низкоорбитальных спутников на сумму 250 млн долл., призванных содействовать укреплению обороноспособности страны путем отслеживания различных угроз, в том числе гиперзвуковых ракет²⁵.

Вместе с тем крупные фирмы, такие как «SpaceX», продолжали реализовывать госконтракты²⁶. Несмотря на впоследствии возник-

²³ Gorman D. Slingshot wins \$13.3M contract to develop TraCSS UI // Payload. 27.11.2024. Available at: <https://payloadspace.com/slingshot-wins-13-3m-contract-to-develop-tracss-ui/> (accessed: 15.09.2025).

²⁴ Hitchens Th. Exclusive: Commerce's draft space traffic management service goes beyond DoD's baseline // Breaking Defense. 25.01.2023. Available at: <https://breakingdefense.com/2023/01/exclusive-commerces-draft-space-traffic-management-service-goes-beyond-dods-baseline/> (accessed: 15.09.2025).

²⁵ Hitchens Th. Raytheon wins \$250M contract to build missile warning/tracking satellites to monitor Chinese launches // Breaking Defense. 02.03.2023. Available at: <https://breakingdefense.com/2023/03/raytheon-wins-250m-contract-to-build-missile-warning-tracking-sats-to-monitor-chinese-launches/> (accessed: 15.09.2025).

²⁶ Активное сотрудничество SpaceX с государством началось еще во время второго президентского срока Дж. Буша-мл. в рамках инициативы по транспортировке грузов на МКС «Коммерческие орбитальные транспортные услуги» (Commercial Orbital Transportation Service, COTS). Это партнерство еще больше укрепилось после того, как НАСА спасло частную космическую компанию от банкротства (вследствие неудачных запусков ракеты-носителя Falcon), выделив предприятию 1,6 млрд долл. в 2008 г. См. подробнее: Commercial orbital transportation services: A new era in spaceflight // National Aeronautics and Space Administration. February 2014. Available at: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2016/08/sp-2014-617.pdf> (accessed: 15.09.2025); Syme P., Guenot M., McFall-Johnsen M. Elon Musk's SpaceX: How the world's richest person leads the space rocket pioneer // Business Insider. 29.03.2024. Available at: <https://www.businessinsider.com/spacex-elon-musk> (accessed: 15.09.2025).

шие идеологические разногласия владельца компании И. Маска с демократической администрацией, его детище за всё правление Дж. Байдена в совокупности заработало порядка 12 млрд долл., включая 5,5 млрд на контрактах с НАСА (2021 г. — 2,2 млрд, 2022 — 2,8, 2023 — 3,2, 2024 г. — 3,8 млрд). Для сравнения: во время первого срока Д. Трампа данные показатели были почти в три раза меньше — около 4,5 млрд долл., в среднем примерно по 1 млрд ежегодно²⁷.

Аналогичная ситуация и у ведущего авиапроизводителя «Boeing». В период с 2021 по 2025 г. НАСА выделило данной корпорации почти 6,5 млрд долл. на реализацию различных проектов, что значительно превысило аналогичные показатели при предыдущих администрациях²⁸. Однако компания была уличена в многочисленных нарушениях (свыше 70 в первые три года правления Дж. Байдена) и невыполнении обязательств перед заказчиками, что повлекло выплату многомиллионных штрафов и уголовные расследования²⁹. Самый

²⁷ Lipton E. Musk is positioned to profit off billions in new government contracts // The New York Times. 23.03.2025. Available at: <https://www.nytimes.com/2025/03/23/us/politics/spacex-contracts-musk-doge-trump.html> (accessed: 15.09.2025).

²⁸ Компания Boeing активно сотрудничала с государством еще со времен президентства демократа Дж. Кеннеди: в рамках лунной программы «Аполлон» разрабатывала ракеты-носители «Сатурн 5» и луноходы; с 1993 г. координирует усилия с правительством по линии МКС и другим направлениям — от формирования архитектуры стратегических спутниковых коммуникаций (Evolved Strategic Satellite Communication Programs) до коммерческих проектов по транспортировке грузов и астронавтов на МКС (программа Commercial Crew Transportation Capability, за которую компания получила 4,2 млрд долл. в 2014 г. при Б. Обаме). См. подробнее: Mann A. The Boeing Company: From rockets to commercial crew // Space.com. 25.10.2021. Available at: <https://www.space.com/the-boeing-company> (accessed: 15.09.2025); Weiss S.I. Boeing Company // SpaceNext50. Available at: <https://explore.britannica.com/explore/space/boeing/> (accessed: 15.09.2025); NASA chooses American companies to transport U.S. astronauts to international space station // National Aeronautics and Space Administration. 16.09.2014. Available at: <https://www.nasa.gov/news-release/nasa-chooses-american-companies-to-transport-u-s-astronauts-to-international-space-station/> (accessed: 15.09.2025); Albon C. Space Force picks Boeing for \$2.8B strategic communications program // Defense News. 03.07.2025. Available at: <https://www.defensenews.com/space/2025/07/03/space-force-picks-boeing-for-28b-strategic-communications-program/> (accessed: 15.09.2025).

²⁹ См. подробнее: King R. Boeing among top NASA contractors plagued by billions in cost overruns and delays, report finds // New York Post. 12.03.2025. Available at: <https://nypost.com/2025/03/12/us-news/boeing-among-top-nasa-contractors-plagued-by-billions-in-cost-overruns-delays-report/> (accessed: 15.09.2025); NASA's 'one giant leap' toward DEI: The space agency spent heavily on equity, gender affirmation, while contract mishaps and procurement nightmares piled up // OpenTheBooks.com. 12.03.2025. Avail-

резонансный случай — запуск в июне 2024 г. космического корабля «Starliner», разработка которого велась с 2014 г. в рамках программы коммерческих пилотируемых кораблей (Commercial Crew Transportation Capability). На борту находились два астронавта — Б. Уилмор и С. Уильямс, которые из-за неисправности летательного аппарата были вынуждены вернуться на Землю значительно позже (вместо примерно двух недель пробыли на МКС 286 дней), причем на корабле главного конкурента «Boeing» — «Crew Dragon», спроектированном командой И. Маска в «SpaceX»³⁰.

На этом фоне администрация Дж. Байдена продолжала регулировать активность частных предприятий во внесредовой среде. По сути, президент-демократ пытался взять под «постоянный контроль» соблюдение компаниями международного законодательства, прежде всего Договора о космосе 1967 г. Так, в конце 2023 г. был принят документ «Рамки разрешения и надзора за космической деятельностью США»³¹. Данный шаг выглядел вполне последовательным: Б. Обама и Д. Трамп предпринимали аналогичные действия.

Астероиды. Что касается других космических программ, таких как, например, исследование астероидов, то при Дж. Байдене приоритеты в целом не поменялись, лишь сместившись на купирование планетарных угроз, особенно на фоне регулярных новостей о приближении к Земле очередного «потенциально опасного объекта»³².

Так, в 2021–2022 гг. была успешно реализована миссия по смене траектории околоземного небесного тела за счет столкновения специального аппарата с астероидом Диморф в рамках программы

lable at: <https://openstaxbooks.substack.com/p/f85d34b3-d8ee-4242-8cc7-6cd4624f1a63> (accessed: 15.09.2025).

³⁰ Harwood W. Starliner astronauts return to Earth after being stuck in space for 286 days // CBS News. 18.03.2025. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/crew-9-astronauts-return-earth/> (accessed: 15.09.2025).

³¹ Исакова И. Трамп 2.0: ставка на космос в Большой игре Белого дома // Российский совет по международным делам. 28.02.2025. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trump-2-0-stavka-na-kosmos-v-bolshoy-igre-belogo-doma/> (дата обращения: 15.09.2025).

³² Cuthbertson A. NASA issues alert for stadium-sized asteroid approaching Earth // The Independent. 17.09.2024. Available at: <https://www.independent.co.uk/space/asteroid-alert-nasa-2024-on-b2610177.html> (accessed: 15.09.2025); Next five asteroid approaches // Jet Propulsion Laboratory. Available at: <https://www.jpl.nasa.gov/asteroid-watch/next-five-approaches/> (accessed: 15.09.2025).

DART (Double Asteroid Redirection Test³³). В 2023 г. правительство США выпустило Национальную стратегию по защите планеты (National Planetary Defense Strategy and Action Plan), в которой был зафиксирован предварительный план действий в случае угрозы падения астероида³⁴. К слову, демократы больше фокусировались на этом вызове. Официально данная инициатива стартовала в 1998 г. при Б. Клинтоне. В 2016 г. Б. Обама сформировал при НАСА специальный Координационный центр по защите планеты (Planetary Defense Coordination Office³⁵).

Вместе с тем при Дж. Байдене не прослеживалось особого прогресса в плане перспектив добычи полезных ископаемых на поверхности внеземных летающих тел, хотя эту идею начал активно прорабатывать и педалировать именно его однопартиец Б. Обама, в том числе на нормотворческом уровне. В 2015 г. он подписал Закон о коммерческих космических запусках (U.S. Commercial Space Competitiveness Act), в котором вводился термин «астероидные ресурсы» и закреплялось право любого гражданина США на «владение, транспортировку и использование» данного вида полезных ископаемых в коммерческих целях³⁶.

В то же время необходимо отметить, что помимо ярко выраженной преемственности в космической политике Дж. Байдена прослеживались и некоторые новшества, а иногда и вовсе пересмотр подходов предшественников. Всё-таки растущие политическая поляризация и межпартийные противоречия в США дали о себе знать. Наиболее ярко эти тенденции проявились в спорах вокруг сохранения созданных при Д. Трампе Космических сил.

³³ Double Asteroid Redirection Test (DART) // National Aeronautics and Space Administration. Available at: <https://science.nasa.gov/planetary-defense-dart/> (accessed: 15.09.2025).

³⁴ National Planetary Defense Strategy and Action Plan // National Aeronautics and Space Administration. April 2023. Available at: https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2023/06/nasa_-_planetary_defense_strategy_-_final-508.pdf (accessed: 15.09.2025).

³⁵ Planetary defense at NASA // National Aeronautics and Space Administration. Available at: <https://science.nasa.gov/planetary-defense/> (accessed: 15.09.2025).

³⁶ Public law 114-90: U.S. Commercial Space Competitiveness Act // Congress.gov. 25.11.2015. Available at: <https://www.congress.gov/114/plaws/publ90/PLAW-114publ90.pdf> (accessed: 15.09.2025).

Космические войска. С одной стороны, Дж. Байден не только не упразднил созданные предшественником космические войска³⁷, но и стал оказывать новой структуре Пентагона всестороннюю поддержку. С другой стороны, эксперты усмотрели в этом курсе не столько солидарность с подходами предшественника, сколько опасения по поводу репутационных издержек в случае попыток роспуска Космических сил, не считая прочих процедурных сложностей. Поскольку для расформирования новой структуры в армии требуется поддержка обеих палат Конгресса, Демпартия не могла позволить себе пойти на такой шаг в условиях шаткого баланса на Капитолии, сложившегося после выборов 2020 г.³⁸

Вместе с тем вокруг нового вида войск разгорелось сразу несколько крайне политизированных скандалов. Республиканцы настаивали на размещении баз космических войск в консервативных штатах, прежде всего в Алабаме (в качестве альтернативы предлагались Небраска или Техас), выступая против намерений президента-демократа внедрить в вооруженных силах США программы по расширению доступа к абортам для женщин-военнослужащих³⁹. Такие программы предусматривали оплату расходов на поездки в либеральные штаты, где медицинское прерывание беременности разрешено (в консервативных штатах провести подобную операцию проблематично).

В итоге Дж. Байден решил оставить Космические силы в демократическом штате Колорадо (где изначально они были временно дислоцированы), что, однако, вероятно, может объясняться не по-

³⁷ В феврале 2019 г. Д. Трамп подписал указ о создании Космических войск, которые стали шестым видом Вооруженных сил Америки, но находились в подчинении ВВС США. Подробнее см.: Трамп распорядился создать Космические силы в составе Министерства ВВС США // ТАСС. 20.02.2019. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6136312> (дата обращения: 15.09.2025).

³⁸ Erwin S. Biden administration not seen as a threat to Space Force // SpaceNews. 09.11.2020. Available at: <https://spacenews.com/biden-administration-not-seen-as-a-threat-to-space-force/> (accessed: 15.09.2025); Manning J.E. Members of the 117th Congress: A profile // Congress.gov. 14.12.2022. Available at: <https://www.congress.gov/crs-product/R46705> (accessed: 15.09.2025).

³⁹ В 2022 г. федеральная защита репродуктивных прав была отменена решением Верховного суда. Об этом см. подробнее: Totenberg N., McCammon S. Supreme Court overturns Roe v. Wade, ending right to abortion upheld for decades // NPR. 24.06.2022. Available at: <https://www.npr.org/2022/06/24/1102305878/supreme-court-abortion-roe-v-wade-decision-overturn> (accessed: 15.09.2025).

литическими, а прагматическими соображениями — стремлением минимизировать бюрократические и организационные издержки и не снижать боеготовность в условиях космического соперничества с Китаем⁴⁰. Вместе с тем идеологический фактор также мог повлиять на это решение. Вполне вероятно, что глава Белого дома поддался давлению однопартийцев в целях дистанцирования от предшественника, так как Космические силы в общественном сознании воспринимались именно как детище Д. Трампа.

Демилитаризация космоса: достижения и просчеты. Отличительной чертой политики Дж. Байдена в области освоения безвоздушного пространства является его декларируемое стремление поставить во главу угла мирные космические инициативы как инструмент «мягкой силы» и публичной дипломатии. Об этом свидетельствуют не только дальнейшее развитие «Соглашений Артемиды», но и попытки, пусть и не всегда последовательные, демилитаризовать внеземное пространство.

Так, в апреле 2022 г. президент-демократ ввел мораторий на испытание противоспутникового оружия⁴¹, после чего помимо США аналогичные меры добровольно приняли 37 других государств. В декабре 2022 г. Генассамблея ООН проголосовала за принятие аналогичной резолюции рекомендательного характера, выдвинутой по инициативе Соединенных Штатов. 155 стран-участниц выступили «за», 9 — «против», 9 — воздержались. Показательно, что Россия и Китай не одобрили данный документ на фоне обострения отношений с коллективным Западом, роста взаимного недоверия и осложнения геополитической обстановки в целом⁴².

⁴⁰ См. подробнее: Koren M. What happens to the Space Force now // The Atlantic. 26.01.2021. Available at: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2021/01/space-force-trump-biden/617812/> (accessed: 15.09.2025); Baldor L.C., Copp T. Biden decides to keep Space Command in Colorado, rejecting move to Alabama // The Associated Press. 01.08.2023. Available at: <https://apnews.com/article/space-command-biden-colorado-alabama-382b12b57733848fd1d083227aefa0bf> (accessed: 15.09.2025).

⁴¹ См. подробнее: Walton S. Destructive Direct-Ascent Anti-Satellite Missile Testing Moratorium: National pledges and UNGA resolution voting record // Secure World Foundation. 05.05.2025. Available at: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1e91IEWkTF43k3CG6jQYLoUJeHROY03HAXP-T35eqqnA/edit?gid=132274688#gid=132274688> (accessed: 15.09.2025); Feldsher J. The 4 numbers that will define Joe Biden's space legacy // Fast Company. 31.10.2024. Available at: <https://www.fastcompany.com/91219264/the-four-numbers-that-will-define-joe-bidens-space-legacy> (accessed: 15.09.2025).

⁴² Ibidem.

Некоторые зарубежные эксперты посчитали такой жест со стороны Москвы и Пекина признаком нежелания вступать в клуб «ответственных игроков» на международной арене и в сфере освоения безвоздушного пространства в частности⁴³. Показательно, что впоследствии американские власти вкупе с законодателями начали активно тиражировать спекуляции о якобы намерениях России разместить ядерное оружие на земной орбите в целях выведения из строя вражеских спутников. Российское руководство и дипломаты последовательно отвергают такие обвинения, называя их политизированными и безосновательными⁴⁴.

Эти разногласия негативно отразились на стремлении администрации Дж. Байдена демилитаризировать безвоздушную среду, ее декларируемых целях сделать космос более безопасным и деполитизированным. Однако еще больше их дискредитировали начавшаяся на финальном этапе президентства Дж. Байдена переориентация созданных Д. Трампом космических войск США с гражданских на военные инициативы. Если ранее одной из главных их задач был контроль космического движения (до того, как Пентагон передал эту функцию Министерству торговли), то при Дж. Байдене акцент был перенесен на защиту и обеспечение устойчивости спутников США и их союзников перед потенциальными атаками со стороны неприятелей. Речь идет, в частности, об использовании наземных систем «Meadowlands», передвижных станций радиоэлектронного подавления для нейтрализации спутников вероятного противника⁴⁵. Одновременно происходило наращивание наступательного противокосмического потенциала, в том числе в целях размещения

⁴³ Umeda K. Biden's track record in boosting U.S. space security // Institute of Goeconomics. 22.08.2024. Available at: <https://instituteofgoeconomics.org/en/research/2024112501/> (accessed: 15.09.2025).

⁴⁴ Рябков назвал абсурдными заявления о планах РФ разместить ядерное оружие в космосе // Известия. 24.02.2024. Доступ: <https://iz.ru/1655089/2024-02-24/riabkov-nazval-absurdnymi-zaiavleniia-o-planakh-rf-razmestit-iadernoe-oruzhie-v-kosmose> (дата обращения: 15.09.2025).

⁴⁵ Зыкина Т. В США рассказали о подготовке оружия против спутников России и Китая // РБК. 26.10.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/26/10/2024/671c1f189a79476cdb78944e> (дата обращения: 15.09.2025); Capaccio A. U.S. satellite jammer is set for delivery as flaws are fixed // Bloomberg. 24.10.2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-10-24/space-jammer-to-aim-at-russian-chinese-satellites-is-readied-as-flaws-are-fixed> (accessed: 15.09.2025).

на орбите «оружия» к 2027 г. для создания «космического превосходства» США⁴⁶.

Вдобавок не следует забывать о выдвигании при Дж. Байдене концепции «конкурентоспособной выносливости», предложенной главой Космических сил генералом Б. Солтцманом в феврале 2023 г. и представленной в марте того же года. Ее суть заключается в непрерывном наблюдении за околоземным пространством во избежание неожиданностей и в целях купирования угроз со стороны потенциальных противников США⁴⁷. Данный документ стал дополнением к «Объединенной концепции конкурентности» (2023), призванной минимизировать вероятность столкновения ядерных держав при одновременном ослаблении потенциально враждебных государств путем параллельной диверсионной деятельности и изматывания на второстепенных театрах военных действий⁴⁸.

Прогрессистская повестка. Внедрение в космическую отрасль программ по расово-гендерному разнообразию и купированию климатических изменений стало единственным решением Дж. Байдена, которое действительно кардинально расходилось с политикой Д. Трампа и даже противоречило ей.

Позиция президента-демократа по этим вопросам нашла отражение не только в его предвыборных обещаниях во время электоральной кампании 2020 г.⁴⁹, но и в серии соответствующих директив после вступления в должность главы США. Речь идет, в частности, об исполни-

⁴⁶ В официальных документах и выступлениях представителей профильного ведомства используется двусмысленная формулировка *space fires* без уточнения. Hitchens Th. 'Space fires' to enable 'space superiority' are top SPACECOM priorities for FY27 // Breaking Defense. 06.08.2024. Available at: <https://breakingdefense.com/2024/08/space-fires-to-enable-space-superiority-are-top-spacecom-priorities-for-fy27/> (accessed: 15.09.2025); Hadley G. Whiting calls for 'space fires' in rare hint about offensive weapons // Air & Space Forces Magazine. 08.08.2024. Available at: <https://www.airandspaceforces.com/spacecom-boss-space-fires/> (accessed: 15.09.2025).

⁴⁷ Исакова И. США в борьбе за лидерство в космосе бросают вызов многополярности: от «сдерживания» до «конкурентоспособной выносливости» // Российский совет по международным делам. 22.02.2024. Доступ: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-v-borbe-za-liderstvo-v-kosmose-brosayut-vyzov-mnogopolyarnosti-ot-sderzhivaniya-do-konkurentosp/?sphrase_id=230802301 (дата обращения: 15.09.2025).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Feldscher J. Biden's space policy: One giant leap for climate change // Politico. 28.10.2020. Available at: <https://www.politico.com/news/2020/10/28/biden-space-policy-climate-change-433236> (accessed: 15.09.2025).

тельных указах по «противодействию климатическому кризису» в мире (от 27 января 2021 г.)⁵⁰ и введению принципов разнообразия, равенства, инклюзивности в федеральных ведомствах (от 25 июня 2021 г.)⁵¹.

На практике это означало, что, во-первых, Дж. Байден скорректировал риторику в отношении реализации «Соглашений Артемиды». В основополагающих документах акцент был сделан на необходимости участия в лунной программе представителей расово-этнических групп, или «цветных» («the first woman and the first person of color» вместо формулировки Д. Трампа «the first woman and the next man»). Этими мерами Дж. Байден преследовал цель добиться политической поддержки со стороны однопартийцев при согласовании ежегодного бюджета НАСА и заодно выполнить свои предвыборные обещания. Другой вопрос, что эти «благие намерения» привели к обратному результату: падению популярности подобных инициатив среди независимого и умеренного электората, равно как и недовольству республиканцев⁵². При этом некоторые комментаторы увязывали падение профессионализма в космической отрасли именно с введением программ расово-гендерного разнообразия⁵³.

Во-вторых, президент в рамках указа о борьбе с глобальным потеплением поручил ряду ведомств, включая Пентагон, Министерство торговли, Национальную разведку, НАСА, Агентство по защите окружающей среды, Управление по вопросам научно-технической политики, провести в течение 120 дней оценку рисков климатических изменений, в том числе для нацбезопасности страны, и в дальнейшем купировать их. При этом глава Белого дома включил в Национальный космический совет (National Space Council) свою советницу по климатическим вопросам Дж. Маккарти, которая занималась аналогичной проблематикой в администрации Б. Оба-

⁵⁰ Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad // The White House (archives). 27.01.2021. Available at: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad/> (accessed: 15.09.2025).

⁵¹ Executive Order on Diversity, Equity, Inclusion, and Accessibility in the Federal Workforce // The White House (archives). 25.06.2021. Available at: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/06/25/executive-order-on-diversity-equity-inclusion-and-accessibility-in-the-federal-workforce/> (accessed: 15.09.2025).

⁵² Whittington M.R. Post-DEI, who will be the next Americans to walk on the moon // The Hill. 30.03.2025. Available at: <https://thehill.com/opinion/technology/5220116-nasa-diversity-equity-space-exploration/> (accessed: 15.09.2025).

⁵³ NASA's 'one giant leap' toward DEI...

мы⁵⁴. Перед ними была поставлена задача с помощью современных спутников и новых технологий отслеживать атмосферные изменения, прогнозировать вероятность стихийных бедствий, готовиться к разрушительным ураганам и своевременно проводить эвакуацию населения в зонах особого риска⁵⁵.

Преемственность и изменчивость в космической политике США при второй администрации Д. Трампа

С самого начала своего второго президентского срока Д. Трамп продолжил воплощать в жизнь космические инициативы, начатые им во время первой каденции. С 2017 по 2020 г. он, как и предшественники, работал на том, чтобы сохранить доминирование США на всех направлениях освоения внеземного пространства — от коммерческого космоса до военного с упором на защиту американских интересов вплоть до ревизии международного законодательства в угоду потребностям Вашингтона.

При реализации текущей космической политики Д. Трамп опирается на серию документов. Среди них — доклады неправительственной организации «Heritage Foundation» («Проект-2025»)⁵⁶, а также Центра космической политики и стратегии Аэрокосмической корпорации и Центра анализа данных MITRE. К этого же рода документам можно отнести рекомендации Ассоциации национальной и космической безопасности и Совета по международным отношениям (CFR)⁵⁷.

⁵⁴ Cama T. Biden adds climate objective to National Space Council // E&E News (Politico). 01.12.2021. Available at: <https://www.eenews.net/articles/biden-adds-climate-objective-to-national-space-council/> (accessed: 15.09.2025).

⁵⁵ Space accomplishments, 2021–2024...

⁵⁶ Несмотря на демонстративное дистанцирование Д. Трампа от «Проекта-2025» во время электоральной кампании в 2024 г., став президентом, он приступил к реализации многих пунктов данного документа — от ужесточения иммиграционной политики и сокращения нелояльных сотрудников в госаппарате до воплощения в жизнь протекционистских мер в экономике. Космическая отрасль не стала исключением (подробности см. по тексту).

⁵⁷ Project-2025: A new era for U.S. space policy // New Space Economy. Available at: <https://newspaceeconomy.ca/2025/02/05/project-2025-a-new-era-for-u-s-space-policy/> (accessed: 15.09.2025); Roberts K., Dans P., Groves S. Mandate for leadership: The conservative promise. Washington, D.C.: The Heritage Foundation, 2023. Available at: https://media.snopes.com/2024/06/2025_mandate_for_leadership_compressed.pdf (accessed: 15.09.2025); Space agenda 2025: Informing the future of space // Center for Space Policy and

В частности, в указанных документах подчеркивается приоритетность удержания лидерства США в освоении внеземного пространства на фоне космического экспансионизма других государств, включая Китай. В некоторых случаях даже лоббировалась идея дальнейшей милитаризации космоса, в том числе путем переоценки международных обязательств Вашингтона вплоть до призывов рассматривать безвоздушное пространство как главный стратегический актив. Среди других приоритетов — развитие инноваций, укрепление связей с союзниками, поддержка коммерческого сектора путем инвестиций, форсирование государственно-частного партнерства за счет разработки соответствующей нормативно-правовой базы, а также оптимизация работы и повышение эффективности НАСА, в том числе путем сокращения бюджета данного ведомства и снижения бюрократического бремени в рамках усиления кооперации с бизнесом⁵⁸. Собственно, президент-республиканец приступил к реализации данных задач сразу после возвращения в Белый дом⁵⁹.

Strategy. October 2024. Available at: https://cps.aerospace.org/sites/default/files/2024-11/SpaceAgenda2025_Compilation_Web_1.pdf (accessed: 15.09.2025); Space agenda 2025: A roadmap for U.S. space leadership, security and growth // Orbital Today. 06.11.2024. Available at: <https://orbitaltoday.com/2024/11/06/space-agenda-2025-a-roadmap-for-u-s-space-leadership-security-and-growth/> (accessed: 15.09.2025); Making space vibrant and resilient: The critical link between economic and national security // MITRE. Center for Data-Driven Policy. October 2024. Available at: <https://www.mitre.org/sites/default/files/2024-10/PR-24-01820-20-Making-Space-Vibrant-and-Resilient.pdf> (accessed: 15.09.2025); Improving U.S. space capabilities in integrated deterrence // Ibidem. 24.07.2024. Available at: <https://www.mitre.org/news-insights/publication/improving-us-space-capabilities-integrated-deterrence> (accessed: 15.09.2025); Williams Ch. The Trump transition and national security space: A status report // National Security Space Association. 10.12.2024. Available at: <https://nssaspace.org/wp-content/uploads/2024/12/Trump-Transition-Status-Report-Final.pdf> (accessed: 15.09.2025); Armagno N.M., Harman J., Brimmer E.D. Securing space: A plan for U.S. action // Council on Foreign Relations. February 2025. Available at: <https://www.cfr.org/task-force-report/securing-space> (accessed: 15.09.2025).

⁵⁸ Опасения экспертов по поводу бюджетных «урезаний» в НАСА возникли не на пустом месте. В первые 100 дней своего правления президент США не только сократил свыше 120 тыс. сотрудников госаппарата, но и предпринял попытки частично упразднить Агентство по международному развитию (USAID) и Министерство образования (во втором случае полностью не смог реализовать свои планы, поскольку роспуск ведомства требует согласования с Конгрессом). См.: Juul P. Op. cit.; Кошкин П. 100 дней, которые потрясли мир: первые показатели Д. Трампа на высшем посту // Российский совет по международным делам. 30.04.2025. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/100-dney-kotorye-potryasli-ves-mir-pervye-pokazateli-d-trampa-na-vysshem-postu/> (дата обращения: 15.09.2025).

⁵⁹ Исакова И. США в борьбе за лидерство в космосе...

Прежде всего, он временно приблизил к себе представителей большого бизнеса и высокотехнологического сектора, включая владельца компании «SpaceX» И. Маска, который с января по май 2025 г. работал в Департаменте государственной эффективности (DOGE), став инициатором массовых финансовых и кадровых сокращений в правительстве.

Кроме того, президент США хотел назначить на пост директора НАСА кандидатуру космического туриста и миллиардера Дж. Айзекмана, порекомендованного И. Маском⁶⁰. Однако после публичного конфликта с последним в июне на фоне разногласий вокруг налогово-экономической политики Белого дома американский лидер вынужден был отозвать заявленного номинанта на данную должность, а также начал сближаться с другими представителями космической индустрии, такими как основатель компании «Blue Origin» Дж. Безос⁶¹.

Еще одно знаковое решение Д. Трампа по реализации обозначенных в указанных документах приоритетов — обнародование в начале мая спорного финплана НАСА на 2026 г.⁶² В нем акцентировалось намерение сократить бюджет ведомства на 24% — с 25 млрд долл. в текущем году до почти 19 млрд в 2026 г. Во главу угла ставится военно-космическая деятельность, а гражданские инициативы отодвинуты на второй план. При этом на изучение Луны и Марса дополнительно выделяется 7 и 1 млрд долл. соответственно — в ущерб реализации остальных программ, в том числе научно-образовательных, расово-гендерных и по линии МКС. Под «оптимизацию» могут попасть инициативы по отслеживанию климатических изменений

⁶⁰ См.: Kurkowski S. Senate science committee moves NASA Administrator confirmation to full vote // Space Explored. 30.04.2025. Available at: <https://spaceexplored.com/2025/04/30/senate-science-committee-moves-nasa-administrator-confirmation-to-full-vote/> (accessed: 15.09.2025); Murray C. Who is Jared Isaacman? What to know about the billionaire Trump picked to lead NASA // Forbes. 04.12.2024. Available at: <https://www.forbes.com/sites/conormurray/2024/12/04/who-is-jared-isaacman-what-to-know-about-the-billionaire-trump-picked-to-lead-nasa/> (accessed: 15.09.2025).

⁶¹ Dawsey J., Mattioli D., Maidenberger M. Bezos and Blue Origin try to capitalize on Trump-Musk split // The Wall Street Journal. 25.06.2025. Available at: <https://www.wsj.com/business/jeff-bezos-trump-blue-origin-9f5ac75b> (accessed: 15.09.2025).

⁶² Fiscal year 2026 discretionary budget request // National Aeronautics and Space Administration. 02.05.2025. Available at: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2025/05/fiscal-year-2026-discretionary-budget-request-nasa-excerpts.pdf?emrc=68cece2b341cc> (accessed: 15.09.2025).

и возвращению проб с Марса (собраны ровером «Perseverance»), а также некоторые проекты в рамках «Соглашений Артемиды», включая пилотируемые полеты на спутник Земли и строительство многомодульной станции «Gateway» на лунной орбите⁶³. Про планетарную защиту или добычу полезных ископаемых на астероидах также фактически ничего не сказано.

Долгосрочная цель республиканской администрации — водружение американского флага на красной планете и ее последующая колонизация, о чем Д. Трамп заявил во время обращений к Конгрессу и в день инаугурации⁶⁴. Профильные специалисты полагают, что госассигнования пойдут на реализацию проектов И. Маска (и публичный конфликт между президентом и миллиардером этому вряд ли помешает, во всяком случае, на текущем этапе, пока бизнесмен действует и критикует в рамках дозволенного). Речь идет, в частности, о подготовке к запуску на Марс разрабатываемого компанией «SpaceX» космического корабля «Starship» (полет с человекоподобным роботом «Optimus» намечен на конец 2026 г.). В случае успешной посадки к миссии подключатся и люди (ориентировочно к 2029–2031 гг.)⁶⁵.

Важно также понимать, что в 2025 г. НАСА функционирует за счет бюджета, одобренного еще при Дж. Байдене и продленного 15 марта в соответствии с утвержденной в Конгрессе фискальной резолюцией, которую Д. Трамп вынужден был подписать во избежание приостановки работы правительства на фоне неспособности законодателей

⁶³ Ibidem; President Trump's FY26 budget revitalizes human space exploration // National Aeronautics and Space Administration. Available at: <https://www.nasa.gov/news-release/president-trumps-fy26-budget-revitalizes-human-space-exploration/> (accessed: 15.09.2025); Chang K. NASA proposal would shift agency's focus away from space science // The New York Times. 02.05.2025. Available at: <https://www.nytimes.com/2025/05/02/us/politics/trump-budget-nasa-cuts.html> (accessed: 15.09.2025).

⁶⁴ Christenson J. Trump vows to put US astronauts on Mars: 'Pursue our manifest destiny' // New York Post. 20.01.2025. Available at: <https://nypost.com/2025/01/20/us-news/trump-vows-to-put-us-astronauts-on-mars-pursue-our-manifest-destiny/> (accessed: 15.09.2025); Malik T. The US will 'plant the American flag on the planet Mars and even far beyond', Trump tells Congress // Space.com. 05.03.2025. Available at: <https://www.space.com/space-exploration/us-will-plant-american-flag-on-mars-trump-tells-congress> (accessed: 15.09.2025).

⁶⁵ Зыкина Т. Маск анонсировал полет Starship на Марс с человекоподобным роботом // РБК. 15.03.2025. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2025/67d5194a9a7947dee9271cd9> (дата обращения: 15.09.2025).

согласовать полноценный финплан госаппарата. Данный документ среди прочего предусматривает финансирование космического ведомства на уровне 25 млрд долл. с сохранением государственных средств для ряда приоритетных научных проектов по освоению Луны и Марса, которые, однако, могут быть поставлены на паузу в 2026 г. в случае одобрения космической сметы нынешнего главы государства⁶⁶.

Д. Трамп отличился и в направлении милитаризации космоса. В мае 2025 г. 47-й президент заявил о намерениях создать систему противоракетной обороны «Золотой купол». Источником вдохновения для него послужила Стратегическая оборонная инициатива Р. Рейгана (также известная как программа «Звездных войн»), которая предусматривала использование земной орбиты для противоракетной защиты⁶⁷. Стоимость нового проекта оценивается в 175 млрд долл., введение в эксплуатацию ожидается к январю 2029 г. Его цель — купировать угрозы со стороны России и Китая путем создания архитектуры из нескольких сотен спутников для отслеживания и перехвата вражеских ракет. Впрочем, профильные эксперты скептически оценивают данную инициативу, называя ее популистской и акцентируя внимание на труднореализуемом характере и дороговизне столь масштабного проекта (реальный срок реализации — 10–20 лет, цена — от 542 до 831 млрд долл.)⁶⁸.

Наконец, в начале сентября 2025 г. Д. Трамп объявил о переносе штаб-квартиры Космических сил из демократического штата Колорадо в республиканскую Алабаму⁶⁹. Данный шаг, очевидно, продиктован стремлением лишний раз противопоставить себя Дж. Байдену.

⁶⁶ NASA's FY 2025 budget // The Planetary Society. Available at: <https://www.planetary.org/space-policy/nasas-fy-2025-budget> (accessed: 15.09.2025).

⁶⁷ Strategic Defense Initiative // Britannica. 05.09.2025. Available at: <https://www.britannica.com/topic/Strategic-Defense-Initiative> (accessed: 15.09.2025).

⁶⁸ Roulette J. Trump's Golden Dome plan could launch new era of weapons in space // Reuters. 22.05.2025. Available at: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/trumps-golden-dome-plan-could-launch-new-era-weapons-space-2025-05-22/> (accessed: 15.09.2025); Effects of lower launch costs on previous estimates for space-based, boost-phase missile defense // Congressional Budget Office. 05.05.2025. Available at: <https://www.cbo.gov/system/files/2025-05/61237-SBI.pdf> (accessed: 15.09.2025).

⁶⁹ Stone M. Trump to move Space Command headquarters to Alabama from Colorado // Reuters. 02.09.2025. Available at: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/trump-move-space-command-headquarters-alabama-colorado-2025-09-02/> (accessed: 15.09.2025).

* * *

Таким образом, сравнительный анализ космической политики США при администрациях Дж. Байдена и Д. Трампа свидетельствует о том, что в целом оба президента ставили стратегические интересы страны выше ситуативных узкопартийных разногласий. Противоречия, несомненно, прослеживаются и неизбежны в условиях постоянной электоральной конкуренции, но они пока не приводят к радикальному переосмыслению долгосрочных целей и задач программ по освоению внеземного пространства.

Как представляется, республиканцам и демократам удастся стабильно приходить к определенному межпартийному консенсусу в этой области вопреки перманентной внутривластной борьбе в силу повышенной значимости космоса как стратегически важного актива для достижения глобального доминирования. Этому способствует и целый ряд идеологических установок, в равной мере разделяемых всеми представителями американских элит.

Во-первых, США позиционируют себя единственной супердержавой, и подобная самоидентификация оказывает серьезное влияние на формирование, устойчивость и целеполагание современной космической политики Вашингтона независимо от партийной принадлежности хозяина Овального кабинета. Во-вторых, этому способствуют и глубоко укорененные концепты «американской мечты», «фронтира» и «исключительности», которые — явно или подспудно — присутствуют фактически во всех доктринальных «космических» документах американского правительства последних лет.

Под воздействием этих идеологических установок и во имя достижения космического доминирования США президент-демократ в свое время не предпринял попыток распустить созданные его предшественником-республиканцем космические войска. Не отказался он и от «Соглашений Артемиды» и принял эстафету от республиканца по реализации марсианской программы «Perseverance», которая была инициирована еще в 2012 г. и пришла на смену аналогичному проекту «Curiosity». В свою очередь действующий глава Белого дома и на втором сроке демонстрирует готовность продолжать и развивать стратегически важные начинания предшественника в области космических инициатив. Это проявляется, в частности, в его приверженности курсу на дальнейшую коммерциализацию и милитаризацию внеземного пространства на фоне космического экспансионизма Китая и якобы угроз со стороны России, которой

Соединенные Штаты бездоказательно вменяют попытки развернуть оружие с элементами космического базирования.

Эта ярко выраженная преемственность космической политики США частично сглаживает межпартийные противоречия, хотя далеко не в полной мере. Разногласия постоянно вспыхивают на почве перманентной внутривнутриполитической борьбы в условиях регулярной сменяемости электоральных циклов. Однако можно заключить, что они носят преимущественно технический, ситуативный и даже символический характер, тогда как основополагающая цель — закрепление космического доминирования США — остается прежней. И вряд ли ситуация изменится в ближайшей перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова М.Р. Национальное право Соединенных Штатов Америки о коммерциализации космической деятельности и его соотношение с нормами международного космического права // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 4. С. 167–181. DOI: 10.17803/1994-1471.2025-173.4.167-181.

2. Алексеев А.П. Разведка и добыча космических ресурсов: опыт законодательства США // Юридические исследования. 2016. № 5. С. 34–41. DOI: 10.7256/2409-7136.2016-5-18968.

3. Бедаев А.И. Милитаризация космоса в контексте современных международных отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 7–15. DOI: 10.54398/1818510X_2024_2_7.

4. Вылегжанин А.Н., Киселёва О.А., Штодина И.Ю. Состязательное соблюдение Россией и США Договора по космосу 1967 г. // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 3. С. 145–154. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).145-154.

5. Данилин И.В., Шавлай Э.П. Политика по развитию индийского «Нового космоса» // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 5. С. 113–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-5-86-113-134.

6. Жуков Н.С. Космическая гонка между СССР и США // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики: В 3 т. Т. 3 / Под ред. Ю.Ю. Логинова. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва, 2022. С. 1209–1211.

7. Ковалёв А.П., Сотник С.А., Сотник Д.С. Космос как новая сфера вооруженной борьбы // Военная мысль. 2023. № 3. С. 35–52.

8. Коробушин Д.В., Вейко А.В., Дадашян А.Е. Частный космос в США: тенденции развития // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 107–112.

9. Космос: оружие, дипломатия, безопасность / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2009.
10. Кошкин П.Г. Экспертный и журналистский дискурсы вокруг второй космической гонки между Россией, США и другими странами // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. № 3. С. 313–333. DOI: 10.21638/spbu06.2021.304.
11. Никитин А.И., Клинова М.В. Доктринальные аспекты политики США, НАТО и ЕС в области военного космоса // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. № 4. С. 45–64. DOI: 10.24833/2221-3279-2022-4-13-45-64.
12. Панарина Д.С. Фронтир как один из факторов и мифов американской истории // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 80–88.
13. Петречук А.И. Американская мечта и американская исключительность. От истоков до современности // Архонт. 2017. № 3 (3). С. 51–64.
14. Понамарева А.М. Космос как новое оперативное пространство НАТО // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2022. Т. 80. № 64. С. 6–14.
15. Прокопенкова И.О. Трансформация космической политики США в XXI в.: промежуточные итоги и вызовы для администрации Дж. Байдена // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 3 (66). С. 195–220. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_3_195.
16. Россия и международная безопасность в космосе / Под ред. А.А. Кокошина. М.: КРАСАНД, 2013.
17. Томашевский К. Международное сотрудничество России и США в космосе: куда мы направляемся? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 1. С. 135–146. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-135-146.
18. Уваров В.Б. Космическое наследие Дональда Трампа: как наиболее противоречивый президент США заложил основу для экспансии // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 131–146. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/kosmicheskoe-nasledie-trampa/> (дата обращения: 15.09.2025).
19. Хлопов О.А. Космические силы США: эволюция создания, цели и задачи // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 1 (34). С. 9. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-1-9-9.
20. Agarwal A. Outer space mining: An analysis of its legal aspects // International Journal of Law. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 85–90.
21. Ali N., Amin T., Awaan A.K. The great power space race: How the US, Russia and China competing in space exploration // International Journal of Contemporary Issues in Social Sciences. 2024. Vol. 3. No. 2. P. 200–207.
22. Bateman A. Weapons in space: Technology, politics, and the rise and fall of the Strategic Defense Initiative. Cambridge: The MIT Press, 2024.

23. Cheng D. China and the new moon race. Washington, D.C.: The Space Policy, 2024. Available at: <https://bpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/7/314/files/2025/01/Cheng-D.-China-and-the-New-Moon-Race.pdf> (accessed: 15.09.2025).

24. Daniels M. The history and future of U.S.-China competition and cooperation in space. [S.l]: John Hopkins Applied Physics Laboratory, 2020. Available at: <https://www.jhuapl.edu/assessing-us-china-technology-connections/dist/a77e24719d68daf7afd8e91256ffad8a.pdf> (accessed: 15.09.2025).

25. Davidian K. Operationalizing the definition of «commercial space» // *Acta Astronautica*. 2022. Vol. 198. P. 541–549. DOI: 10.1016/j.actaastro.2022.06.040.

26. Donou-Adonsou F. et al. Cointegration analysis of US space activity and its environmental impact // *Environmental Pollution*. 2024. Vol. 352. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S026974912400856X> (accessed: 15.09.2025).

27. Eriksson J., Newlove-Eriksson L.M. Outsourcing the American space dream: SpaceX and the race to the stars // *Astropolitics*. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 46–62. DOI: 10.1080/14777622.2023.2196017.

28. Hickman J. Research viewpoint: International relations and the second space race between the United States and China // *Astropolitics*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 178–190. DOI: 10.1080/14777622.2019.1672507.

29. Holland D., Burns J. The American space exploration narrative from the Cold War through the Obama administration // *Space Policy*. 2018. Vol. 46. P. 9–17. DOI: 10.1016/j.spacepol.2018.03.007.

30. Leon A.M. Mining for meaning: An examination of the legality of property rights in space resources // *Virginia Law Review*. 2018. Vol. 104. No. 3. P. 497–546.

31. Mazzucato M., Robinson D. Co-creating and directing innovation ecosystems: NASA's approach to public-private partnerships in low-Earth orbit // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol. 136. P. 166–177. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.03.034.

32. Morin J-F., Tepper E. The empire strikes back: Comparing US and China's structural power in outer space // *Global Studies Quarterly*. 2023. Vol. 3. No. 4. P. 1–13. DOI: 10.1093/isagsq/ksad067.

33. Peeters W. Evolution of the space economy: Government space to commercial space and new space // *Astropolitics*. 2021. Vol. 19. No. 3. P. 206–222. DOI: 10.1080/14777622.2021.1984001.

34. Pekkanen S.A. Governing the new space race // *AJIL Unbound*. 2019. Vol. 113. P. 92–97. DOI: 10.1017/aju.2019.16.

35. Sachdeva G.S. Commercial mining of celestial resources: Case study of U.S. space laws // *Astropolitics*. 2018. Vol. 16. No. 3. P. 202–215. DOI: 10.1080/14777622.2018.1534312.

36. Shreve B.G. The US, the USSR and space exploration, 1957–1963 // *International Journal on World Peace*. 2003. Vol. 20. No. 2. P. 67–83.

37. Spears L., Martin J., Rotham B. Legality of ownership of asteroid mining results in space based on international law arrangements // *Pancasila International Journal of Applied Social Science*. 2023. Vol. 1. No. 1. P. 10–24. DOI: 10.59653/pancasila.v1i01.75.

38. Yatin A.S., Hasbiyalloh B.Y., Hanan D. Redefining American interests: Analyzing U.S. policy shifts during the space race with China (2011–2021) // *Jurnal Wacana Politik*. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 40–50. DOI: 10.24198/jwp.v8i1.49516.

39. Zwart de M., Henderson S., Neumann M. Space resource activities and the evolution of international space law // *Acta Astronautica*. 2023. Vol. 211. P. 155–162. DOI: 10.1016/j.actaastro.2023.06.009.

REFERENCES

1. Agapova M.R. 2025. Natsional'noe pravo Soedinennykh Shtatov Ameriki o kommertsializatsii kosmicheskoi deyatel'nosti i ego sootnoshenie s normami mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava [The law of the United States of America on the commercialization of space activities and its relationship with the norms of international space law]. *Actual Problems of Russian Law*, vol. 20, no. 4, pp. 167–181. DOI: 10.17803/1994-1471.2025-173.4.167-181. (In Russ.)

2. Alekseenko A.P. 2016. Razvedka i dobycha kosmicheskikh resursov: opyt zakonotvorchestva SShA [Exploration and extraction of space resources: The record of U.S. lawmaking]. *Yuridicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 34–41. DOI: 10.7256/2409-7136.2016-5-18968. (In Russ.)

3. Bedaev A.I. 2024. Militarizatsiya kosmosa v kontekste sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii [Militarization of outer space in the context of contemporary international relations]. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 2 (79), pp. 7–15. DOI: 10.54398/1818510X_2024_2_7. (In Russ.)

4. Vylegzhanin A.N., Kiseleva O.A., Shtodina I.Yu. 2023. Sostyazatel'noe soblyudeniye Rossiei i SShA Dogovora po kosmosu 1967 g. [Competitive observance by the Russian Federation and the USA of the 1967 Outer Space Treaty]. *Law Enforcement Review*, vol. 7, no. 3, pp. 145–154. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).145-154. (In Russ.)

5. Danilin I.V., Shavlai E.P. 2022. Politika po razvitiyu indiiskogo 'Novogo kosmosa' [India's policies in support of the New Space]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 15, no. 5, pp. 113–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-5-86-113-134. (In Russ.)

6. Zhukov N.S. 2022. Kosmicheskaya gonka mezhdru SSSR i SShA [The space race between the USSR and the USA]. In: Loginov Yu.Yu. (ed.). *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики: Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi Dnyu kosmonavтики: V 3 t. T. 3* [Actual problems of aviation and cosmonautics: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference dedicated to the Day of Cosmonautics: In 3 vols.

Vol. 3]. Krasnoyarsk, Sibirskii gosudarstvennyi universitet nauki i tekhnologii imeni akademika M.F. Reshetneva Publ., pp. 1209–1211. (In Russ.)

7. Kovalev A.P., Sotnik S.A., Sotnik D.S. 2023. Kosmos kak novaya sfera vooruzhennoi bor'by [Space as a new sphere of armed struggle]. *Voennaya mysl'*, no. 3, pp. 35–52. (In Russ.)

8. Korobushin D.V., Veiko A.V., Dadashyan A.E. 2018. Chastnyi kosmos v SShA: tendentsii razvitiya [Private cosmos in the USA: Trends of development]. *Economic Problems and Legal Practice*, no. 3, pp. 107–112.

9. Arbatov A., Dvorkin V. (eds.). 2009. *Kosmos: oruzhie, diplomatiya, bezopasnost'* [Outer space: Weapons, diplomacy and security]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

10. Koshkin P.G. 2021. Ekspertnyi i zhurnalistskii diskursy vokrug vtoroi kosmicheskoi gonki mezhdru Rossiei, SShA i drugimi stranami [Expert and media discourses around the second space race between Russia, the U.S. and other countries]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 14, no. 3, pp. 313–333. DOI: 10.21638/spbu06.2021.304. (In Russ.)

11. Nikitin A.I., Klinova M.V. 2022. Doktrinal'nye aspekty politiki SShA, NATO i ES v oblasti voennogo kosmosa [Doctrinal aspects of the US, NATO and EU policies in military space]. *Comparative Politics Russia*, vol. 13, no. 4, pp. 45–64. DOI: 10.24833/2221-3279-2022-4-13-45-64. (In Russ.)

12. Panarina D.S. 2010. Frontir kak odin iz faktorov i mifov amerikanskoi istorii [The frontier as one of the factors and myths of American history]. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 80–88. (In Russ.)

13. Petrechuk A.I. 2017. Amerikanskaya mechta i amerikanskaya iskl'yuchitel'nost'. Ot istokov do sovremennosti [The American dream and American exceptionalism. From foundations till nowadays]. *Arkhot*, no. 3 (3), pp. 51–64. (In Russ.)

14. Ponamareva A.M. 2022. Kosmos kak novoe operativnoe prostranstvo NATO [Outer space as a new NATO's operational space]. *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, vol. 80, no. 64, pp. 6–14. (In Russ.)

15. Prokopenkova I.O. 2021. Transformatsiya kosmicheskoi politiki SShA v XXI v.: promezhutochnye itogi i vyzovy dlya administratsii Dzh. Baidena [Transformation of the U.S. space policy in the 21st century: Provisional results and challenges for the J. Biden administration]. *National Strategy Issues*, no. 3 (66), pp. 195–220. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_3_195. (In Russ.)

16. Kokoshin A.A. (ed.). 2013. *Rossiia i mezhdunarodnaya bezopasnost' v kosmose* [Russia and international security in outer space]. Moscow, KRASAND Publ. (In Russ.)

17. Tomashevskii K. 2020. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Rossii i SShA v kosmose: kuda my napravlyaemsa? [International cooperation between Russia and USA regarding space exploration. Where are we headed?]. *RSUH/RGGU Bul-*

letin Series 'Political Science. History. International Relations', no. 1, pp. 135–146. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-135-146. (In Russ.)

18. Uvarov V.B. 2021. Kosmicheskoe nasledie Donal'da Trampa: kak naibolee protivorechivyi prezident SShA zalozhil osnovu dlya ekspansii [Donald Trump's space legacy: How the U.S. most controversial president laid the foundation for expansion]. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 2 (108), pp. 131–146. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kosmicheskoe-nasledie-trampa/> (accessed: 15.09.2025). (In Russ.)

19. Khlopov O.A. 2023. Kosmicheskie sily SShA: Evolutsiya sozdaniya, tseli i zadachi [US space force: Creation evolution, goals and objectives]. *Science. Society. Defense*, vol. 11, no. 1 (34), p. 9. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-1-9-9. (In Russ.)

20. Agarwal A. 2021. Outer space mining: An analysis of its legal aspects. *International Journal of Law*, vol. 7, no. 2, pp. 85–90.

21. Ali N., Amin T., Awaan A.K. 2024. The great power space race: How the US, Russia and China competing in space exploration. *International Journal of Contemporary Issues in Social Sciences*, vol. 3, no. 2, pp. 200–207.

22. Bateman A. 2024. *Weapons in space: Technology, politics, and the rise and fall of the Strategic Defense Initiative*. Cambridge, The MIT Press.

23. Cheng D. 2024. *China and the new moon race*. Washington, D.C., The Space Policy. Available at: <https://bpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/7/314/files/2025/01/Cheng-D.-China-and-the-New-Moon-Race.pdf> (accessed: 15.09.2025).

24. Daniels M. 2020. *The history and future of U.S.-China competition and cooperation in space*. [S.l], John Hopkins Applied Physics Laboratory. Available at: <https://www.jhuapl.edu/assessing-us-china-technology-connections/dist/a77e24719d68daf7afd8e91256ffad8a.pdf> (accessed: 15.09.2025).

25. Davidian K. 2022. Operationalizing the definition of 'commercial space'. *Acta Astronautica*, vol. 198, pp. 541–549. DOI: 10.1016/j.actaastro.2022.06.040.

26. Donou-Adonsou F. et al. 2024. Cointegration analysis of US space activity and its environmental impact. *Environmental Pollution*, vol. 352. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S026974912400856X> (accessed: 15.09.2025).

27. Eriksson J., Newlove-Eriksson L.M. 2023. Outsourcing the American space dream: SpaceX and the race to the stars. *Astropolitics*, vol. 21, no. 1, pp. 46–62. DOI: 10.1080/14777622.2023.2196017.

28. Hickman J. 2019. Research viewpoint: International relations and the second space race between the United States and China. *Astropolitics*, vol. 17, no. 3, pp. 178–190. DOI: 10.1080/14777622.2019.1672507.

29. Holland D., Burns J. 2018. The American space exploration narrative from the Cold War through the Obama administration. *Space Policy*, vol. 46, pp. 9–17. DOI: 10.1016/j.spacepol.2018.03.007.

30. Leon A.M. 2018. Mining for meaning: An examination of the legality of property rights in space resources. *Virginia Law Review*, vol. 104, no. 3, pp. 497–546.

31. Mazzucato M., Robinson D. 2018. Co-creating and directing innovation ecosystems: NASA's approach to public-private partnerships in low-Earth orbit. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 136, pp. 166–177. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.03.034.

32. Morin J-F., Tepper E. 2023. The empire strikes back: Comparing US and China's structural power in outer space. *Global Studies Quarterly*, vol. 3, no. 4, pp. 1–13. DOI: 10.1093/isagsq/ksad067.

33. Peeters W. 2021. Evolution of the space economy: Government space to commercial space and new space. *Astropolitics*, vol. 19, no. 3, pp. 206–222. DOI: 10.1080/14777622.2021.1984001.

34. Pekkanen S.A. 2019. Governing the new space race. *AJIL Unbound*, vol. 113, pp. 92–97. DOI: 10.1017/aju.2019.16.

35. Sachdeva G.S. 2018. Commercial mining of celestial resources: Case study of U.S. space laws. *Astropolitics*, vol. 16, no. 3, pp. 202–215. DOI: 10.1080/14777622.2018.1534312.

36. Shreve B.G. 2003. The US, the USSR and space exploration, 1957–1963. *International Journal on World Peace*, vol. 20, no. 2, pp. 67–83.

37. Spears L., Martin J., Rotham B. 2023. Legality of ownership of asteroid mining results in space based on international law arrangements. *Pancasila International Journal of Applied Social Science*, vol. 1, no. 1, pp. 10–24. DOI: 10.59653/pancasila.v1i01.75.

38. Yatin A.S., Hasbiyalloh B.Y., Hanan D. 2024. Redefining American interests: Analyzing U.S. policy shifts during the space race with China (2011–2021). *Jurnal Wacana Politik*, vol. 9, no. 1, pp. 40–50. DOI: 10.24198/jwp.v8i1.49516.

39. Zwart de M., Henderson S., Neumann M. 2023. Space resource activities and the evolution of international space law. *Acta Astronautica*, vol. 211, pp. 155–162. DOI: 10.1016/j.actaastro.2023.06.009.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025;
одобрена после рецензирования 10.09.2025;
принята к публикации 15.10.2025

The paper was submitted 15.05.2025;
approved after reviewing 10.09.2025;
accepted for publication 15.10.2025

«МЯГКАЯ СИЛА» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-213-239

Научная статья / Research paper

А.Н. Марчуков*

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ: КЛЮЧЕВЫЕ АКТОРЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»
125047, Москва, пл. Миусская, 6, стр. 6*

В условиях обострившегося противостояния между Россией и так называемым коллективным Западом налаживание конструктивного диалога с латиноамериканской общественностью и политическими элитами приобретает особое значение с точки зрения продвижения российских внешнеполитических интересов и формирования положительного образа в странах, составляющих Глобальное большинство. Цель статьи заключается в выявлении специфики функционирования ключевых институтов российской публичной дипломатии в Латинской Америке с момента начала специальной военной операции России на Украине и в оценке перспектив развития этих институтов с учетом текущей международной обстановки. В первом разделе показана роль международного вещания в донесении внешнеполитической позиции России до целевой аудитории стран региона. Автор демонстрирует, что помимо СМИ (прежде всего «RT en Español», «Sputnik Mundo» и «Sputnik Brazil») большое значение в этом контексте имеет деятельность российских загранучреждений. Во втором разделе выявлены особенности культурной дипломатии в продвижении российских интересов в Латиноамериканском регионе. Автор заключает, что наиболее важную роль играет Россотрудничество, предлагающее значительное чис-

* *Марчуков Александр Николаевич* — кандидат политических наук, доцент, кафедра теоретической политологии, факультет политологии, Российский государственный гуманитарный университет (e-mail: alexander.marchukov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6416-6371).

ло разнообразных креативных мероприятий, направленных на культурное сближение народов России и Латинской Америки. При этом отмечается, что отдельные акторы культурной дипломатии демонстрируют высокий уровень координации внешнеполитических усилий, организуя совместные мероприятия (например, Русские дома и загранучреждения, Фонд Горчакова и Институт Латинской Америки). В третьем разделе рассмотрены препятствия и возможности для повышения эффективности отечественной публичной дипломатии в странах региона. К первым автор относит ограничительные меры со стороны США и их союзников, а также сохраняющийся высокий уровень критических настроений в ряде государств Латинской Америки по отношению к России. Ко вторым — политику администрации Д. Трампа, которая влечет рост антиамериканизма в некоторых странах, и, что особенно важно, всё больший запрос со стороны народов Латинской Америки на формирование более справедливого и устойчивого мира. Автор заключает, что российская публичная дипломатия в регионе обладает значительным, но еще во многом не реализованным потенциалом. Для его более полного раскрытия представляется необходимым уделить больше внимания инструментам цифровой дипломатии, расширить перечень и охват программ культурной дипломатии.

Ключевые слова: публичная дипломатия, культурная дипломатия, цифровая дипломатия, научная дипломатия, «мягкая сила», стратегическая коммуникация, гуманитарное сотрудничество, Россия, Латинская Америка, RT, Sputnik, Россотрудничество

Для цитирования: Марчуков А.Н. Публичная дипломатия России в Латинской Америке в условиях геополитической напряженности: ключевые акторы, возможности и препятствия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 213–239. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-213-239.

Alexander N. Marchukov

RUSSIA'S PUBLIC DIPLOMACY IN LATIN AMERICA AMID RISING GEOPOLITICAL TENSIONS: KEY ACTORS, OBSTACLES, AND OPPORTUNITIES

*Russian State University for the Humanities (RSUH)
6 Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125047*

Amid the intensified confrontation between Russia and the so-called collective West, fostering constructive dialogue with Latin American civil society and political elites has acquired particular significance in terms of advancing Russia's

foreign policy interests and shaping its positive image among the nations of the Global Majority. This article identifies the specific features of how key Russian public diplomacy institutions have operated in Latin America since the launch of Russia's special military operation in Ukraine and assesses the prospects for their development given the current international situation. The first section highlights the role of international broadcasting in conveying Russia's foreign policy stance to target audiences in the region. In this regard, the author shows that the activities of Russian overseas diplomatic institutions are no less important than those of the media — 'RT en Español', 'Sputnik Mundo', and 'Sputnik Brazil'. The second section examines the role of cultural diplomacy in advancing Russian interests in Latin America. The author concludes that *Rossotrudnichestvo* plays the most important role in this regard, offering a broad range of creative initiatives aimed at fostering closer cultural ties between the peoples of Russia and Latin America. It is also noted that certain cultural diplomacy actors, such as Russian Houses and diplomatic missions, the Gorchakov Foundation, and the Institute of Latin America, demonstrate a high degree of coordination in foreign policy efforts through organizing joint events. The third section examines the constraints and opportunities for enhancing the effectiveness of Russia's public diplomacy in the region. The former include restrictive measures by the United States and its allies, as well as a persistently high level of critical sentiment towards Russia in a number of Latin American states. The latter include the policy of the Trump administration, which fuels anti-American sentiments in some countries, and, most importantly, contributes to the growing demand among the peoples of Latin America for a more fair and sustainable world order. The author concludes that Russian public diplomacy in the region possesses significant, yet largely untapped, potential. To unleash it, it is necessary to pay more attention to digital diplomacy tools and expand the range and scope of cultural diplomacy programs.

Keywords: public diplomacy, cultural diplomacy, digital diplomacy, science diplomacy, 'soft power', strategic communication, humanitarian cooperation, Russia, Latin America, RT, Sputnik, *Rossotrudnichestvo*

About the author: Alexander N. Marchukov — PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Theoretical Political Science, Faculty of Political Science, Russian State University for the Humanities (e-mail: alexander.marchukov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6416-6371).

For citation: Marchukov A.N. 2025. Russia's public diplomacy in Latin America amid rising geopolitical tensions: Key actors, obstacles, and opportunities. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 213–239. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-213-239. (In Russ.)

Латинская Америка, несмотря на свою географическую отдаленность от России, в последние два десятилетия рассматривалась Москвой в качестве важного региона для взаимовыгодного сотрудничества в экономической, военно-технической, политической и культурной сферах [Пятаков, 2020]. С началом специальной военной операции (СВО) РФ на Украине значимость Латинской Америки для отечественных внешнеполитических интересов заметно выросла [Коновалова, 2023], что в определенной степени объясняется стремлением российского государства заручиться поддержкой местной общественности и политических элит в условиях геополитического противостояния с так называемым коллективным Западом [Макарычева, Крюкова, 2023]. Неслучайно особая роль политической составляющей в отношениях России со странами Латинской Америки прослеживается в новой редакции Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г., в которой подчеркивается готовность обеспечить содействие латиноамериканским государствам, «подвергающимся давлению США и их союзников, в обеспечении суверенитета и независимости...»¹.

Одним из ключевых российских внешнеполитических инструментов, способствующих продвижению национальных интересов страны за рубежом, является публичная дипломатия — практика использования государством деятельности СМИ, дипломатов, культурно-образовательных институтов, экспертных организаций и иных акторов для установления доверительных отношений с иностранной аудиторией [Cull, 2019]. Сегодня публичную дипломатию можно рассматривать как совокупность двух важнейших элементов: *информационного сопровождения внешней политики* (медиадеятельность международных вещателей и дипломатов) и *культурной дипломатии* [Tuch, 1990; Zaharna, 2009]. Задача первого — артикуляция внешнеполитической позиции государства, второй нацелен преимущественно на развитие диалога с зарубежной общественностью и может включать разные направления публичной дипломатии (образовательную дипломатию, научную дипломатию, диаспоральную дипломатию и др.). Важно осознавать, что границы

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. Доступ: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 25.08.2025).

этих внутрисистемных элементов весьма подвижны, и это априори придает любым классификациям публичной дипломатии достаточно условный характер [Cull, 2019].

Анализ научной литературы, посвященной усилиям России в сфере публичной дипломатии в Латинской Америке, демонстрирует значительный дефицит работ, предлагающих системное осмысление данного феномена. За редким исключением [Березина, 2021; Pashentsev, 2020] большинство исследований сосредоточено или на особенностях функционирования отечественной публичной дипломатии в отдельных латиноамериканских странах [Будаев, 2014; Крючкова, 2023; Иванова, 2024], или на влиянии определенных ее направлений на местное общественное мнение [Мосейкина, 2015; Курбатов, 2024; Мириманов, 2024].

С учетом недостаточной изученности выбранной темы, а также значимости Латинской Америки для национальных интересов российского государства [Яковлев, 2022b; Воронцова, Муллаянов, 2023] крайне важным представляется исследование особенностей реализации отечественной публичной дипломатии в регионе в условиях резко возросшей конфронтации с США и Евросоюзом после февраля 2022 г. Кроме того, существует необходимость анализа перспектив развития российской публичной дипломатии в латиноамериканских странах на фоне имеющихся препятствий и возможностей.

Цель данной статьи — выявление специфики функционирования ключевых институтов российской публичной дипломатии в Латинской Америке с момента начала СВО до настоящего времени (выбор данных временных границ обусловлен значительным усилением внимания России к региону в указанный период). Применяя системный подход в качестве теоретического базиса, автор рассматривает национальную публичную дипломатию как отдельную своеобразную систему, состоящую из различных взаимодействующих элементов (институтов), которые испытывают на себе влияние вызовов внешней среды. Эмпирической основой исследования выступают экспертные доклады и публикации российских и зарубежных ученых, а также материалы официальных сайтов и страниц в социальных сетях ведущих российских субъектов публичной дипломатии в странах Латинской Америки, позволяющие раскрыть особенности их внешнеполитического взаимодействия с местной аудиторией.

Роль международного вещания и дипломатии в артикуляции внешнеполитической позиции России в Латинской Америке

Ключевыми акторами публичной дипломатии России в Латинской Америке в сфере информационного сопровождения внешней политики Москвы выступают международные вещатели: «RT en Español», «Sputnik Mundo» и «Sputnik Brazil». Так, испаноязычная служба «RT» работает в регионе с 2009 г., являясь одним из наиболее популярных телевизионных каналов среди латиноамериканцев². Телеканал транслируется во всех странах Латинской Америки, за исключением Гаити³; постоянно расширяет свое присутствие на местном телевидении⁴; широко представлен в социальных сетях, где на его аккаунты на июнь 2024 г. было подписано 30,3 млн человек (42% составляли жители Аргентины, Венесуэлы и Мексики)⁵.

Отчасти на широкую географию распространения телеканала в регионе повлияло его тесное сотрудничество с известным латиноамериканским вещателем «Telesur»⁶. Помимо этого его популярность у аудитории объясняется особым содержанием информационных программ, предлагающих альтернативную западным массмедиа точку зрения на происходящие в мире события [Мяо, 2023; Мириманов, 2024; Jeifetz, 2020]. Хотя «RT en Español» и создает программы, освещающие особенности повседневной жизни в России (например, шоу «Список Эрика»), подавляющая часть выпускаемого им контента посвящена политическим вопросам, в том числе критике внешнепо-

² Growing audiences and influence: Russian media in Latin America // Bertelsmann Foundation. 09.06.2022. Available at: <https://www.bfna.org/digital-world/growing-audiences-and-influence-russian-media-in-latin-america-7wlrwqpupm/> (accessed: 25.08.2025).

³ Cobertura // RT en Español. Available at: <https://actualidad.rt.com/acerca/cobertura> (accessed: 25.08.2025).

⁴ RT en Español расширил своё присутствие в Гондурасе // RT. 02.05.24. Доступ: <https://russian.rt.com/world/news/1307741-rt-en-espa%C3%B1ol-gonduras%20l> (дата обращения: 25.08.2025).

⁵ The authoritarian nexus: How Russia and China undermine democracy worldwide // International Republican Institute. 2024. Available at: <https://www.iri.org/wp-content/uploads/2024/04/The-Authoritarian-Nexus.pdf> (accessed: 25.08.2025).

⁶ Farah D., Ortiz R.D. Russian influence campaigns in Latin America // United States Institute of Peace. October 2023. No. 525. Available at: https://www.usip.org/sites/default/files/2023-10/sr_525-russian_influence_campaigns_latina_america.pdf (accessed: 25.08.2025).

литического поведения США и их союзников (телепередачи «Прямое воздействие», «Зум», «Разговор с Корреа» и др.)⁷.

Что же касается запущенных в 2014 г. радиостанций «Sputnik Mundo» и «Sputnik Brazil», то зона покрытия их эфира довольно ограниченная⁸. Так, испаноязычная служба «Sputnik» имеет собственные радиочастоты в Аргентине и Уругвае; часть ее программ транслируется СМИ Венесуэлы, Гватемалы и Кубы⁹, а также ожидается запуск круглосуточного вещания в Никарагуа в 2025 г.¹⁰ Зона наземного вещания «Sputnik Brazil» пока охватывает только агломерацию Рио-де-Жанейро с населением 13,5 млн человек¹¹.

Рассматриваемые радиостанции достаточно активны в интернет-пространстве. Например, в 2023 г. «Sputnik Mundo» сумела привлечь свыше 1 млн уникальных пользователей на собственный официальный сайт; на 38% увеличила число подписчиков и просмотров в социальных сетях (особенно в TikTok)¹². В свою очередь радиостанция «Sputnik Brazil» в том же году продемонстрировала способность аккумулировать свыше 750 тыс. человек вокруг своего интернет-портала; на 43% увеличила аудиторию в социальных медиа;

⁷ Todos los programas // RT en Español. Available at: <https://actualidad.rt.com/programas> (accessed: 25.08.2025).

⁸ Программа деятельности федерального государственного унитарного предприятия Международное информационное агентство «Россия сегодня» на 2024 год // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 18.09.2024. Доступ: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/802graf.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

⁹ Venezuela y Sputnik firman acuerdo para intercambiar experiencias // Prensa Latina. 26.11.2024. Available at: <https://www.prensa-latina.cu/2024/11/26/venezuela-y-sputnik-firman-acuerdo-para-intercambiar-experiencias/> (accessed: 25.08.2025); Sputnik расширяет сотрудничество с латиноамериканскими СМИ // Международное информационное агентство «Россия сегодня». 06.04.2023. Доступ: <https://xn--c1acbl2abdlkablog.xn--p1ai/20230406/462467.html> (дата обращения: 25.08.2025); О подписании соглашения о сотрудничестве между агентствами Sputnik и Пренса Латина // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 22.03.2017. Доступ: <https://www.mid.ru/ru/maps/cu/1544110/> (дата обращения: 25.08.2025).

¹⁰ Sputnik tendrá presencia en la radio nicaragüense con programación continua // Canal 2 Nicaragua. 20.06.2025. Available at: <https://canal2tv.com/internacionales/sputnik-radio-nicaragüense-programacion/> (accessed: 25.08.2025).

¹¹ Sputnik запустил круглосуточное радиовещание в Бразилии // РИА Новости. 01.08.2025. Доступ: <https://ria.ru/20250801/sputnik-2032708848.html> (дата обращения: 25.08.2025).

¹² Программа деятельности федерального государственного унитарного предприятия Международное информационное агентство «Россия сегодня» на 2024 год...

начала сотрудничество с рядом местных лидеров общественного мнения (с бразильским журналистом Э. Эскобаром, политологом В. Безерра)¹³.

С 2022 г. проведение Россией СВО на Украине стало одной из важнейших тем в информационной повестке указанных СМИ¹⁴. В частности, только в течение 2023 г. «RT en Español» и «Sputnik Mundo» разместили в социальных сетях свыше 6 тыс. публикаций, посвященных угрозам для национальной безопасности РФ со стороны украинского политического режима, критике военной помощи Украине, влиянию санкций на российскую экономику (подобные публикации были также характерны для «Sputnik Brasil»)¹⁵.

Важную роль в информационном сопровождении внешней политики России в Латинской Америке традиционно играют ее загранучреждения, информирующие с помощью цифровой дипломатии [Pavić et al., 2025] местное население о текущем состоянии двусторонних отношений между РФ и странами Латиноамериканского региона, об особенностях политического и культурного развития современного российского государства, а также о мотивах его внешнеполитического поведения. Особое место в информационной политике таких учреждений занимает критика внешнеполитического поведения стран коллективного Запада в различные исторические периоды¹⁶. Она встречается не только на официальных страницах посольств и в сообщениях для социальных медиа, но и в ориентированных на местную общественность публикациях (серия статей посла России в Мексике Н. Софинского для газеты «La Jornada»; интервью посла России в Бразилии А. Лабеецкого газете «O Globo» и др.¹⁷).

¹³ Там же.

¹⁴ Vázquez L.M. RT / Sputnik como herramientas de propagación de desinformación de la política exterior rusa. Real Instituto Universitario de Estudios Europeos. 2024. Núm. 143. Available at: https://www.idee.ceu.es/Portals/0/Sputnik_Mendez_2024.pdf (accessed: 25.08.2025).

¹⁵ In Latin America, Russia's ambassadors and state media tailor anti-Ukraine content to the local context // Atlantic Council. 29.02.2024. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/in-latin-america-russias-ambassadors-and-state-media-tailor-anti-ukraine-content-to-the-local-context/> (accessed: 25.08.2025).

¹⁶ Борьба с неокOLONиализмом // Посольство Российской Федерации в Боливарианской Республике Венесуэла. Доступ: https://venezuela.mid.ru/ru/press-centre/istoricheskie_materialy/ (дата обращения: 25.08.2025).

¹⁷ Solar C. Moscow's other offensive: Russian public diplomacy in Latin America // The Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. 19.03.2024. Available

В целом отечественные журналисты и дипломаты в регионе прикладывают значительные усилия для объяснения внешнеполитических шагов России и критической оценки действий США и их союзников на международной арене. При этом наиболее заметной выглядит деятельность «RT en Español», охватывающая практически все страны региона. Обращает на себя внимание ориентированность отечественных акторов публичной дипломатии на взаимодействие с общественностью Бразилии, Венесуэлы, Кубы и Никарагуа (стран, имеющих особое значение для национальных интересов России¹⁸), а также Аргентины (с учетом российско-аргентинских торговых отношений; наличия внушительной русской диаспоры и др.).

Зарубежные ученые зачастую склонны видеть в участии «RT» и «Sputnik» в информационной сфере региона эффективную деятельность, угрожающую интересам коллективного Запада¹⁹. Значительное количество подготовленных этими экспертами докладов отчасти может свидетельствовать об успехах российских СМИ и заграничных учреждений. Однако определение степени реального влияния отечественных международных вещателей на общественное мнение местного населения сегодня представляется крайне нетривиальной задачей, поскольку в политической практике отсутствуют обще-

at: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/moscows-other-offensive-russian-public-diplomacy-latin-america> (accessed: 25.08.2025).

¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации...

¹⁹ Brandt J., Wirtschafter V. Working the Western Hemisphere: How Russia spreads propaganda about Ukraine in Latin America and the impact of platform responses // The Brookings Institution. December 2022. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/12/FP_20221216_russia_propaganda_brandt_wirtschafter.pdf (accessed: 25.08.2025); Marrero C.G., Chaguaceda A. El poder de Rusia en Latinoamérica: Autocracia global, influencia regional // Fundación Konrad Adenauer. 2022. No. 7. Available at: <http://gobiernoyanalisispolitico.org/wp-content/uploads/2024/01/El-poder-de-Rusia-en-Latinoamerica.pdf> (accessed: 25.08.2025); Klyszcz I.U. Russia's changing Latin America strategy // PONARS Eurasia Policy Memo. February 2024. No. 875. Available at: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/2023/12/Pepm_875_Klyszcz_February2024.pdf (accessed: 25.08.2025); Rikles C.M., Castellano R.N. Rusia en América Latina: geometría variable de un actor secundario con aspiraciones protagónicas El Centro de Estudios Estratégicos del Ejército del Perú. December 2022. Available at: <https://ceeep.mil.pe/wp-content/uploads/2022/12/Rusia-en-Ame%CC%81rica-Latina-Malamud-Nunez.pdf> (accessed: 25.08.2025); Marmeladova S. El lugar de América Latina en el tablero geopolítico ruso: ¿Cambios en la ecuación estratégica tras el 24-F? // Fundación Carolina. Documentos de Trabajo. 2023. No. 75. Available at: https://www.fundacioncarolina.es/wp-content/uploads/2023/01/DT_FC_75.pdf (accessed: 25.08.2025).

принятые непротиворечивые критерии оценки эффективности программ публичной дипломатии.

Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России в Латинской Америке

Культурная дипломатия, будучи одним из ключевых элементов публичной дипломатии [Cull, 2009], представляет собой внешнеполитическую деятельность, варьирующую от трансляции культурного наследия до культурного обмена [Василенко, 2016; Cull, 2019; Grincheva, 2023]. Россия активно применяет культурную дипломатию в Латинской Америке для выстраивания долгосрочных отношений с местным населением.

В данный вид политической практики вовлечено значительное количество разнообразных государственных и негосударственных акторов, среди которых выделяется созданное в 2008 г. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Данная организация продвигает российское образование, науку и культуру в регионе, а также развивает тесные связи с представителями русской диаспоры, которая достаточно заметна в ряде стран Латинской Америки (прежде всего в Бразилии и Аргентине) [Мосейкина, 2015, 2019; Белов, 2024].

Россотрудничество взаимодействует с латиноамериканской общественностью через сеть так называемых Русских домов (культурных центров), расположенных в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Мексике, Никарагуа, Перу, Чили, на Кубе. Наибольшее их присутствие наблюдается в Бразилии, где уже работают два Русских дома — в Сан-Паулу и Бразилиа, созданных непосредственно Россотрудничеством. Кроме того, при участии местного гражданского общества начнет функционировать новый «партнерский дом» в Рио-де-Жанейро. Ожидается также открытие Русского дома в Боливии²⁰.

Каждый из таких центров русской культуры имеет собственный сайт и страницы в различных социальных сетях (при этом Русский дом в Каракасе использует исключительно российские социальные

²⁰ Россотрудничество: «Русские дома» появятся ещё в шести странах // RT на русском. 22.03.2025. Доступ: <https://russian.rt.com/world/news/1452750-russkie-doma-shest-stran> (дата обращения: 25.08.2025).

медиа). Наибольшую активность в размещении информационного материала, иллюстрирующего усилия Россотрудничества в сфере культурной дипломатии, демонстрируют Русские дома в Буэнос-Айресе, Манагуа, Каракасе, Лиме и Мехико.

Россотрудничество также пытается развивать диалог с аудиторией стран Латинской Америки, где отсутствуют его представительства. Так, Русский дом в Буэнос-Айресе помимо Аргентины проводит мероприятия в Парагвае и Уругвае; Русский дом в Мехико реализует ряд проектов в Гватемале, Русский дом в Манагуа работает в Гондурасе и Сальвадоре.

В деятельности Россотрудничества можно заметить несколько особенностей. Во-первых, ряд его мероприятий отличаются определенной креативностью (например, организация патриотической игры «Зарница: города-герои» в Мексике²¹ или запуск проекта «Кинотеатр на колесах»²²). Во-вторых, Русские дома уделяют много внимания работе с молодежной аудиторией, в том числе посредством контактов с популярными лидерами общественного мнения (например, проект Русского дома в Чили «Ruso para uso», в рамках которого отечественный лингвист Д. Петров обучает чилийских знаменитостей русскому языку²³). В-третьих, представительства Россотрудничества не ограничивают свою деятельность только вопросами межкультурного взаимодействия, обращаясь также и к политической проблематике (показ документальных фильмов «RT», посвященных конфликту на Украине, в Манагуа; обсуждение книги аргентинского политолога М. Рамиреса «2022: Россия и НАТО» в Буэнос-Айресе и др.²⁴).

²¹ Выходные с «Зарницей» // Русский дом в Мехико. 18.05.2025. Доступ: <https://mexico.rs.gov.ru/news/vyходные-s-zarniczej/> (дата обращения: 25.08.2025).

²² «Фильм! Фильм! Фильм!»: российское кино в самых отдалённых регионах Чили // Русский дом в Сантьяго. 10.12.2024. Доступ: <https://chile.rs.gov.ru/news/film-film-film-rossijskoe-kino-v-samyh-otdalyonnyh-regionah-chili/> (дата обращения: 25.08.2025).

²³ «Ruso para uso»: учим чилийских звезд говорить по-русски // Русский дом в Чили. 11.11.2024. Доступ: <https://chile.rs.gov.ru/news/ruso-para-uso-uchim-chilijских-zvezd-govorit-po-russki/> (дата обращения: 25.08.2025).

²⁴ Показ документального фильма «Хочу тишины» о жизни мирных жителей Донбасса // Русский дом в Никарагуа (г. Манагуа). 27.02.2024. Доступ: <https://nicaragua.rs.gov.ru/news/pokaz-dokumentalnogo-filma-hochu-tishiny-o-zhizni-mirnyh-zhitelej-donbassa/> (дата обращения: 25.08.2025); Презентация книги аргентинского эксперта Марсело Рамиреса «2022: Россия и НАТО» прошла в Русском доме в Буэнос-Айресе //

Еще одним важным актором российской культурной дипломатии в регионе является созданный в 2007 г. Фонд «Русский мир», действующий в восьми странах Латинской Америки, где работают его Русские центры (на Кубе, в Коста-Рике и Никарагуа) и Кабинеты Русского мира (на Кубе, в Бразилии, Колумбии, Перу и Чили). И те, и другие представляют собой информационно-образовательные центры, созданные на базе местных университетов или общественных организаций, занимающиеся популяризацией русского языка и культуры. При этом деятельность Русских центров более масштабна, поскольку помимо обеспечения доступа к литературе, аудио- и видеоматериалам они также организуют специальные языковые программы, проводят культурные и научные мероприятия и т.д.

Из наиболее значимых проектов, реализованных Фондом за последние годы, можно отметить проведение международного форума «Русская литература в Латинской Америке: идеи и ценности для будущего мира», собравшего свыше 200 участников из Аргентины, Венесуэлы, Колумбии, Кубы, Уругвая и Эквадора; выделение 300 образовательных грантов кубинским студентам; поддержку реализуемых Южным федеральным университетом программ дистанционного преподавания русского языка для слушателей, представляющих Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Мексику, Парагвай, Перу, Сальвадор, Уругвай и Чили; показ информационно-образовательного видеоконтента в Бразилии, в том числе фильма «Спасенные любовью» об участниках СВО; организацию школы ГИТИСа по методикам театрального образования в Чили²⁵. На сайте Фонда можно обнаружить информацию об этих мероприятиях, однако у Русских центров и Кабинетов Русского мира в Латинской Америке отсутствуют отдельные аккаунты в социальных сетях, что лишает их возможности кардинально увеличить собственную аудиторию в отдельных странах.

Заметный вклад в культурную дипломатию России в регионе вносят загранучреждения МИД РФ, которые помимо информационно-разъяснительной деятельности участвуют также в организации проектов в сфере межкультурного взаимодействия, в том числе

Русский дом в Буэнос-Айресе. 17.04.2025. Доступ: <https://argentina.rs.gov.ru/news/prezentaciya-knigi-argentinskogo-eksperta-marselo-ramiresa-2022-rossiya-i-nato-proshla-v-russkom-dome-v-buenos-ajrese/> (дата обращения: 25.08.2025).

²⁵ Годовые отчеты о деятельности фонда // Русский мир. Доступ: <https://russkiymir.ru/fund/reports.php> (дата обращения: 25.08.2025).

и совместно с Россотрудничеством и Фондом «Русский мир» (проведение культурно-просветительского мероприятия в Никарагуа, посвященного Е. Гнесиной; показ картин современных московских художников на Всемирном дне культурного разнообразия ЮНЕСКО в Бразилии; подготовка специальной конференции для соотечественников в Перу и др.²⁶). Подобная кооперация внешнеполитических усилий осуществляется на регулярной основе и обусловлена характером отношений между отечественным внешнеполитическим ведомством и организациями, созданными при его участии. Так, МИД РФ, выступая учредителем Фонда «Русский мир», имеет возможность через своих представителей в его руководстве продвигать определенные проекты и обозначать приоритеты его развития²⁷. В свою очередь Россотрудничество, являясь подведомственным российскому Министерству иностранных дел учреждением, обязано оказывать ему содействие в сфере международной гуманитарной деятельности²⁸.

Упоминания заслуживает и работа Министерства культуры РФ, ответственного за исполнение ряда проектов, в которых принимают участие латиноамериканцы (Недели российского кино в латиноамериканских странах, Дни духовной культуры России в Бразилии и на Кубе, Международный музыкальный конкурс имени П.И. Чайковского, Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова и др.). Одним из наиболее знаковых мероприятий последних лет, реализованных при поддержке Министерства культуры, следует считать «Русские сезоны» в Бразилии в 2024 г. [Konstantínova, 2024].

²⁶ О культурно-просветительском мероприятии в Никарагуа // Посольство России в Никарагуа. 05.07.2024. Доступ: https://nicaragua.mid.ru/ru/pobeda_80/o_kulturno_prosvetitel'skom_meropriyatii_v_nikaragua/ (дата обращения: 25.08.2025); Россия представлена на Всемирном дне культурного разнообразия ЮНЕСКО в Бразилии // Россотрудничество. 22.05.2025. Доступ: <https://rs.gov.ru/news/vsemirnyj-den-kulturnogo-raznoobraziya-yunesko-v-brazilii/> (дата обращения: 25.08.2025); О страновой конференции соотечественников в Лиме // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.05.2024. Доступ: <https://www.mid.ru/ru/maps/pe/1948861/> (дата обращения: 25.08.2025).

²⁷ Устав Фонда «Русский мир» // Русский мир. Доступ: https://russkiymir.ru/fund/USTAV_2024.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

²⁸ Указ Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 года № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» // Россотрудничество. Доступ: https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/06/u-1315-06_09_2008_3.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

Расширением культурных связей между Россией и Латинской Америкой занимается также Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, созданный в 2010 г. в целях формирования благоприятного для российского государства социально-политического климата за рубежом²⁹. Фонд способствует организации экспертных встреч между академическими сообществами России и стран Латинской Америки, а также реализует профессиональные стажировки иностранных специалистов (журналистов, филологов, актеров, работников энергетической сферы и др.) в рамках программы «InteRussia». За последние три года большинство осуществленных Фондом мероприятий были направлены на выстраивание отношений с общественностью Бразилии, Аргентины и Мексики (закрытая российско-аргентинская экспертная встреча совместно с Латиноамериканской сетью геополитики и стратегии³⁰; серия круглых столов в университетах Аргентины, Бразилии и Мексики³¹; проведение конференции, посвященной 100-летию дипотношений СССР и Мексики³² и др.). Значительная часть этих мероприятий, в том числе экспертные встречи с учеными из Аргентины, Бразилии, Мексики, были реализованы Фондом Горчакова в сотрудничестве

²⁹ Миссия и задачи // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. Доступ: <https://gorchakovfund.ru/portal/page/4c40a0df-e8c8-48d3-983f-a979f42188d1> (дата обращения: 25.08.2025).

³⁰ Фонд Горчакова совместно с Латиноамериканской сетью геополитики и стратегии проведет закрытую российско-аргентинскую экспертную встречу // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. 31.08.2022. Доступ: https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/fond_gorchakova_sovmestno_latinoamerikanskoi_setiu_geopolitiki_i_strategii_provedet_zakrytuiu_rossiiskoargentinskuiu_ekspertnuiu_vstrechu_60906 (дата обращения: 25.08.2025).

³¹ В Фос-ду-Игуасу завершилась серия экспертных встреч в университетах Бразилии // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. 30.05.2023. Доступ: https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/v_fosduiguasu_zavershilas_seriia_ekspertnykh_vstrech_v_universitetakh_brazilii_62601 (дата обращения: 25.08.2025); В Мехико стартовала серия экспертных встреч // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. 16.11.2023. Доступ: https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/v_mekhiko_startovala_seriia_ekspertnykh_vstrech_63687 (дата обращения: 25.08.2025); Фонд Горчакова в Аргентине // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. 25.04.2024. Доступ: https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/fond_gorchakova_v_argentine_64687 (дата обращения: 25.08.2025).

³² Конференция, посвященная 100-летию дипотношений СССР и Мексики // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. 09.09.2024. Доступ: https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/konferentsiia_posviashchennaia_100letiiu_dipotnoshenii_sssr_i_meksiki_65414 (дата обращения: 25.08.2025).

с созданным в 1961 г. Институтом Латинской Америки РАН, который часто рассматривается отечественными политологами в качестве одного из акторов российской публичной дипломатии [Березина, 2021].

Оценивая культурную дипломатию в регионе, можно обнаружить, что наиболее важную роль в ней играет Россотрудничество, предлагающее значительное число разнообразных креативных мероприятий, направленных на культурное сближение народов России и Латинской Америки. Оно также заметно выделяется среди большинства других отечественных внешнеполитических институтов более активным использованием цифровой дипломатии, а также достаточно широким присутствием в регионе (примерно 2/3 стран Латинской Америки). Кроме того, отдельные акторы культурной дипломатии демонстрируют высокий уровень координации внешнеполитических усилий, организуя совместные мероприятия (например, Русские дома и загранучреждения, Фонд Горчакова и Институт Латинской Америки). Наконец, в определенной части создаваемых ими проектов находят отражение вопросы международной политики, что свидетельствует об их стремлении содействовать российскому государству не только в развитии культурных и научно-образовательных связей с латиноамериканскими странами, но и в формировании объективного восприятия России за рубежом.

Препятствия и возможности для развития публичной дипломатии России в Латинской Америке

Системный подход к изучению публичной дипломатии предполагает не только анализ особенностей функционирования ее ключевых акторов, но также исследование влияния на них внешних факторов, которые условно можно разделить на две группы: сдерживающие качественную трансформацию практики публичной дипломатии и благоприятствующие ей.

Одним из ключевых барьеров, препятствующих работе российских журналистов, дипломатов и сотрудников институтов культурной дипломатии, следует назвать *ограничительные меры со стороны США и их союзников*. В первую очередь следует упомянуть финансовые санкции, негативно отражающиеся на функционировании российской публичной дипломатии в Латинской Америке [Kaláshnikov, 2024]. Так, в апреле 2023 г. радиостанция «Sputnik Brazil» была вынуждена на время приостановить свою деятельность из-за проблем

с финансовыми транзакциями³³, вызванных отключением ряда российских банков от платежной системы SWIFT³⁴. В 2024 г. Министерство финансов США ввело прямые санкции уже против «RT» и «Sputnik», обвинив их в осуществлении «кампаний вредоносного влияния» за рубежом³⁵. Затем российские СМИ были лишены возможности использовать собственные аккаунты в социальных сетях сотрудничающих с американским правительством технологических компаний Meta³⁶ и Google³⁷ (их официальные страницы в Facebook и Instagram были заблокированы, а канал «RT» в YouTube удален³⁸). Хотя на Западе отмечают способность отечественных акторов публичной дипломатии легко адаптироваться к подобным вызовам³⁹, данные шаги американских транснациональных корпораций стали серьезным ударом для информационной деятельности России в Латинской Америке, ведь только в Facebook и YouTube аудитория «RT en Español» составляла около 22 млн человек⁴⁰. Помимо этого с началом

³³ Dal J.D. Agência russa de notícias Sputnik fecha as portas no Brasil // UOL. 18.03.2023. Available at: <https://noticias.uol.com.br/columnas/juliana-dal-piva/2023/03/18/agencia-russa-de-noticias-sputnik-esta-fechando-as-portas-no-brasil.htm> (accessed: 25.08.2025).

³⁴ Западные страны договорились отключить российские банки от SWIFT // Информационное агентство ТАСС. 27.02.2022. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/13879805> (дата обращения: 25.08.2025).

³⁵ Treasury takes action as part of a U.S. Government response to Russia's foreign malign influence operations // U.S. Department of the Treasury. 04.09.2024. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2559> (accessed: 25.08.2025).

³⁶ В России компания Meta признана экстремистской организацией, а принадлежащие ей социальные сети Facebook и Instagram заблокированы.

³⁷ Transcript: US Senate Intelligence Committee hearing on election protection // Tech Policy Press. 19.09.2024. Available at: <https://www.techpolicy.press/transcript-us-senate-intelligence-committee-hearing-on-election-protection/> (accessed: 25.08.2025).

³⁸ Isaak M., Frenkel Sh. Meta and YouTube crack down on Russian media outlets // The New York Times. 17.09.2024. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/09/17/technology/meta-rt-russian-tv.html> (accessed: 25.08.2025).

³⁹ Doroshenko L. Catch me if EU can: How RT and Sputnik evade EU content bans // GMF. 23.06.2025. Available at: <https://securingdemocracy.gmfus.org/catch-me-if-eu-can-how-rt-and-sputnik-evade-eu-content-bans/> (accessed: 25.08.2025).

⁴⁰ Realuyo C. The competition for influence in the Americas is now online // Atlantic Council. 12.02.2024. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/the-competition-for-influence-in-the-americas-is-now-online/> (accessed: 25.08.2025); Explainer: How might Meta's ban affect Russia's global media activities? // BBC. 23.09.2024. Available at: <https://monitoring.bbc.co.uk/product/b0002eyk> (accessed: 25.08.2025).

СВО России на Украине в Колумбии, Коста-Рике и Уругвае часть телесетей отказались от вещания «РТ» по политическим причинам⁴¹.

Другим серьезным препятствием для отечественной публичной дипломатии в регионе является *высокий уровень критических настроений в ряде стран Латинской Америки по отношению к России*⁴². В 2024 г. в Перу, Мексике, Аргентине, Колумбии, Чили и Бразилии негативного мнения о нашей стране придерживалось от 38 до 65% населения этих государств⁴³. Как представляется, на антироссийские настроения в регионе могли повлиять по меньшей мере два фактора: неприятие многими странами Латинской Америки СВО⁴⁴ и информационные кампании США, направленные на дискредитацию международного имиджа России [Троянский, Силакова, 2024]. Если говорить о первом факторе, то ярким проявлением негативного отношения жителей латиноамериканских стран к использованию Россией военной силы на Украине стало одобрение большинством государств региона Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/1, осуждающей проведение СВО⁴⁵. Помимо этого ряд политических лидеров стран Латинской Америки (Аргентины, Колумбии, Парагвая, Чили, Уругвая, Эквадора и др.) публично осудили этот внешнеполитический шаг Москвы и даже потребовали вывести российский воинский контингент с территории Украины [Яковлев, 2022a]. Что же касается дезинформационных кампаний США, то с началом СВО многие акторы российской публичной дипломатии столкнулись с довольно масштабной критикой собственных действий со стороны популярных американских СМИ в регионе, а также целого ряда западных научно-аналитических организаций [Троянский, Силакова,

⁴¹ Репрессии в отношении российских СМИ и журналистов за рубежом // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.05.2025. Доступ: https://mid.ru/ru/press_service/journalist_help/repressions/ (дата обращения: 25.08.2025).

⁴² Fagan M., Gubbala Sh., Poushter J. Views of Russia and Putin // Pew Research Center. 02.07.2024. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2024/07/02/views-of-russia-and-putin-july-24/> (accessed: 25.08.2025).

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Дмитрий Розенталь: Латинской Америке интересно сотрудничество с Россией // РИА Новости. 26.06.2025. Доступ: <https://ria.ru/20250626/sotrudnichestvo-2025505473.html> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴⁵ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 2 марта 2022 года ES-11/1 «Агрессия против Украины» // Организация Объединенных Наций. Система официальной документации. 18.03.2022. Доступ: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/293/39/pdf/n2229339.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

2024]. Очевидно, что стремление США обвинить российских журналистов и дипломатов в манипуляциях общественным сознанием местного населения негативно отражается на восприятии России в регионе.

Несмотря на всю серьезность существующих угроз для внешнеполитической деятельности РФ в Латинской Америке, есть также и ряд возможностей для ее дальнейшего развития. Во-первых, текущий *конфликт России с коллективным Западом* можно рассматривать в качестве определенного драйвера для качественной трансформации публичной дипломатии, поскольку он вынуждает российское правительство уделять больше внимания взаимодействию с отдельными странами Латиноамериканского региона [Szente-Varga, 2022]. Стремление обеспечить формирование справедливого и устойчивого мира (в том числе за счет повышения роли незападных политических организаций) актуализирует сегодня перед российским руководством необходимость углубления сотрудничества с государствами, заинтересованными как в членстве в БРИКС (Боливия, Венесуэла, Гондурас, Колумбия, Куба и Никарагуа) [Глухов, 2024; Давыдов, Кодзоев, 2025], так и в экономической кооперации с отдельными его структурами (Уругвай)⁴⁶. Неслучайно в последние годы российское государство прилагает определенные усилия для активизации собственной публичной дипломатии в регионе, расширяя международное вещание в Бразилии, Венесуэле, Гватемале и Никарагуа, создавая новые Русские дома в Бразилии и Боливии, увеличивая число образовательных грантов для студентов из Латинской Америки, организуя «Русские сезоны» в Бразилии и др.⁴⁷

Во-вторых, *резкие внешнеполитические шаги американской администрации при текущем президентстве Д. Трампа* (стремление обеспечить контроль США над Панамским каналом; экономические пошлины на товары из Латинской Америки; высылка нелегальных мигрантов в Колумбию и Мексику и др. [Yakovlev, 2025]) способны

⁴⁶ Leon O.O. Uruguay: ser o no ser de los Brics // Prensa Latina. 08.07.2025. Available at: <https://publica.prensa-latina.cu/pub/uruguay-ser-o-no-ser-de-los-brics> (accessed: 25.08.2025).

⁴⁷ В РСМД состоялся экспертный семинар «Научно-образовательное сотрудничество России и стран Латинской Америки: вызовы и перспективы развития» // Российский совет по международным делам. 19.04.2024. Доступ: <https://russiancouncil.ru/news/v-rsmd-sostoyalsya-ekspertnyy-seminar-nauchno-obrazovatelnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-stran-latinsko/> (дата обращения: 25.08.2025).

благоприятно отразиться на практике отечественного международного вещания, которое в своих программах традиционно уделяет значительное внимание критике внутренней и внешней политики США [Rouvinski, 2022]. Уже сейчас деятельность американского президента негативно оценивает свыше 60% населения в Аргентине, Бразилии и Мексике⁴⁸ (а в первый срок Д. Трампа уровень неодобрения его политики превышал отметку в 74%⁴⁹). Помимо ущерба международному имиджу США Д. Трамп также нанес заметный урон американской публичной дипломатии, приостановив работу конкурента «Sputnik Mundo» радиостанции «Голос Америки», собиравшей здесь аудиторию численностью 100 млн человек⁵⁰.

* * *

Подводя итоги, можно выделить ряд признаков, присущих отечественной публичной дипломатии в Латинской Америке. Прежде всего, важнейшую роль в ней играют «RT en Español», активно продвигающий значимые для российского государства внешнеполитические нарративы, и Россотрудничество, способствующее развитию диалога с местной общественностью. Следующей особенностью является акцент на взаимодействии с ограниченным кругом стран, являющихся стратегическими партнерами РФ в регионе (Аргентина, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Куба, Никарагуа и Перу). Россию и данные государства связывают тесные экономические, военно-технические и политические связи [Пятаков, 2022; Воронцова, Муллаянов, 2023; Яковлев, 2023], а приоритет сотрудничества с некоторыми из них закреплен в национальной Концепции внешней политики.

Кроме того, для публичной дипломатии РФ характерна тесная координация внешнеполитических усилий между загранучреждениями и отдельными институтами культурной дипломатии

⁴⁸ Wike R., Poushter J., Silver L., Fetterolf J. U.S. image declines in many nations amid low confidence in Trump // Pew Research Center. 11.06.2025 Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2025/06/11/us-image-declines-in-many-nations-amid-low-confidence-in-trump/> (accessed: 25.08.2025).

⁴⁹ Johnson C. Fewer people in Latin America see the U.S. favorably under Trump // Pew Research Center. 12.04.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2018/04/12/fewer-people-in-latin-america-see-the-u-s-favorably-under-trump/> (accessed: 25.08.2025).

⁵⁰ USAGM networks reached record global audience in FY 2024, according to new report // U.S. Agency for Global Media. 17.01.2025. Available at: <https://www.usagm.gov/2025/01/17/usagm-networks-reached-record-global-audience-in-fy-2024-according-to-new-report/> (accessed: 25.08.2025).

(Россотрудничеством, Фондом Горчакова и др.), организующими помимо культурных мероприятий и проекты политической направленности.

В то же время для дальнейшего развития российской публичной дипломатии в Латинской Америке необходимо уделить больше внимания цифровой дипломатии, поскольку ряд ее акторов (Фонд «Русский мир», Фонд Горчакова, Русский дом в Бразилии) не в полной мере используют возможности социальных медиа для коммуникации с латиноамериканской аудиторией.

Оценивая перспективы российской публичной дипломатии в регионе в целом, можно прогнозировать сохранение текущих темпов ее развития, учитывая способность вовлеченных в данную деятельность акторов обходить часть существующих ограничений за счет использования зеркальных сайтов на незаблокированных доменах; размещения подкастов на различных музыкальных платформах и сайтах; переориентации на работу в социальных медиа, менее подверженных влиянию США (например, Telegram). Кроме того, осознание российским руководством необходимости уделять больше внимания Латинской Америке в контексте геополитического противоборства с коллективным Западом может способствовать определенному расширению имеющегося перечня программ публичной дипломатии. Безусловно, негативное отношение населения ряда стран региона к России может препятствовать их имплементации. Тем не менее важно помнить, что публичная дипломатия многих государств сталкивалась с подобными вызовами (например, американская публичная дипломатия в СССР в период холодной войны), нередко прибегая к использованию культурной дипломатии как средства купирования негативного отношения к себе. В настоящее время Россия, обладающая мощнейшим цивилизационным потенциалом, также стремится использовать проекты в области культуры для улучшения взаимодействия с населением стран Латинской Америки. Однако их количество представляется недостаточным для того, чтобы качественно изменить характер отношений между Россией и рассматриваемым регионом. Возможным решением могло бы стать более активное участие в национальной публичной дипломатии отечественных неправительственных организаций, заинтересованных в развитии научно-образовательных и культурных связей с латиноамериканской общественностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов Д.В. Старообрядцы в Латинской Америке // Ибероамериканские тетради. 2024. Т. 12. № 4. С. 132–146. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-4-132-146.
2. Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. 2021. № 9. С. 25–41. DOI: 10.31857/S0044748X0015181-8.
3. Будаев А.В. Публичная дипломатия в российско-бразильских отношениях // Политика и общество. 2014. № 2 (110). С. 197–205. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.2.10164.
4. Василенко Е.В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 1 (5). С. 67–79. Доступ: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/4be/1_2016.pdf (дата обращения: 25.08.2025).
5. Воронцова Л.В., Муллаянов А.Ш. Россия — Латинская Америка: векторы политического, торгово-экономического партнерства и гуманитарного сотрудничества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12. № 1 (42). С. 33–37. DOI: 10.57145/27128482_2023_12_01_06.
6. Глухов И.Д. Присоединение к БРИКС стран Латинской Америки: проблемы и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 82–102. DOI: 10.31249/kgt/2024.05.05.
7. Давыдов В.М., Кодзоев М.М. Латинская Америка в условиях меняющегося миропорядка // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 1. С. 39–52. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-39-52.
8. Иванова Н.Е. Научно-образовательное сотрудничество России и Доминиканской Республики на примере Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 2 (107). С. 608–612. DOI: 10.35775/PSI.2024.107.2.029.
9. Коновалова К.А. Стратегические партнерства России и государств Латинской Америки в новых геополитических условиях // Мировая политика. 2023. № 1. С. 37–51. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.1.39954.
10. Крючкова А.В. Роль публичной дипломатии в формировании внешнего образа России в странах Латинской Америки (на примере Боливарианской Республики Венесуэла) // Дипломатическая служба. 2023. № 6. С. 497–503. DOI: 10.33920/vne-01-2306-04.
11. Курбатов Д.М. Научная дипломатия России в Латинской Америке на примере Мексики // Закон и власть. 2024. № 4. С. 35–41.
12. Макарычева А.В., Крюкова Е.В. Россия и Китай в Латинской Америке: угроза доминированию США или выгода для всех? // Вестник

Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 83–90. DOI: 10.17223/15617793/486/9.

13. Мириманов Д.А. Особенности вещания телеканала RT на испаноязычную аудиторию // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. № 4 (54). С. 74–82. DOI: 10.47475/2070-0695-2024-54-4-74-82.

14. Мосейкина М.Н. Диаспоральная дипломатия России в странах Латинской Америки: исторический опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 4. С. 66–75.

15. Мосейкина М.Н. Формирование мемориального пространства русского мира в Латинской Америке в контексте истории двух волн эмиграции // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 83–97. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.68.34566.

16. Мясоедов Т. Метод коммуникации телеканала Russia Today // Столыпинский вестник. 2023. Т. 5. № 10. Доступ: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2023/10/8.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

17. Пятаков А.Н. Военно-технические связи стран ЛКА с СССР и РФ: преемственность и перемены // Россия и Латинская Америка: взаимодействие в контексте меняющегося миропорядка / Под ред. А.В. Кузнецова, П.П. Яковлева. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 45–54.

18. Пятаков А.Н. Россия — Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения // Russie.Nei.Visions. Ifri. 2020. № 119. С. 1–36. Доступ: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/pyatakov_russia_latina_america_ru_2020.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

19. Троянский М.Г., Силакова Т.П. Дезинформационные кампании США против России в странах Латинской Америки // Международная жизнь. 2024. № 2. С. 98–105.

20. Яковлев П.П. Взаимодействие России с латиноамериканскими странами в условиях геополитического перелома // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3 (115). С. 227–253. DOI: 10.312249/ape/2022.03.10.

21. Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: отношения в диалоге Юг–Юг // Россия и Латинская Америка: взаимодействие в контексте меняющегося миропорядка / Под ред. А.В. Кузнецова, П.П. Яковлева. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 16–35.

22. Яковлев П.П. Экономическое сотрудничество России со странами Латинской Америки в контексте мирохозяйственных трансформаций // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 2 (2). С. 112–132. DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-2-112-132.

23. Cull N.J. Public diplomacy: Foundations for global engagement in the digital age. Medford: Polity Press, 2019.

24. Cull N.J. Public diplomacy: Lessons from the past. Los Angeles: Figueroa Press, 2009.
25. Grincheva N. Cultural diplomacy // A research agenda for public diplomacy / Ed. by E. Gilboa. Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2023. P. 205–218.
26. Jeifetz V. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian diplomacy in the region // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20. No. 3. P. 521–533. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-521-533.
27. Kaláshnikov N.V. El «Poder blando» de Rusia en sus relaciones con Cuba // Iberoamérica. 2024. No. 1. P. 175–198. DOI: 10.37656/s20768400-2024-1-09.
28. Konstantínova N.S. Rusia y Brasil: Comunicación intercultural // Iberoamérica. 2024. No. 3. P. 182–196. DOI: 10.37656/s20768400-2024-03-09.
29. Pashentsev E.N. Strategic communication of Russia in Latin America // Russia's public diplomacy: Evolution and practice / Ed. by A.A. Velikaya, G. Simmons. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 219–232.
30. Pavić A.M., Beriša H.A., Stajković N.S. Trends in the formulation of instruments of national power: Digital diplomacy as a factor of change in modern diplomacy // Science International Journal. 2025. Vol. 4. No. 1. P. 25–33. DOI: 10.35120/sciencej0401025p.
31. Rouvinski V. Russia in Latin America: A framework of analysis // Rethinking post-Cold War Russian — Latin American relations / Ed. by V. Rouvinski, V. Jeifets. New York: Routledge, 2022. P. 15–31.
32. Szente-Varga M. The footprints of the bear. Why does the return of Russia to Latin America matter? // Iberoamericana: Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. 2022. Vol. 51. No. 1. P. 32–44. DOI: 10.16993/iberoamericana.549.
33. Tuch H.N. Communicating with the world: U.S. public diplomacy overseas. New York: St. Martin's Press, 1990.
34. Yakovlev P.P. Política de Estados Unidos en América Latina: Trump–Biden–Trump 2.0 // Iberoamérica. 2025. No. 1. P. 5–29. DOI: 10.37656/s20768400-2025-01-01.
35. Zaharna R.S. Mapping out a spectrum of public diplomacy initiatives: Information and relational communication frameworks // Routledge handbook of public diplomacy / Ed. by N. Snow, Ph.M. Taylor. New York: Routledge, 2009. P. 86–100.

REFERENCES

1. Belov D.V. 2024. Staroobryadtsy v Latinskoj Amerike [Russian old believers in Latin America]. *Iberoamerican Papers*, vol. 12, no. 4, pp. 132–146. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-4-132-146. (In Russ.)

2. Berezina E.K. 2021. Publichnaya diplomatiya Rossii v Latinskoj Amerike: osobennosti i instituty [Russian public diplomacy in Latin America: Specifics and institutions]. *Latinskaya Amerika*, no. 9, pp. 25–41. DOI: 10.31857/S0044748X0015181-8. (In Russ.)

3. Budaev A.V. 2014. Publichnaya diplomatiya v rossiisko-brazil'skikh otnosheniyakh [Public diplomacy in Russian-Brazilian relations]. *Politics and Society*, no. 2 (110), pp. 197–205. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.2.10164. (In Russ.)

4. Vasilenko E.V. 2016. Kul'turnaya diplomatiya kak instrument 'myagkoi sily' gosudarstva [Cultural diplomacy as a tool to increase a state's soft power]. *Perspectives and Prospects. E-Journal*, no. 1 (5), pp. 67–79. Available at: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/4be/1_2016.pdf (accessed: 25.08.2025). (In Russ.)

5. Vorontsova L.V., Mullayanov A.Sh. 2023. Rossiya — Latinskaya Amerika: vektory politicheskogo, torgovo-ekonomicheskogo partnerstva i gumanitarnogo sotrudnichestva [Russia — Latin America: Vectors of political, trade and economic partnership and humanitarian cooperation]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, vol. 12, no. 1 (42), pp. 33–37. DOI: 10.5714/5/27128482_2023_12_01_06. (In Russ.)

6. Glukhov I.D. 2024. Prisoedinenie k BRIKS stran Latinskoj Ameriki: problemy i perspektivy [Latin America's integration into BRICS: Challenges and prospects]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 82–102. DOI: 10.31249/kgt/2024.05.05. (In Russ.)

7. Davydov V.M., Kodzoev M.M. 2025. Latinskaya Amerika v usloviyakh menyayushchegosya miroponyadka [Latin America in the context of a changing world order]. *World Economy and International Relations*, vol. 69, no. 1, pp. 39–52. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-39-52. (In Russ.)

8. Ivanova N.E. 2024. Nauchno-obrazovatel'noe sotrudnichestvo Rossii i Dominikanskoi Respubliki na primere Rossiiskogo universiteta druzhby narodov imeni Patriza Lumumby [Scientific and educational cooperation between Russia and the Dominican Republic on the example of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba]. *Issues of National and Federative Relations*, vol. 14, no. 2 (107), pp. 608–612. DOI: 10.35775/PSI.2024.107.2.029. (In Russ.)

9. Konovalova K.A. 2023. Strategicheskie partnerstva Rossii i gosudarstv Latinskoj Ameriki v novykh geopoliticheskikh usloviyakh [Russian — Latin American strategic partnerships in new geopolitical context]. *World Politics*, no. 1, pp. 37–51. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.1.39954. (In Russ.)

10. Kryuchkova A.V. 2023. Rol' publichnoi diplomatii v formirovanii vneshnego obraza Rossii v stranakh Latinskoj Ameriki (na primere Bolivarijskoj Respubliki Venesuela) [The role of public diplomacy in shaping the external image of the Russian Federation in Latin America (on the example of the Bolivarian Republic of Venezuela)]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, no. 6, pp. 497–503. DOI: 10.33920/vne-01-2306-04. (In Russ.)

11. Kurbatov D.M. 2024. Nauchnaya diplomatiya Rossii v Latinskoi Amerike na primere Meksiki [Scientific diplomacy of Russia in Latin America on the example of Mexico]. *Law and Power*, no. 4, pp. 35–41. (In Russ.)

12. Makarycheva A.V., Kryukova E.V. 2023. Rossiya i Kitai v Latinskoi Amerike: ugroza dominirovaniyu SShA ili vygoda dlya vseh? [Russia and China in Latin America: A threat for the US dominance or a benefit for everyone?]. *Tomsk State University Journal*, no. 486, pp. 83–90. DOI: 10.17223/15617793/486/9. (In Russ.)

13. Mirimanov D.A. 2024. Osobennosti veshchaniya telekanala RT na ispanoyazychnuyu auditoriyu [Complex features of TV channel broadcasting RT to Spanish-speaking audience]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, no. 4 (54), pp. 74–82. DOI: 10.47475/2070-0695-2024-54-4-74-82. (In Russ.)

14. Moseikina M.N. 2015. Diasporal'naya diplomatiya Rossii v stranakh Latinskoi Ameriki: istoricheskii opyt i perspektivy [Diaspora diplomacy of Russia in Latin America: Historical experience and prospects]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 15, no. 4, pp. 66–75. (In Russ.)

15. Moseikina M.N. 2019. Formirovanie memorial'nogo prostranstva rusko-go mira v Latinskoi Amerike v kontekste istorii dvukh voln emigratsii [Formation of the Russian world's memorial space in Latin America in the context of the history of the two waves of emigration]. *Dialog so vremenem*, no. 68, pp. 83–97. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.68.34566. (In Russ.)

16. Myao T. 2023. Metod kommunikatsii telekanala Russia Today [Communication method of Russia Today TV channel]. *Stolypin's Bulletin*, vol. 5, no. 10. Available at: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2023/10/8.pdf> (accessed: 25.08.2025). (In Russ.)

17. Pyatakov A.N. 2022. Voennno-tekhnicheskie svyazi stran LKA s SSSR i RF: preemstvennost' i peremeny [Military-technical relations of the LCA countries with the USSR and Russian Federation: Continuity and changes]. In: Kuznetsov A.V., Yakovlev P.P. (eds.). *Rossiya i Latinskaya Amerika: vzaimodeistvie v kontekste menyayushchegosya miroporyadka* [Russia and Latin America: Interaction in the context of a changing world order]. Moscow, INION RAN Publ., pp. 45–54. (In Russ.)

18. Pyatakov A.N. 2020. Rossiya — Latinskaya Amerika v XXI veke: trudnosti i protivorechiya sblizheniya. *Russie.Nei.Visions. Ifri*, no. 119, pp. 1–36. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/pyatakov_russia_latin_america_ru_2020.pdf (accessed: 25.08.2025). (In Russ.)

19. Troyanskii M.G., Silakova T.P. 2024. Dezinformatsionnye kampanii SShA protiv Rossii v stranakh Latinskoi Ameriki [U.S. disinformation campaigns against Russia in Latin America]. *The International Affairs*, no. 2, pp. 98–105. (In Russ.)

20. Yakovlev P.P. 2022a. Vzaimodeistvie Rossii s latinoamerikanskimi stranami v usloviyakh geopoliticheskogo pereloma [Russia's interaction with Latin

American countries in the context of a geopolitical fracture]. *Current Problems of Europe*, no. 3 (115), pp. 227–253. DOI: 10.312249/ape/2022.03.10. (In Russ.)

21. Yakovlev P.P. 2022b. Rossiya i Latinskaya Amerika: otnosheniya v dialoge Yug–Yug [Russia and Latin America: Relations in the South–South dialogue]. In: Kuznetsov A.V., Yakovlev P.P. (eds.). *Rossiya i Latinskaya Amerika: vzaimodeistvie v kontekste menyayushchegosya miroporyadka* [Russia and Latin America: Interaction in the context of a changing world order]. Moscow, INION RAN Publ., pp. 16–35. (In Russ.)

22. Yakovlev P.P. 2023. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii so stranami Latinskoi Ameriki v kontekste mirokhozyaistvennykh transformatsii [Russia's economic cooperation with Latin America in the context of global economic transformations]. *Contemporary World Economy*, vol. 1, no. 2 (2), pp. 112–132. DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-2-112-132. (In Russ.)

23. Cull N.J. 2019. *Public diplomacy: Foundations for global engagement in the digital age*. Medford, Polity Press.

24. Cull N.J. 2009. *Public diplomacy: Lessons from the past*. Los Angeles, Figueroa Press.

25. Grincheva N. 2023. Cultural diplomacy. In: Gilboa E. (ed.). *A research agenda for public diplomacy*. Northampton, Edward Elgar Publishing, Inc., pp. 205–218.

26. Jeifetz V. 2020. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian diplomacy in the region. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 20, no. 3, pp. 521–533. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-521-533.

27. Kaláshnikov N.V. 2024. El ‘Poder blando’ de Rusia en sus relaciones con Cuba. *Iberoamérica*, no. 1, pp. 175–198. DOI: 10.37656/s20768400-2024-1-09.

28. Konstantínova N.S. 2024. Rusia y Brasil: Comunicación intercultural. *Iberoamérica*, no. 3, pp. 182–196. DOI: 10.37656/s20768400-2024-03-09.

29. Pashentsev E.N. 2020. Strategic communication of Russia in Latin America. In: Velikaya A.A., Simmons G. (eds.). *Russia's public diplomacy: Evolution and practice*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 219–232.

30. Pavić A.M., Beriša H.A., Stajković N.S. 2025. Trends in the formulation of instruments of national power: Digital diplomacy as a factor of change in modern diplomacy. *Science International Journal*, vol. 4, no. 1, pp. 25–33. DOI: 10.35120/sciencej0401025p.

31. Rouvinski V. 2022. Russia in Latin America: A framework of analysis. In: Rouvinski V., Jeifets V. (eds.). *Rethinking post-Cold War Russian–Latin American relations*. New York, Routledge, pp. 15–31.

32. Szenté-Varga M. 2022. The footprints of the bear. Why does the return of Russia to Latin America matter? *Iberoamericana: Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies*, vol. 51, no. 1, pp. 32–44. DOI: 10.16993/iberoamericana.549.

33. Tuch H.N. 1990. *Communicating with the world: U.S. public diplomacy overseas*. New York, St. Martin's Press.

34. Yakovlev P.P. 2025. Política de Estados Unidos en America Latina: Trump-Biden-Trump 2.0. *Iberoamérica*, no. 1, pp. 5–29. DOI: 10.37656/s20768400-2025-01-01.

35. Zaharna R.S. 2009. Mapping out a spectrum of public diplomacy initiatives: Information and relational communication frameworks. In: Snow N., Taylor Ph.M. (eds.). *Routledge handbook of public diplomacy*. New York, Routledge, pp. 86–100.

Статья поступила в редакцию 29.06.2025;
одобрена после рецензирования 23.08.2025;
принята к публикации 07.10.2025

The paper was submitted 29.06.2025;
approved after reviewing 23.08.2025;
accepted for publication 07.10.2025

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-240-248

Рецензия / Book review

А.А. Улунян*

СОХРАНИТЬ ИМПЕРИЮ В НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Рецензия на монографию С.Г. Малкина «Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума»**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А*

В последние годы в отечественной историографии по колониальной политике великих держав межвоенного периода активно исследуется стратегия Британской империи, направленная на сохранение и укрепление контроля над зависимыми территориями. Данная тема получила отражение, в частности, в новой монографии С.Г. Малкина «Патрулируя империю: Колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума», в которой представлен детализированный анализ концепций адаптации британской колониальной системы к послевоенным реалиям. Несмотря на привлечение обширной литературы по теме и широкой базы источников, монография, по замечанию самого автора, является скорее серией очерков, не претендующих на полноту изложения исследовательского материала. Тем не менее рецензент заключает, что автору удалось не только поставить под сомнение распространенный в отечественной и зарубежной историографии тезис о высокой эффективности имперской политики Соединенного Королевства после Первой мировой

* Улунян Артём Акович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (e-mail: draugab345@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1861-4823).

** Малкин С.Г. Патрулируя империю: Колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2025.

войны, но и сформулировать нетривиальные выводы, порождающие живую научную дискуссию по теоретическим и практическим аспектам проблемы британского колониального управления. Так, размышляя над военно-теоретическими основами британской колониальной политики в межвоенный период, автор контринтуитивно заключает, что в то время большая стратегия Соединенного Королевства оказалась под влиянием идей К. фон Клаузевица, несмотря на скептическое отношение британских политиков к последнему. С практической точки зрения автор обращает внимание на активное внедрение Великобританией в рамках борьбы с национально-освободительным движением контрпартизанских приемов и тактик в целях консервации имперской колониальной системы. По мнению рецензента, проведенный в монографии дискурс-анализ доктрин и концепций, направленных на укрепление Британской колониальной империи, вносит существенный вклад в отечественную историографию вопроса и представляет интерес для широкого круга читателей, включая академических исследователей.

Ключевые слова: военная мысль, Великобритания, Британская империя, колониальная политика, колониализм, «патрулирование империи», «малые войны», межвоенный период

Для цитирования: Улуян А.А. Сохранить империю в неприкосновенности. Рецензия на монографию С.Г. Малкина «Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 240–248. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-240-248.

Artem A. Ulunyan

SAFEGUARDING THE EMPIRE

Book review of 'Policing Empire: Colonial control and the British military thought during the Interbellum' by S.G. Malkin

*Institute of World History
Russian Academy of Sciences
32A Leninsky pr., Moscow, Russia, 119334*

In recent years, Russian historiography on the colonial policies of the great powers during the interwar period has actively studied the strategy of the British Empire to preserve and strengthen control over dependent territories. The new monograph by S.G. Malkin, 'Policing the Empire: Colonial control and the British

military thought during the Interbellum', serves as a good example of this trend. The book provides a detailed analysis of the concepts for adapting the British colonial system to post-war realities. At the same time, the author notes that despite drawing on extensive literature and a broad source base, the monograph is rather a series of essays that do not claim to provide a comprehensive coverage of the subject. Nevertheless, the reviewer argues that the author managed not only to challenge the thesis, common to both the Russian and foreign historiography, about the effectiveness of the United Kingdom's imperial policy after World War I, but also to formulate non-trivial thought-provoking conclusions on the theoretical and practical aspects of British colonial governance. Thus, reflecting on the military-theoretical foundations of British colonial policy in the interwar period, the author counterintuitively concludes that at the time the United Kingdom's grand strategy was influenced by the ideas of C. von Clausewitz, despite the skeptical attitude of British politicians towards the latter. From a practical perspective, the author draws attention to the fact that Great Britain actively implemented counterinsurgency tactics and techniques in the fight against national liberation movements to preserve the imperial colonial system. The reviewer argues that the discourse analysis of doctrines and concepts aimed at consolidating the British colonial empire, carried out in the monograph, makes a significant contribution to Russian historiography on the issue and may be of interest to a wide range of readers, including academic researchers.

Keywords: military thought, Great Britain, British Empire, colonial policy, colonialism, 'policing empire', 'small wars', Interbellum

About the author: Artem A. Ulunyan — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (e-mail: draugab345@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1861-4823).

For citation: Ulunyan A.A. 2025. Safeguarding the Empire. Book review of 'Policing empire: Colonial control and the British military thought during the Interbellum' by S.G. Malkin. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 240–248. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-240-248. (In Russ.)

В складывавшейся после окончания Первой мировой войны историографии по теме международных отношений особое место занимает направление, посвященное внешнеполитической мысли в странах-победительницах и особенно тех из них, которые не только сохранили, но и в определённой степени приумножили свои колониальные владения в результате распада Германской и Османской империй. Традиционно повышенное внимание в данном контексте

уделяется «британскому кейсу», который часто приводится как образец гибкой имперской политики¹. Однако, как свидетельствуют новые источники, столь однозначная положительная оценка не соответствовала действительности.

В современной российской историографии, особенно в последнее время, активно изучаются усилия британских имперских элит, направленные на формулирование военно-административных концепций «сбережения» и укрепления колониального контроля над достаточно широкими географическими межконтинентальными пространствами².

Одной из работ, посвященных данной теме, является монография доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета С.Г. Малкина. Это исследование, по словам автора, может быть отнесено «скорее к жанру очерков и потому не претендует на полноту изложения материала» (с. 5). Книга состоит из 10 глав, так как введение и заключение практически являются также очерками. Часть её названия — «патрулируя империю» — взята из заголовка работы известного британского военного теоретика Чарльза Уильяма Гвинна «Записки об имперском патрулировании»³, повлиявшей на формирование теоретических основ британской военно-административной политики в колониальном вопросе. Несмотря на заявленный очерковый

¹ Fenwick L. British and French styles of influence in colonial and independent Africa: A comparative study of Kenya and Senegal. Washington, D.C.: American University, 2009; Go J. Reverberations of empire: How the colonial past shapes the present // Social Science History. 2024. Vol. 48. No. 1. P. 1–18; Lange M.K. British colonial legacies and political development // World Development. 2004. Vol. 32. No. 6. P. 905–922; Lee A., Paine J. British colonialism and democracy: Divergent inheritances and diminishing legacies // Journal of Comparative Economics. 2019. Vol. 47. No. 3. P. 487–503; Linebaugh R. Colonial fragility: British embarrassment and the so-called «migrated archives» // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2022. Vol. 50. No. 4. P. 729–756.

² Остапенко Г.С. Британские консерваторы и деколонизация. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995; Ее же. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II: концепция управления и личности суверена. М.: Наука, 2006; Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI века. М.: ИНФРА-М; Вузовский учебник, 2012; Сагимбаев А.В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М.: ЦИОГНИС, 2018; Сергеев Е.Ю. Джордж Натаниэль Кёрзон — последний рыцарь Британской империи. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.

³ Gwynn Ch.W. Imperial policing London: Macmillan, 1934.

характер, ценность рецензируемого издания заключается в исключительно детализированном анализе выдвигавшихся в политикуме Соединенного Королевства концепций «адаптации британской армии как одного из важнейших колониальных институтов империи к новым вызовам в области её внутренней безопасности после Великой войны» и «трансформации Британской империи как таковой в свете обострившегося в эпоху Интербеллума выбора колониальных администраций и метрополии между прямой и косвенной моделями управления зависимыми территориями...» (с. 5).

В то же время очерковый характер структуры книги, каждая из глав которой является, по сути, самостоятельным произведением в рамках поставленных задач, иногда вызывает определенные нарекания. В британской историографии по вопросам имперской оборонной политики и безопасности в описываемый период особое внимание уделяется тесной связи института вооруженных сил и разведывательного сообщества, а также их взаимодействию на зависимых от Британии территориях⁴. В работе же этот вопрос затрагивается только в параграфе «Разведка и патрулирование империи» (с. 87–90). Кроме того, целесообразно было бы рассмотреть взгляды британских элит на проблемы национальной безопасности и обороны в более широком контексте так называемой Большой стратегии и послевоенного «умиротворения»⁵. Тем более что автор монографии достаточно подробно анализирует концепт «имперского патрулирования» Ч.У. Гвинна начала 1930-х годов и теорию «малых войн» Ч.Э. Коллвелла конца XIX — начала XX в., которые трактуются в работе как основы британских подходов к регулированию военно-политической ситуации на подконтрольных территориях.

Интересным, но также достаточно дискуссионным представляется сделанный на основе работ британского исследователя А. Сирла вывод С.Г. Малкина о том, что военная мысль в Британии в межвоенный период демонстрировала «окончательный переход от установок генерала французской и русской службы Антуана-Анри Жомини к положениям его современника и коллеги по опытам в области военной теории Карла фон Клаузевица» (с. 178). Здесь следовало бы отметить, что авторитет теоретических воззрений последнего

⁴ См., например: Popplewell R.J. Intelligence and imperial defence. British intelligence and the defence of the Indian Empire, 1904–1924. London: Frank Cass, 1995.

⁵ McKercher B.J.C. National security and imperial defence: British grand strategy and appeasement, 1930–1939 // Diplomacy and Statecraft. 2008. Vol. 19. No. 3. P. 391–442.

в межвоенный период был подвергнут сомнению. Утверждение о переходе от концепций А.-А. Жомини к идеям К. фон Клаузевица выглядит довольно парадоксальным, если иметь в виду, что в самой Британии германский стратег подвергался резкой критике за его идеи наступательных войн, приведших к огромным жертвам и разрушениям. К числу противников его взглядов относился, например, известный британский военный историк и теоретик Б.Г. Лиддел Харт (Гарт), который в 1937 г. был привлечен премьер-министром Н. Чемберленом к разработке так называемой Большой стратегии и составил план реформ вооруженных сил для защиты Британской империи, представленный на следующий год на рассмотрение правительственного кабинета⁶.

Примечательной особенностью монографии является подробное рассмотрение «ирландской тематики», хотя автор обращается и к другим регионам Британской империи. Это вполне обоснованно с учётом значимости ирландского вопроса для Лондона, однако происходившие параллельно с развитием борьбы ирландцев за независимость события в граничивших с СССР и Британской Индией Афганистане и Иране, а также в самой Британской Индии имели не меньшее значение. В этой связи было бы целесообразно поставить вопрос о выявлении особенностей политики «патрулирования империи» в условиях различных регионов. Решению этой задачи могло бы служить обращение к практике использования британскими властями этнорелигиозного состава местного населения в целях реализации проводимой ими колониальной политики⁷. Приведенная в монографии исследовательская литература могла бы позволить автору сделать собственные заключения по данной теме, тем более что многие из сюжетов находятся в его поле зрения.

⁶ См. подробнее: Barnett C. The collapse of British power. New York: William Morrow & Company, Inc., 1972.

⁷ Сергеев Е.Ю. Британский вариант доктрины Монро versus «коммунистический милитаризм»: коллизии отношений СССР и Соединенного Королевства в странах Востока (середина 1920-х годов) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 125–159; Его же. Обманчивый рассвет. Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2024; Улуян А.А. Советская военная угроза из Центральной Азии для Британской Индии. Британские оценки и заключения (1920–1930-е гг.) // Историческое пространство: Проблемы истории стран СНГ / Под общ. ред. А.О. Чубарьяна. М.: Наука, 2013. С. 68–83.

Обращаясь к теме формирования подходов британских военных к осмыслению малых войн на Востоке в эпоху Интербеллума, С.Г. Малкин приводит интересные оценки представителей армейских кругов пуштунских племён махсудов и африди, которые, по мнению экспертов, «не могут более считаться дикарями в чисто военном смысле слова из-за их вооружения и тактики», хотя “сердцем они всё ещё дикари” (с. 89–190). Подобный подход к этнополитическим реалиям в колониях имеет исторические корни и важен с точки зрения понимания общих взглядов британских военно-политических кругов на народы подвластных территорий. Основа таких представлений была заложена теорией так называемых воинственных рас (*martial races*), появившейся после восстания сипаев 1856–1857 гг. в британской колониальной администрации Индии. В соответствии с этой теорией существовали приспособленные к войне расы (нации) и те, кто не являлись таковыми. В значительной мере данный концепт получил распространение благодаря его активной популяризации влиятельным в военных кругах генералом Фредериком Слеем Робертсом, 1-м графом Робертсом Кандагарским (1832–1914), став частью идеологических воззрений колониальных кругов Британской империи вплоть до конца Второй мировой войны.

В тесной связи с задачей формулирования методологических подходов к осмыслению проблем «патрулирования империи», как вполне справедливо отмечает С.Г. Малкин, активно использовавший не только имеющуюся британскую историографию, но и материалы британских архивов, находится и другая — практическая. Автор монографии делает вывод, что «в эпоху Интербеллума за рамки дихотомического представления о военном положении ни военная, ни гражданская управленческая мысль, за редким исключением, так и не вышла» (с. 131). Можно было бы сказать, что сама логика колониального администрирования подвластных заморских территорий, население которых имело собственные традиционные институты управления, даже при максимальном их сохранении, а точнее, консервации не предусматривала иного подхода, нежели использование законов метрополии и распространение на колонии ее «юридического пространства».

Именно данный факт ставил на повестку дня вопросы о формах взаимодействия гражданской и военной администраций в заморских владениях Британии и о роли в этом процессе назначаемых короной губернаторов. Большое значение для понимания склады-

вавшегося в межвоенный период дискурса о формах и методах обеспечения обороноспособности и безопасности Британской империи имело распространение соответствующих идей и дискуссионных нарративов в британской печати 1920–1930-х годов, отражавших довольно жаркие дебаты в британском парламенте. Поляризация общественно-политических сил по вопросу о колониальной политике, обороне, а главное — о расходах на имперскую политику в целом, включая военный элемент, переводила споры о методологии и механизме реализации британского господства на зависимых территориях в конкретную плоскость. Этот аспект проблемы мог бы стать предметом отдельного рассмотрения, тем более что, как отмечает С.Г. Малкин, ссылаясь на утверждение А. Сирла, «участие представителей всех основных служб безопасности империи — армии, флота и авиации — в переопределении принципов ведения войны способствовало формированию общей “стратегической культуры” в 1920–1930-х гг.» (с. 179).

Её частью в преломлении военной стратегии в рамках концептов «малых войн» и в особенности «патрулирования империи» всё более отчётливо становится методология определения форм неконвенциональных боевых действий в виде антиповстанческой деятельности и контрпартизанской борьбы. Особенности складывавшейся общественно-политической ситуации на зависимых территориях, где в межвоенный период расширялось национально-освободительное движение, требовали соответствующего ответа Лондона. В этой связи в параграфе «Крылья империи» автор отмечает увеличение внимания, как он её называет, «военной корпорации» к использованию новых технологий в деле обеспечения колониального контроля Великобритании, что нашло отражение в дискуссии по поводу применения авиации для решения этой задачи на «внутреннем» фронте (с. 192–198). К примеру, использование ВВС в Ираке и Северо-Западной пограничной провинции Индии против местных повстанцев в межвоенный период сделало Британию первой, кто задействовал авиацию для борьбы с партизанами (*counter-insurgency aircraft tactics*). Особенно активная ставка на ВВС как важный компонент британских вооруженных сил делалась в конце 1930-х годов, что стало отражением идей упоминавшегося Б.Г. Лиддел Харта, поддержанных Н. Чемберленом.

Однако военно-технические достижения и технологии были лишь инструментами реализации общего военно-политического

концепта «сбережения» колониальных владений империи, одним из важных компонентов которого выступала тактика противодействия повстанческим, а по сути — национально-освободительным движениям. В этой связи автор монографии обращает внимание на методологические основы контрпартизанских действий, сформулированные Ч.У. Гвином и предполагавшие сочетание разведывательной работы с упреждающими ударами по наиболее активным центрам «заговорщиков» (с. 211), а также на идеи британского полковника Х.Дж. Симсона, рассматриваемого С.Г. Малкиным в качестве теоретика борьбы с антиколониальными движениями в 1930-е годы.

Необходимо отметить проведенный в работе дискурс-анализ проблемы «патрулирования империи» в рамках обсуждения доктрин и концептов, направленных на сохранение и упрочение позиций британской колониальной администрации, что представляет собой значимый вклад в отечественную историографию британского имперского управления межвоенного периода. Вышедшая в свет монография, несомненно, привлечет внимание как представителей академического сообщества, так и всех читателей, интересующихся рассматриваемой проблематикой.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025;
одобрена после рецензирования 26.08.2025;
принята к публикации 12.10.2025

The paper was submitted 14.08.2025;
approved after reviewing 26.08.2025;
accepted for publication 12.10.2025